АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ
атындағы
ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

1748 4356

Л. Г. ПАНИН

Лексика западносибирской деловой письменности

XVII — первая половина XVIII в.

ТІЛ БІЛІМІ ИНСТИТУТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ
атындағы
ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ
И ФИЛОСОФИИ

Л. Г. ПАНИН

ЛЕКСИКА ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

XVII—первая половина XVIII в.

Ответственный редактор
д-р филол. наук *А. И. Федоров*

ТІЛ БІЛІМІ ИНСТИТУТЫ

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

Панин Л. Г. Лексика западносибирской деловой письменности (XVII — первая половина XVIII в.).— Новосибирск: Наука, 1985.

В монографии исследованы такие лексические группы, как наименования построек, одежды, обуви, лексика охотничьего и рыбного промыслов, географические термины, рассмотрены происхождение этой лексики (выявлены слова, попавшие в Сибирь из европейских говоров, определен состав сибирских лексических инноваций), ее семантические связи и место в функциональной системе русского языка того времени (определены диалектный и общенародный слои в изученной лексике), прослежена судьба этой лексики в современных говорах Западной Сибири. Историко-диалектологический аспект исследования позволил дать характеристику важнейших черт словарного состава вторичных западносибирских говоров, формирующихся в эпоху образования русского национального языка. Книга написана на основе ранее не изученных лингвистических архивных фондов.

Книга рассчитана на историков языка, диалектологов, этнографов, краеведов.

Рецензенты *Н. А. Лукьянова, Л. П. Петропавловская*

ТІЛ БІЛІМІ ИНСТИТУТЫ

$\Pi \frac{4602000000-812}{042(02)-85}$ 262—85—I

© Издательство «Наука», 1985 г.

ВВЕДЕНИЕ

История словарного состава русского языка по данным памятников западносибирского происхождения исследована недостаточно и неравномерно. Усилиями томских историков языка (под руководством В. В. Палагиной) изучена лексика деловой письменности XVII в. Томского, Кетского, Нарымского, Кузнецкого острогов, к письменным же источникам Верхотурья, Тобольска, Тюмени и других городов и острогов, богато представленным в центральных и местных архивах, языковеды обращались мало. Предлагаемая вниманию читателей работа в какой-то мере восполняет этот пробел.

Проникновение русских в Сибирь началось задолго до ее присоединения к Русскому государству. Уже в XIII—XIV вв. торговля между Новгородом и Северо-Западной Сибирью была столь оживленной, что существовало особое торговое объединение «Югорщина» (от Югра — название земли, где жили предки ханты и манси), но более широкое проникновение русских в Сибирь начинается лишь с XVI в.[1] Именно в это столетие построены города и остроги Тюмень, Тобольск, Березов, Сургут и др. Известно, что первыми русскими поселенцами Сибири были выходцы из северной и, видимо, в меньшей степени из центральной части Русского государства[2]. Говоры их потомков, расселившихся в последующее время в Сибири, принято называть сибирскими старожильческими (в отличие от говоров «новоселов», более поздних поселенцев, главным образом носителей южнорусских говоров). Однако уже в XVII в. для Сибири характерно наличие выходцев и из южных земель Московской Руси. Так, В. В. Палагина выявила диалектный состав жителей г. Томска первой половины XVII в.: 488 выходцев из территорий распространения севернорусского населения, 163 выходца из центральной части Московского государства и 76 южнорусов[3].

Положение о том, что в основе сибирских старожильческих говоров лежат языковые факты, присущие говорам Русского Севера, общепризнано. Изучая русские говоры Сибири, А. М. Селищев пришел к следующему выводу: «В основу сибирских говоров легли говоры северной полосы Европейской России — говоры Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Архангельской, Вятской и Пермской губерний. Отсюда шли основные старые колонизационные волны в Сибирь. Всеми главными явлениями — звуковыми, формальными, синтаксическими и лексическими — сибирские говоры находятся в ближайшей родственной связи с этой северорусской диалектной областью»[4].

Формирование русских народных говоров Сибири происходило в эпоху, когда складывался национальный язык. В этот период диалекты с их особенностями в грамматическом строе и словарном составе играли существенную роль в языковой ситуации, так как диалектные различия обладали еще значительной устойчивостью. Рассматриваемое время (так же, как и эпоха образования языка великорусской народности) характеризуется изменением взаимоотношений между территориальными диалектами и общенародным языком: прекращается (или почти прекращается) образование новых диалектных различий, а старые начинают сглаживаться, особенно на территориях, экономически наиболее развитых[5]. Именно в этот период, «когда процесс диалектообразования в основном уже был закончен», происходит формирование переселенческих говоров[6].

Своеобразие переселенческих говоров (иначе — говоров территорий позднего заселения), формирующихся в донациональную эпоху, по сравнению с говорами, которые складываются в XVIII—XX вв. в результате заселения новых территорий, рассмотрел Ф. П. Филин. Специфику первых говоров он видит в заметной модификации старых диалектов переселенцев и в создании новых говоров, тогда как говоры переселенцев XVIII—XX вв. «оставались прежними, новые диалектные особенности в них обычно не образовывались (если не считать инноваций, прежде всего в лексике, возникавших в условиях иноязычной среды или вообще под влиянием других языков)»[7].

История формирования сибирских говоров до сих пор, к сожалению, остается слабо изученной. Между тем богатый и разнообразный материал для историко-лингвистического исследования в области грамматики и лексического состава сибирских говоров мы находим в деловых памятниках Сибири XVII—XVIII вв.

Правомерность исследования лексического состава и грамматических явлений русских народных говоров в историческом плане по данным деловой письменности сейчас вряд ли у кого вызовет сомнения. Упрекая русистов в невнимании к памятникам поздней письменности, С. И. Котков пишет, что значительная часть памятников генетически связана с определенными зонами русского языка и «позволяет уверенно воссоздать отдаленный от наших дней веками их (т. е. зон.— *Л. П.*) лингвистический „ландшафт" иногда с весьма характерными приметами»[8].

Значение деловой письменности в качестве источника для изучения истории русского языка обусловлено тесной связью языка этих памятников и с литературно обработанным языком, и с народно-диалектным. С одной стороны, связь с литературно обработанным языком выражается как во внутренней упорядоченности, обработанности элементов, в их согласованности с языком других видов письменности (литературной), так и во влиянии делового языка на язык других видов письменности (использование делового языка в стилистических целях, например, в «Шемякином суде» и других повестях XVII в. выступает как частный случай указанного влияния). С другой стороны, для нас очень важна связь языка деловой письменности с живым разговорным языком той эпохи. Выше уже было отмечено, какое существенное значение ученые придают живой, разговорной струе в языке деловой письменности. Что касается диалектных черт в деловом языке, то можно отметить следующее. Возникнув на основе определенных диалектов, но приняв в соответствующий (уже в дописьменный) период наддиалектный характер, язык права так или иначе всегда был тесно связан с территориальными диалектами. Степень отражения диалектных элементов в языке конкретного делового документа в определенную историческую эпоху зависит от множества факторов, прежде всего — от соотношения в данный период языкового развития категорий «языка» и «диалект». Далее, проникновение диалектизмов (фонетических, лексических и пр.) определяется типом делового памятника, степенью его государственной значимости. Поэтому мы находим такие памятники, как Русская Правда и Уложение 1649 г., и в качестве своеобразного полюса на оси делового языка (в отношении использования диалектизмов) определенной исторической эпохи — Торговый договор Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. и челобитные, поданные жителями окраинных земель Русского государства XVII в. Сказанное отнюдь не

отрицает наличия общей кодификации и обработанности делового языка, но безусловно важным представляется внутреннее разграничение деловых документов как в отношении лексической (и шире — языковой) информативности, так и с точки зрения возможности проникновения в их язык диалектных явлений.

Говоря вообще о языке той письменности, которую принято называть деловой, следует отметить следующее. Несомненны различия в языке разных ее групп, но также несомненно и то общее, что позволяет лингвистам объединять порой столь непохожие друг на друга памятники одним термином «деловая письменность». Это общее применительно к языку проявляется прежде всего в наличии характерных формул (зачина и концовки, хотя и своих собственных, специфических), устойчивых словосочетаний и, наконец (что самое важное для нас), в непосредственной ориентации на живую разговорную речь. Здесь можно сказать, что кодификация тех или иных языковых средств (и шире: всей языковой системы данного вида письменности) не замыкалась внутри себя, как это, например, имело место в церковнославянском языке сравнительно поздней эпохи, но имела своим и отправным, и конечным пунктом разговорную речь. Степень же общей нормированности по отдельным группам деловой письменности была различной. Наиболее обработанным следует признать язык статейной письменности, а более открытым для местных языковых явлений — язык эпистолярной и актовой письменности, который, впрочем, не был однороден в этом отношении. Так, более непосредственно живые факты языка отражались в интимных, семейных письмах (грамотках), в челобитных и распросных речах (в последних можно наблюдать намеренное следование шагом речи подследственного). Но если грамотки и служат одним из наиболее достоверных источников изучения разговорных особенностей языка, то все же следует помнить, что написаны они грамотными людьми. Речь социальных низов (и крестьян, и городской бедноты) мы можем восстановить зачастую лишь по челобитным, распросным речам, а также по сказкам. Тем более эти источники необходимы диалектологу, так как в них встречается большое количество локальных явлений языка.

Несмотря на то, что изучение деловой письменности сибирскими лингвистами началось сравнительно недавно, оно имеет свои традиции и определенные направления. Прежде всего, исследование сибирской деловой письменности неотделимо от изучения истории формирования русских говоров

Сибири и в конечном счете от изучения хозяйственного и культурного освоения Сибирского края.

К деловой письменности как к источнику для изучения истории русских говоров Сибири первыми из сибирских языковедов обратились Н. А. Цомакион и В. В. Палагина. Так, Н. А. Цомакион исследовала туруханские говоры и в качестве основного исторического источника привлекала данные деловой письменности XVII — начала XVIII в. Результаты этой работы нашли отражение в статьях, монографии и словаре[9].

Оригинальное исследование осуществила В. В. Палагина. Применяя собственную разработанную методику исследования формирования вторичного русского говора, В. В. Палагина использовала деловую письменность г. Томска XVII в.[10]

Наряду с подобными исследованиями, основной целью которых является описание становления говоров вторичного образования, деловая письменность используется сибирскими языковедами как материал для углубленного изучения различных сторон русского языка и сибирских говоров в начальную эпоху их формирования. Так, Н. Е. Попова опубликовала ряд работ по терминологии рыбного и пушного промысла в Сибири XVII—XVIII вв.[11] Фонетические и морфологические особенности языка деловых документов XVII в. Кетского острога описаны в статьях Л. А. Захаровой[12]. Диалектным морфологическим особенностям языка томских бумаг посвящена статья С. Э. Мазо[13], а лексический состав этих же источников исследовала Н. Ю. Потехина[14]. Материалы для исторического словаря кузнецких говоров опубликовала Г. М. Читрик[15].

До сих пор остаются неизученными многие вопросы сибирской исторической диалектологии, в частности вопрос об истории словарного фонда русских говоров Сибири. Между тем уровень современных исследований сибирских говоров позволяет поставить этот вопрос. Накоплен значительный материал по современным говорам: лексикографически исследованы современные говоры Среднего Приобья, Кузбасса, Новосибирской области, южных районов Красноярского края, Забайкалья; в ИИФиФ СО АН СССР создана сводная картотека, включающая сведения о русской диалектной лексике в Сибири XIX — начале XX в. Отработана методика исследования языка местной деловой письменности и введено в научный оборот большое количество сведений о словарном составе сибирской деловой письменности XVII — первой половины XVIII в. Все это создает реальную почву

для исторического исследования словарного фонда русских говоров Сибири.

Данная монография представляет собой опыт подобного исследования. Ее цель — описать историю лексики, отмеченной памятниками делового письма Западной Сибири XVII — первой половины XVIII в., выяснив происхождение этой лексики, семантические связи слов в тот период, а также ее судьбу в современных говорах этого региона. Для анализа была отобрана лексика с предметным значением: наименование построек, одежды и обуви, лексика промыслов (термины судоходства, охоты и рыбной ловли) и географические термины. Обращение к данным лексическим группам объясняется, во-первых, тем, что именно эта лексика наиболее полно представлена в деловых источниках XVII — первой половины XVIII в.; во-вторых, тем, что термины материальной культуры наряду с лексикой, связанной с основными видами деятельности человека и его освоением природы края, дают достаточно объективное представление о словарном составе говоров.

В качестве основных исторических источников использованы документы, хранящиеся в ЦГАДА (ф. 214 — «Сибирский приказ»), ГАТОТ (ф. 661 — «Тобольская полицмейстерская контора», ф. 47 — «Тюменская воеводская канцелярия»), ГАНО (ф. 104 — «Чаусская судная изба», ф. 105 — «Чаусский острог»), а также ряд опубликованных источников. Выборка лексического материала производилась из деловой письменности Тобольска, Тюмени, Верхотурья, Сургута, Пелыма, Тары, Чаусского острога и некоторых других населенных пунктов Западной Сибири рассматриваемого периода. В сопоставительных целях использовалась русская лексика, зафиксированная в дневнике сибирского путешествия Д. Г. Мессершмидта (см. Messerschmidt). Дальнейшая судьба отмеченной западносибирской письменностью лексики изучается с привлечением материалов Картотеки Словаря русских говоров Сибири (Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, г. Новосибирск) и существующих региональных словарей.

Основные задачи нашего исследования следующие: а) описание состава избранных лексических групп с целью выявления территориально ограниченной для XVII—XVIII вв. лексики и определения словарного состава западносибирских говоров этого времени; б) выявление тех изменений в лексике, которые затронули формальную и семантическую стороны слова, а также определение функциональных изменений в словарном составе западносибир-

ских говоров. (К числу последних мы относим изменения среды и сферы употребления слова, что наиболее наглядно выявляется при утрате словом со временем территориальной ограниченности или, наоборот, сохранении только в говорах лексической единицы, имевшей в прошлом общерусское употребление.)

Автор выражает искреннюю признательность кандидату филологических наук доценту Н. А. Лукьяновой и доктору филологических наук профессору А. И. Федорову за ценные замечания, сделанные в процессе работы над монографией.

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ атындағы ТІЛ БІЛІМІ ИНСТИТУТЫ

Глава I

НАИМЕНОВАНИЯ ПОСТРОЕК И ИХ ЧАСТЕЙ

Данная глава посвящена изучению названий жилых и служебных построек, помещений и их частей (а также некоторых деталей интерьера) в русских говорах Западной Сибири XVII — первой половины XVIII в. в том составе, который зафиксирован деловой письменностью того времени. Рассматриваемые слова принадлежат к так называемым этнографизмам — терминам материальной культуры. Сами эти реалии материальной культуры (в частности, типы построек, их составные части) уже описаны в литературе[1], в то время как собственно лингвистическое изучение данных терминов рассматриваемой эпохи только начинается. Уже предварительное наблюдение над словарным составом источников показывает, что диалектолог не всегда может воспользоваться существующими этнографическими описаниями. Объясняется это прежде всего тем, что, анализируя один и тот же письменный источник, этнограф и лингвист имеют дело с разными объектами описания и решают разные задачи. Для этнографа важно «наполнить» отмеченные термины конкретным реальным содержанием, т. е. описать сами реалии, для лингвиста — выявить лексическое значение слова и определить его место в лексико-семантической системе языка (говора). При анализе любого лексического материала встает вопрос о семантических отношениях между словами в пределах одной лексико-семантической группы, об объеме значения каждого из них. Особенно ясно это становится при изучении наименований построек в пределах одного или нескольких родственных говоров, так как эти наименования (даже будучи употребительными в литературном языке) не совпадают по семантическому объему в разных говорах. Общая картина возможных семантических отношений между названиями построек в русских говорах дана О. И. Мораховской[2].

В деловой письменности Западной Сибири XVII — первой половины XVIII в. для передачи понятий 'вся постройка' (целое), 'жилая постройка' (часть этого целого), 'жилое помещение' (часть этой части целого) употреблялись слова *хоромы*, *двор*, *дом*, *изба* и др.

Слова *хоромы* как лексикализовавшейся формы множественного числа в словаре И. И. Срезневского нет, но представлены слова *хоромъ*, *хоромина*, *храмъ*, *храмина* (Срезневский, т. 3, с. 1397—1399), при этом только слова с полногласием отмечены в качестве наименований дома, комнаты и целого строения. У В. И. Даля (т. 4, с. 561) к слову *хоромы* приведены два значения: 'жилые деревянные строения', 'связь, большое деревянное жилое строение, просторный дом'. В западносибирских текстах рассматриваемого времени слово *хоромы* употребляется редко (по сравнению, например, со словами *дом*, *двор*), ср.: «Продалъ ... двор свой со всеми хоромы» (Тобол., 1685 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 469, л. 13), «В деревне хоромы: горница на подклете, а противъ горницы подвалъ на погребу и зъ замкомъ, а межъ горницею и подваломъ сени и дворъ, сарай и заплоты и вороты» (Тюмен., 1692 г., ГАТОТ, ф. 47, № 2236а, л. 1), «Во дворе хоромов: изба на замостье, против избы клетишко с сенишками и з заплотишками и с воротишками» (Тюмен., 1699 г., ЦГАДА, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 390), также уменьшит. *хоромишки*: «Продал на Тюмени за посадом на малом городище дворецо свое со всеми хоромишки и с подворную и огородною землею» (Тюмен., 1699 г., Там же, л. 413) и др. В данных примерах рассматриваемым словом названа вся постройка в целом. Значение 'жилая постройка' у слова *хоромы* в нашей выборке отмечено в единственном случае, когда на это значение указывает определение *жилые*: «Класть в такомъ месте, где бъ отъ жилыхъ хоромъ въ пожарной случай гибели не было» (Тюмен., 1700 г., Пам. сиб. ист., кн. 1, № 5). Следует отметить также словосочетание *хоромное строение* для обозначения всей (жилой) постройки: «По осмотру во дворе хоромного строения две избы на мосте: одна новая, а другая ветхая съ сенми, клед(ъ) на подклете с сенми ж а заплоты и с вороты, да амбар, кузница ветхая да баня» (Тюмен., 1701 г., ГАТОТ, ф. 47, № 97, л. 1), «Около того Уртамского острогу вырыть ровъ и за опым рвом тако ж и состоящаго при нем обывательского хоромнаго строения надолобы и рогатки поставит(ъ)» (Чаус., 1747 г., ГАНО, ф. 104, № 1, л. 55) и др. Данное словосочетание было характерно, по-видимому, прежде всего для письменного языка и менее показательно для живой разговорной речи.

Как обозначение отдельной постройки выступает слово *хоромина*: «Тот чемоданъ найденъ и на посторонней хоромине на клеву» (Чаус., 1735 г., ГАНО, ф. 105, № 2, л. 170). В употреблении слов *хоромина* и *хоромы* наша письменность не обнаруживает сколько-нибудь заметных отклонений от общерусского языка (ср. МДБП, с. 48; ПНЯ, с. 124), широко эти слова были представлены и в северорусской письменности[3].

Картотека СРГС не отмечает слова *хоромы*, но в записях западносибирской диалектной речи XX столетия отмечено слово *хоромина* (в юго-западных говорах Сибири) со значением 'жилое здание, дом'. В целом же данные наименования, по-видимому, не характерны для западносибирских говоров современности.

Так же, как и словосочетание *хоромное строение*, само слово *строение*, вероятно, было принадлежностью письменной формы русского языка того времени. В наших примерах оно выступает в наиболее обобщенном значении '(дворовые) постройки': «у него Кирила двор и со всяким строением (сгорел)» (Тюмен., 1707 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1726, л. 20).

Многозначно в исследуемых памятниках слово *двор*: совокупность жилых и хозяйственных построек, просто жилая постройка, а в терминологических сочетаниях — хозяйственная постройка для содержания скота. Особенность данного термина состояла в том, что он обозначал только постройку, а не помещение: «Имеетъ половину своего двора на нижнем посаде в Б(о)гоявленском приходе и живетъ в нижномъ подклете з домашними своими, а в верхней горнице в половине живетъ енисейского полку солдата Клементья Побегаева жена его» (Тобол., 1739 г., ГАТОТ, ф. 661, № 51, л. 40), «Из двора его из клети окном неведомые воры покравъ воровски унесли...» (Тобол., 1743 г., ГАТОТ, ф. 661, № 69, л. 107), «Дабы повелено... было... во всяких пожитках, во дворе и во всякой скоте, и в посевном хлебе... поделить» (Тюмен., 1725 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1739, л. 11 об.), «Для отписи двора и пожитку, и хлеба, и скота» (Тюмен., 1726 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1742, л. 6 об.), также уменьшит. *дворецо*: «Продал избенко на змостье с сенишками, и з заплотишками, и с воротишками, взял за то дворецо три рубля» (Тюмен., 1699 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 390 об.). В близком значении отмечено и словосочетание *дворовое строение*: «В приданое за ней, дочер(ь)ю, своей дали... двор свой з дворовым строеньемъ: изба на змостье с сенцы да избенко малое и з заплоты» (Тюмен., 1704 г., ГАТОТ, ф. 47, № 3491, л. 4). Параллельное употребление

в этом тексте слова *двор* и словосочетания *дворовое строение* свидетельствует, что этим словосочетанием назывались собственно 'дворовые постройки', а не 'совокупность построек'. В значении 'совокупность построек' (у слова *двор* в данном случае) заложен признак 'назначение постройки'. Иными словами, *двор* характеризуется здесь с точки зрения своего хозяйственного и бытового назначения, а дворовое строение называет то, что является результатом строительного труда, т. е. все хозяйственные постройки во дворе.

Следующим значением слова *двор* в западносибирской письменности было 'помещение для скота при доме (?)': «З двора ево воровски увели лошад(ь) мерина рыжего» (Тобол., 1737 г., ГАТОТ, ф. 661, № 42, л. 34). Отчетливо это значение у данного слова выступает только в составе словосочетаний *конюшенный двор* и *коровий двор*: «Сколько... на конюшенномъ дворе лошади и на коровьем дворе всякую животину» (Тобол., 1625 г., Материалы, с. 11).

Значение 'двор (огороженный участок земли около дома)' представлено в следующих примерах: «Оная женка... с сарая скочила во двор и с собою воровски одну сво рубаху унесла» (Тобол., 1743 г., ГАТОТ, ф. 661, № 69, л. 97), «Вышед она ис той своей нижней горницы на дворъ, имела во дворе и лежачую на том дворе взявъ дранку бросила на рундукъ» (Тобол., 1743 г., Там же, л. 313) и др.

Термин *двор* в рассматриваемых западносибирских говорах (письменности) имел синонимические образования. В первом значении он был синонимичен слову *хоромы*, ср.: «В деревне хоромы: горница на подклете, а против горницы подвал на погребу и з замком, а меж горницею и подвалом сени и двор, сарай и заплоты, и ворота» (Тюмен., 1692 г., ГАТОТ, ф. 47, № 2236а, л. 1). Подобные примеры, бесспорно, свидетельствуют о близости значений слов *хоромы* и *двор*. Однако в самом значении слова *хоромы* заключается специфический семантический компонент: в отличие от слова *двор*, называющего 'совокупность построек', слово *хоромы* называет данную реалию с точки зрения наличия в ней отдельных помещений и построек, т. е. двор в данном случае — это целое, состоящее из частей, а хоромы — части, составляющие аналогичное целое. Эти различия носят языковой характер, показательно, что они, будучи различиями семантического порядка, закреплены грамматическими средствами, а именно формой множественного числа слова *хоромы* (форма *хорома* в нашей выборке не отмечена).

В современных говорах Западной Сибири дальнейшее развитие получило обозначение словом *двор* помещения

(и постройки) для скота. Так, в новосибирских говорах этим словом называют пристройку к дому для скота; обозначение словом *двор* утепленного помещения для скота — хлева — отмечено в новосибирских, среднеобских говорах, на Алтае, в этих же говорах данным словом называют и загон для скота (см. СРНГ, вып. 7, с. 295—296; Новосиб. сл., с. 118; Богданов, с. 139). В современном литературном языке рассматриваемое слово сохранилось для обозначения совокупности крестьянских построек и огороженного участка земли при доме. Правда, сфера его употребления здесь может быть ограниченной, так как в литературном языке *двор* — это лишь отдельное крестьянское хозяйство (крестьянский дом со всеми хозяйственными постройками — см. СРЯ, т. 1, с. 498). Слово *двор* в основных значениях было общеупотребительным, видимо, на всем протяжении своей истории. Различия в употреблении рус. диал. *двор*, о которых свидетельствует СРНГ (вып. 7, с. 294—296), как названия постройки (помещения) складывались постепенно за счет специфики самих реалий, обозначаемых данным словом. В связи с этим можно отметить, что различия вроде зап.-сиб. *двор* '(теплый) хлев' и *двор* 'загон' скорее этнографического порядка, чем семантического в отличие от некоторых других значений этого слова, появившихся в результате переноса наименования. Так, например, в талицком говоре наряду с приведенными выше отмечено значение 'дом, а также семья, живущая в нем, хозяйство семьи' (Богданов, с. 139, разрядка наша. — *Л. И.*), встречающееся в южнорусских говорах (СРНГ, вып. 7, с. 294). Подобное употребление, возникшее в результате метонимического переноса, является, по всей видимости, достаточно древним. Правда, древнерусская письменность не фиксирует значения 'семья' у этого слова, однако СлРЯ (вып. 4, с. 190) отмечает обозначение словом *дворъ* совокупности служилых людей или вассалов при усадьбе феодала, что позволяет говорить о сохранении в современных говорах древнерусской традиции метонимического употребления данного слова.

Существительное *подворье*, отмеченное в ранних русских памятниках со значением 'дом с двором и дворовыми постройками, усадьба, жилище' (Срезневский, т. 2, с. 1036), в нашей выборке имеет значение 'помещение, отдаваемое внаймы или за услуги по дому': «Шел я из юрты в подвор(ь)е свое къ Григор(ь)ю Парфенову, где я стою на подвор(ь)е» (Тюмен., 1723 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1735, л. 4), «...у которого она жила на подвор(ь)е» (Тобол., 1737 г., ГАТОТ, ф. 661, № 42, л. 199) и др. К слову *подворье* в дан-

ном значении в словаре В. И. Даля (т. 3, с. 166) приведена помета, свидетельствующая о его распространении в новгородских говорах. В современном русском языке это наименование является устаревшим (см. Ушаков, т. 3, с. 373), современные западносибирские диалектные словари данный термин не фиксируют.

Для обозначения постройки, содержащей жилые и служебные помещения, в наших текстах встречаем слово *дом*: «Пришед в означенной тещи ево дом, в котором онъ Воеводцкий живетъ и вшед в черную избу» (Тобол., 1737 г., ГАТОТ, ф. 661, № 42, л. 231), «В доме ево Замощикова в сарае ободрали у двоих санеи городцких с щитов сукна красные» (Тобол., 1737 г., ГАТОТ, ф. 661, № 42, л. 348), «Оные пожитки унесъ он Кармачевъ с собой в дом свой и положил в подвал под горницу» (Тюмен., 1747 г., ГАТОТ, ф. 47, № 4316, л. 7), «Поехал возвратной в дом свой и приехав домой в вечеру, и те пожитки принес в избу и положил на лавку в передний угол» (Чаус., 1749 г., ГАНО, ф. 105, № 16, л. 172).

Известно, что для Сибири были характерны дома типа «связь» — шестистенки, состоящие из двух частей, связанных теплыми сенями: «Первое помещение называлось избой, в нем в основном жила вся семья: спали, готовили пищу, а зимой работали... Второе помещение — чистое, парадное, называлось горницей (или светлицей); в праздники принимали гостей, а летом отдыхали сами в прохладе»[4].

Как наименование жилой постройки слово *двор* было синонимичным слову *дом*. Следует отметить, что данное значение у слова *дом* наиболее употребительно практически на всем протяжении истории русского языка (см. СлРЯ, вып. 4, с. 306), а в наших текстах — единственно представленное. Вместе с тем различия данных лексических единиц (*двор* 'жилая постройка' и *дом* 'жилая постройка') не ограничивались степенью употребительности. Они были обусловлены и содержательной стороной этих слов: лексема *двор* в данном случае обозначала реалию как постройку, а у слова *дом* более ощутим семантический компонент «жилище; постройка, главное назначение которой состоит в том, чтобы в ней жить». Данные различия, надо полагать, этимологически были обусловленными (см. ЭССЯ, вып. 5, с. 72—73, 169—170). В плане сказанного о семантическом различии этих слов интерес представляет их дифференцированное употребление: в актах купли-продажи и при описании построек употребляется преимущественно слово *двор*, в большинстве случаев (т. е. таких, где имеется в виду постройка как место проживания) — *дом*.

Так же как слово *двор*, наименование *дом* в языке старорусской письменности было общеупотребительным и его специфические употребления в русских говорах связаны с этнографическими особенностями. Как правило, в подобных случаях слово *дом* входит в терминологические словосочетания. Показательны в этом отношении говоры Новосибирской области, где в зависимости от типа постройки различают *дом восьмиугольный*, *дом крестовый* (*крестом*), *дом круглый*, *дом вперед связью*, *дом глаголью*, *дом крюком*, *дом связной*, *дом пятистенный* и др. (см. Новосиб. сл., с. 130—131). Приведенные словосочетания называют один и тот же тип постройки, что, несомненно, объясняется вторичным характером образования данных говоров, сформировавшихся в результате взаимодействия лексических систем различных «материнских» говоров.

Слово *изба* в западносибирских текстах XVII — первой половины XVIII в. употреблялось почти исключительно для обозначения жилого помещения, где готовили пищу, кухни, ср.: «А другие товарыщи ихъ ходили во опой избе и в горнице, також де и в подпол(ь)е» (Тобол., 1737 г., ГАТОТ, ф. 661, № 42, л. 29), «Во дворе хоромов: изба на замостье, против избы клетишко с сенишками и з заплотишками, и с воротишками» (Тюмен., 1699 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 390), «Будучи во опой дер(е)вне у обывателя Якова Мал(ь)цова в доме и вышед из избы на улицу» (Чаус., 1737 г., ГАНО, ф. 105, № 8, л. 186) и многие другие, также уменьшительное *избенко*: «Продалъ избенко на замостье с сенишками и з заплотишками, и с воротишками, взялъ за то дворецко три рубли» (Тюмен., 1690 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 390 об.).

Если в избе печь топилась без тяги, «по-черному», такую избу называли «черной»: «В доме своемъ в горнице своей у печи на шестке из сеней варила рыбу того ради, что у ней изба черная запечатана» (Тобол., 1746 г., ГАТОТ, ф. 661, № 83, л. 245). Словосочетание *белая изба* было, по-видимому, синонимичным слову *горница* (словосочетанию *белая горница*), в качестве сравнения здесь можно привести следующие два контекста: «Дому опого Гаряпстова, а в нем строенья: горница белая, против ее изба черная, на сарае горница холодная» (Тобол., 1749 г., Там же, № 97, л. 75), «Двороваго строения: изба черная да белая, межъ ими сени» (Тобол., 1746 г., Там же, № 83, л. 437).

Обособленно стоят примеры, где слово *изба* называет отдельную постройку, состоящую из одного помещения. Примеров этих немного, но именно в подобном употребле-

нии прослеживается этимологическое значение данного термина, являющегося праславянским заимствованием для обозначения постройки, первоначально использовавшейся в качестве бани. Но связь с этимологическим значением ограничивается здесь только тем, что зап.-сиб. *изба* называет отдельную постройку. По функциональному назначению изба как отдельная постройка, видимо, аналогична помещению, называемому этим же словом в крестьянском доме. Приведем пример употребления слова *изба* в качестве обозначения отдельной постройки: «Убежал в избу, которая стоитъ близ тех сараев» (Тобол., 1743 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 118 об.).

Особый вид постройки называло словосочетание *изба пятистенная*; это была постройка, «разделенная капитальной бревенчатой перегородкой на две половины»[5], ср.: «Изба пятистенная с сенми, двор в город(ъ)бе» (Тобол., 1683 г., ГАТОТ, ф. 661, № 81, л. 27 об.), «Изба пятистенная, двор в город(ъ)бе с вороты» (Тобол., 1683 г., Там же, л. 29 об.). В говорах Западной Сибири, судя по материалам Картотеки СРГС, словосочетания *дом пятистенный*, *изба пятистенная* известны весьма широко. На основе этих словосочетаний созданы лексемы том. *пятистенник* 'пятистенный дом' (Том., сл., Доп., ч. 2, с. 144), *пятистенка* (р. п. Каргасок, Том. обл., запись автора), Новосиб. *пятистенок*, *пятистенник* 'деревянный дом, разделенный на две части капитальной стеной' (Новосиб. сл., с. 452).

Единичен в нашей выборке пример, где рассматриваемым словом названо скорее всего жилище вообще: «Имъ (послам.— *Л. П.*) приготовлены были избы близко Аблаевы урги» (Тобол., 1660 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 4, № 53, л. 3).

С представлением о слове *изба* как наименовании жилого помещения, используемого повседневно (более обыденного, чем, например, горница), связаны названия *избушка* и *избенка*. Оба последних слова также называли постройку, состоящую из одного жилого помещения[6] (равного по своим функциям тому, что называлось избой в доме) и используемую во время охоты, рыбной ловли и других видов промысла: «К нашей промышленой становой избенке» (Тюмен., 1725 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1744, л. 16), «Он в степи стоял на речке Карасуке в ызбушке с товарыщами» (Чаус., 1749 г., ГАНО, ф. 105, № 17, л. 164).

Так же, как и словом *изба* в наиболее употребительном значении, словами *горница* и *светлица* назывались жилые помещения в доме, аналогичные с функциональной точки зрения. Для того чтобы составить представление о месте

Так же как слово *двор*, наименование *дом* в языке старорусской письменности было общеупотребительным и его специфические употребления в русских говорах связаны с этнографическими особенностями. Как правило, в подобных случаях слово *дом* входит в терминологические словосочетания. Показательны в этом отношении говоры Новосибирской области, где в зависимости от типа постройки различают *дом восьмиугольный*, *дом крестовый* (*крестом*), *дом круглый*, *дом вперед связью*, *дом глаголью*, *дом крюком*, *дом связной*, *дом пятистенный* и др. (см. Новосиб. сл., с. 130—131). Приведенные словосочетания называют один и тот же тип постройки, что, несомненно, объясняется вторичным характером образования данных говоров, сформировавшихся в результате взаимодействия лексических систем различных «материнских» говоров.

Слово *изба* в западносибирских текстах XVII — первой половины XVIII в. употреблялось почти исключительно для обозначения жилого помещения, где готовили пищу, кухни, ср.: «А другие товарыщи ихъ ходили во оной избе и в горнице, такожде и в подпол(ь)е» (Тобол., 1737 г., ГАТОТ, ф. 661, № 42, л. 29), «Во дворе хоромов: изба на замостье, против избы клетишко с сенишками и з заплотишками, и с воротишками» (Тюмен., 1699 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 390), «Будучи во оной дер(е)вне у обывателя Якова Мал(ь)цова в доме и вышед из избы на улицу» (Чаус., 1737 г., ГАНО, ф. 105, № 8, л. 186) и многие другие, также уменьшительное *избенко*: «Продалъ избенко на замостье с сенишками и з заплотишками, и с воротишками, взялъ за то дворецко три рубли» (Тюмен., 1690 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 390 об.).

Если в избе печь топилась без тяги, «по-черному», такую избу называли «черной»: «В доме своемъ в горнице своей у печи на шестке из сеней варила рыбу того ради, что у ней изба черная запечатана» (Тобол., 1746 г., ГАТОТ, ф. 661, № 83, л. 245). Словосочетание *белая изба* было, по-видимому, синонимичным слову *горница* (словосочетанию *белая горница*), в качестве сравнения здесь можно привести следующие два контекста: «Дому оного Гаряистова, а в нем строенья: горница белая, против ее изба черная, на сарае горница холодная» (Тобол., 1749 г., Там же, № 97, л. 75), «Двороваго строения: изба черная да белая, межъ ими сени» (Тобол., 1746 г., Там же, № 83, л. 437).

Обособленно стоят примеры, где слово *изба* называет отдельную постройку, состоящую из одного помещения. Примеров этих немного, но именно в подобном употребле-

нии прослеживается этимологическое значение данного термина, являющегося праславянским заимствованием для обозначения постройки, первоначально использовавшейся в качестве бани. Но связь с этимологическим значением ограничивается здесь только тем, что зап.-сиб. *изба* называет отдельную постройку. По функциональному назначению изба как отдельная постройка, видимо, аналогична помещению, называемому этим же словом в крестьянском доме. Приведем пример употребления слова *изба* в качестве обозначения отдельной постройки: «Убежал в избу, которая стоитъ близ тех сараев» (Тобол., 1743 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 118 об.).

Особый вид постройки называло словосочетание *изба пятистенная*; это была постройка, «разделенная капитальной бревенчатой перегородкой на две половины», ср.: «Изба пятистенная с сенми, двор в город(ь)бе» (Тобол., 1683 г., ГАТОТ, ф. 661, № 81, л. 27 об.), «Изба пятистенная, двор в город(ь)бе с вороты» (Тобол., 1683 г., Там же, л. 29 об.). В говорах Западной Сибири, судя по материалам Картотеки СРГО, словосочетания *дом пятистенный*, *изба пятистенная* известны весьма широко. На основе этих словосочетаний созданы лексемы том. *пятистенник* 'пятистенный дом' (Том., сл., Доп., ч. 2, с. 144), *пятистенка* (р. п. Каргасок, Том. обл., запись автора), Новосиб. *пятистенок*, *пятистенник* 'деревянный дом, разделенный на две части капитальной стеной' (Новосиб. сл., с. 452).

Единичен в нашей выборке пример, где рассматриваемым словом названо скорее всего жилище вообще: «Имъ (послам.— *Л. П.*) приготовлены были избы близко Аблаевы урги» (Тобол., 1660 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 4, № 53, л. 3).

С представлением о слове *изба* как наименовании жилого помещения, используемого повседневно (более обыденного, чем, например, горница), связаны названия *избушка* и *избенка*. Оба последних слова также называли постройку, состоящую из одного жилого помещения (равного по своим функциям тому, что называлось избой в доме) и используемую во время охоты, рыбной ловли и других видов промысла: «К нашей промышленой становой избенке» (Тюмен., 1725 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1744, л. 16), «Он в степи стоял на речке Карасуке в избушке с товарыщами» (Чаус., 1749 г., ГАНО, ф. 105, № 17, л. 164).

Так же, как и словом *изба* в наиболее употребительном значении, словами *горница* и *светлица* назывались жилые помещения в доме, аналогичные с функциональной точки зрения. Для того чтобы составить представление о месте

этих слов в кругу названий жилых помещений в Западной Сибири в XVII — первой половине XVIII в., следует обратиться к истории и этимологии слов, так как некоторые из них (*светлица*, *горница*, *изба*) долго сохраняли внутреннюю форму слова. Ранее всего, видимо, внутренняя форма была утрачена у слова *изба*. Если же остановиться на его этимологии, согласно которой источником праслав. *jьstъba считается др.-в.-нем. stuba 'теплое отапливаемое помещение', 'баня' (Цыганенко, с. 168), то становится ясным, что слово *изба* исторически противопоставлялось остальным наименованиям жилых помещений по признаку 'отапливаемое (помещение)'. Др.-рус. *горница* означало первоначально 'комната в верхней части дома', ср. ст.-слав. горѣ 'вверху, наверху', польск. gorny 'верхний, высокий' и др. Позже произошла деэтимологизация слова, что отражено, например, в изучаемых источниках: *низменная горница*: «С огороду влезли на отхожую низменную горенку» (Тобол., 1743 г., ГАТОТ, ф. 661, № 69, л. 159), *нижняя горница*: «Вышед она из той своей нижней горницы на дворъ» (Тобол., 1743 г., Там же, л. 313).

В наших текстах *горницей* называется второе жилое помещение (наряду с избой), которое могло быть как отапливаемым, так и неотапливаемым, холодным: «Из холодной горницы покрадено окошкомъ на огорода» (Тобол., 1743 г., ГАТОТ, ф. 661, № 69, л. 103), «В доме своемъ в горнице своей у печи на шеске на сенех варила рыбу» (Тобол., 1746 г., ГАТОТ, ф. 661, № 83, л. 254). Так же, как и изба, горница могла быть «черной» и «белой»: «Посътроены для проежающихъ по урочищам по две горницы белыхъ и по одной черной» (Чаус., 1747 г., ГАНО, ф. 104, № 2, л. 280) и др.

Описывая московские деревянные постройки XVII в. С. К. Богоявленский пришел к выводу, что резкой грани между избой и горницей не было, однако можно «в очень многих случаях установить, что горница была чистым покоем, предназначенным для жилья, и соответственно с этим обмеблирована», а светлица, будучи тем же, как и горница, теплым жильем, «отличалась от горницы тем, что, оправдывая свое название, имела много окон красных, а не волоковых»[7]. В изучаемое время произошла деэтимологизация слова *горница*, так как оно называло второе жилое помещение (первое — изба), расположенное не только на втором этаже, но и на первом. Языковые свидетельства деэтимологизации слова представляют словосочетания *нижняя* (или *низменная*) *горница* и специальное обозначение *верхняя*

горница, ср.: Вышед она ис той своей нижней горницы на дворъ» (Тобол., 1743, ГАТОТ, ф. 661, № 69, л. 313), «Имеет половину своего двора на нижнем посаде в Б(о)гоявленском приходе и живет в нижном подклете з домашними своими, а в верхней горнице в половине живет енисейского полку солдата Клеменьтья Побегаева жена ево Агрофена Борисова дочь» (Тобол., 1739 г., ГАТОТ, ф. 661, № 51, л. 40). Подобная утрата данным словом связи с этимологическим значением (праслав. *gorьnъjь «верхний») объясняется выходом из употребления названия *светлица*. Исследуемые источники дают мало примеров на употребление этого последнего слова — в нашей выборке оно практически ограничивается чаусскими примерами, где словом *светлица* названа светлая комната с большим окном (ср. волоковое окно у горницы), отапливаемая «по-белому» (т. е. печь «с выводом»): «При том же зимовье имеетца две светлицы белые, между светлицами одне сени, в одной светлице печь битая с выводом из глины, в другой светлице чувал, при тех же светлицах тре(ъ)я изба черная, в ней печь битая из глины» (Чаус., 1749 г., ГАНО, ф. 105, № 16, л. 14 об.). Чаусская письменность XVIII в. располагает и словом *горница*. Так, мы находим там упоминание о белой и черной горницах (ГАНО, ф. 104, № 2, л. 274).

В целом главное отличие в употреблении терминов *горница* и *светлица* в западносибирском материале XVII — первой половины XVIII в. заключается в преимущественном распространении (во всяком случае для тобольских и тюменских источников) первого слова.

Имеющийся в нашем распоряжении современный западносибирский диалектный материал свидетельствует об отсутствии термина *светлица*, в то время как слово *горница* для обозначения чистой комнаты в доме отмечено в омских (Блинова, Налагина, с. 72), новосибирских (Картотека СРГНСО), талицком (Богданов, с. 127) говорах. Более часты записи слова *горница* как наименования чистого помещения (в отличие от избы с русской печью) в доме, относящиеся к Западной Сибири XIX — начала XX в. По всей видимости, утрату говорами этого слова следует объяснить влиянием литературного языка, в частности распространением в говорах слова *комната*.

В одном из тюменских источников в значении 'жилая комната в доме' встречается слово *покой*: «Из оного нижнего покою без него, Бол(ъ)шихъ, украл онъ Куз(ъ)ма один лапун сермяжного сукна» (Тюмен., 1748 г., ГАТОТ, ф. 47, № 4317, л. 5 об.). Малоупотребительность этого термина в

источниках XVIII в., отражающих народно-разговорную речь, и его дальнейшая судьба в русском языке свидетельствуют о его книжном характере.

Клеть: «Из дому ево ис клети роскрыв кровлю ... унесли» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 396), «Неведомые воровские люди пришедъ в домъ ево у задней клети провертевъ у окна ставень и вшедъ в тое ево клеть, покрали...» (Тобол., 1734 г., Там же, л. 516). «Усмотрил онъ Чилинь в том тестя своего доме в клети на верхних пядрах помянутого м(о)н(а)стырского крестьянина Андрея Черкалова лежит утаясь, и знатно оный Черкаловъ пришелъ и закрался для кражи» (Тобол., 1739 г., ГАТОТ, ф. 661, № 51, л. 313), «Покрали ... ис клети провертевъ в волоковом окне ставень, и темъ окном унесено ис той клети пожитку ево...» (Тобол., 1746 г., ГАТОТ, ф. 661, № 83, л. 45), «Изба на змостье, против избы клеть, о два жилья с сенми, и с воротыі» (Тюмен., 1699 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 396 об.) и др.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что слово *клеть* (*клєть*) называет жилое «холодное» помещение; слово *клєть* часто употребляется рядом со словом *изба* или как обозначение части дома. Этнографическое исследование сибирского материала устанавливает функциональную связь таких помещений, как клеть и горница: «Отличалась горница от избы количеством окон и внутренним убранством. В остальном это была та же клеть»[7]. Действительно, косвенным подтверждением этого служит отсутствие в нашей выборке параллельного употребления терминов *горница* и *клеть*. Однако, по свидетельству М. М. Громыко[8], клеть могла сочетаться с горницей. Главное отличие клети как помещения в доме — это то, что она всегда была неотапливаемой. Кроме того, в функциональном отношении это помещение было хозяйственным и лишь в определенных ситуациях использовалось как жилое.

Кроме слова *клєть*, в том же значении находим его производные *клєтка*, *клєтишко*: «Во дворе хоромов: изба поземная, против избы клетка об одном жир(ь)е» (Тюмен., 1699 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 420), «Во дворе хоромов: изба на змостье, против избы клєтишко с сенишками и з заплотишками, и с воротишками» (Тюмен., 1696 г., Там же, л. 390).

По всей видимости, слово *клєть* в рассматриваемое время не было локально ограниченным (ср. более поздние свидетельства: САРазб, ч. 3, с. 176; Даль, т. 2, с. 121), но в качестве названия жилого помещения было известно в народ-

ном языке. Так же, как и в случае со словом *каменка* (см. ниже), слово *клеть* не было однозначным и называло то помещение в крестьянском доме, то отдельную постройку, ср.: «Изба белая на подклете, против ея клеть, межъ имя сени, в огороде погреб, под клетью анбар» (Тобол., 1746 г., ГАТОТ, ф. 661, № 81, л. 8 об.). При этом считается, что обозначение данным словом отдельной постройки является наиболее древним: «Слово *klěti* у древних славян означало... самостоятельный рубленый из добротных бревен домик без окон, с крепкой крышей, служащий прежде всего складом съестных припасов и мелких хозяйственных предметов»[10]. Современные говоры сохраняют обе традиции употребления слова *клеть* (и как наименование отдельной постройки, и как наименование помещения в доме)[11], независимо от их принадлежности северно- или южнорусскому наречию (см. СРНГ, вып. 13, с. 287—289[12]). Этот широкий ареал распространения слова в современных европейских говорах русского языка как раз может свидетельствовать о былой принадлежности слова народно-разговорному языку, а не исключительно диалектам.

В современных говорах Сибири слово *клеть* получило, по-видимому, преимущественно западносибирское распространение, во всяком случае, оно здесь не только чаще встречается (сравнительно с восточносибирскими говорами), но и имеет более разветвленную семантику, ср.: *клеть* — курган., том., юж.-сиб., новосиб. 'комната в доме', курган. 'летняя спальня', том. 'летняя глинобитная спальня' тобол. 'кладовая', юж.-сиб. 'чулан', новосиб. 'амбар'. Как видим, в западносибирских говорах данным словом чаще называется отдельное помещение (жилое или нежилое) в доме.

Во вторичной функции жилого помещения использовалось, видимо, и такое, которое называлось словом *подклет*: «Имеетъ половину своего дворъ на нижнем посаде в Б(о)гоявленском приходе и живетъ в нижнем подклете з домашними своими, а в верхней горнице в половине жъ живет енисейского полку солдата Клеменьтья Побегаева жена ево» (Тобол., 1739 г., ГАТОТ, ф. 661, № 51, л. 40), «Пришедъ неведомые воровские люди и квартиру ево, подгорнишной подклетъ, на сонных, в котором подклете от Никифор з женою своею и з детми спали» (Тобол., 1743 г., ГАТОТ, ф. 661, № 69, л. 294). В нашей выборке данное слово отмечено лишь в нескольких случаях, однако оно весьма широко было известно русскому языку того времени (см. ПНЯ, с. 138; АХУ, кн. 2, с. 91, 107; Рукописный лексикон XVIII в., с. 282 и др.).

В качестве названий служебных (подсобных, нежилых) помещений в доме мы встречаем слова *казенка*, *сени*, *подполье*, *подызбица* и др.

Казенка: «Разломав сверху пол, в подклетъ спустился и пешнею и топором двери разломавъ, с сыном Борисом в казенку с огнем вшед, из окошъ окончины выбил» (Тобол., 1739 г., ГАТОТ, ф. 661, № 51, л. 208), «Оная девка (унесла) из дому из казенки из короб(ь)и денегъ в цене на шесть рублевъ» (Чаус., 1749 г., ГАНО, ф. 105, № 17, л. 424). В этих примерах словом *казенка* названо служебное помещение в доме: очевидно, чулан, кладовая. С иным значением это слово употребляется в следующем примере: «Построенъ новой кружечной двор, изба с перилы,...2 питейные казенки» (Тюмен., 1709 г., ГАТОТ, ф. 47, № 3652, л. 4). В данном случае слово называет государственную винную лавку[13]. Прямой связи между значениями 'кладовая, чулан' и 'государственная винная лавка' не было; производное *казенка* в этих значениях связано с производящим словом *казна*, имевшим различные значения. *Казенка* — как наименование чулана, кладовой — это уменьшительное образование к *казна* 'кладовая, хранилище' (см. СлРЯ, вып. 7, с. 23), а *казенка* 'государственная винная лавка' есть, видимо, свернутое атрибутивное словосочетание *казенная лавка*, где прилагательное *казенный* выступает с наиболее распространенным в XVII в. значением — 'относящийся к собственности государя, государства'.

В XVII—XVIII вв. слово *казенка* не было, очевидно, территориально ограниченным, но значения его, по-видимому, не совпадали в различных говорах. В САРазб (ч. 3, с. 15) *казенка* со значениями 'припечек или род лежанки...', 'на барках... хозяйская или прикащичья каюта', 'в домах: кладовая' дается без региональных помет, но со временем литературным языком оно было утрачено. В говорах же слово продолжает жить, так, в европейских говорах им, как правило, называются реалии, предназначенные для хранения денег, вещей, продуктов: ларец, шкаф, кладовая, подполье и т. п. (см. СРНГ, вып. 12, с. 316—318). При этом различия лексических единиц вроде *казенка* 'кладовая' и *казенка* 'помещение за печью', как справедливо считает К. А. Молодых, первоначально носили не семантический, а этнографический характер: «Дело здесь не в многозначности слова *казенка*, а в том, в какой части избы — в сенях или за печкой — помещалась кладовая»[14]. Именно обозначения этим словом реалий, используемых для хранения чего-либо, следует квалифицировать как ранние, учитывая

значения слова *казна* в древнерусском языке. Значения вроде 'помост, лежанка у печи', 'кровать', 'перегородка' появились в результате метонимического переноса.

Сравнение круга значений совр. диал. *казёнка* ('место/помещение для хранения чего-либо' с последующим метонимическим переносом) и совр. диал. *казна*, которое помимо значений 'кладовая, чулан', 'подполье' и др. сохраняет и более ранние значения 'клад', 'большое количество, много денег', позволяет сделать вывод об отсутствии параллелизма значений этих слов. Более того, очевидно, и ранее слово *казенка* выступало в качестве деминутива к слову *казна* только как к обозначению места для хранения чего-либо.

Что касается значения 'кладовая, чулан', отмеченного у слова *казенка* западносибирской деловой письменностью XVIII в., то из числа современных европейских говоров оно известно прежде всего северорусским, а также рязанским и тамбовским говорам (СРНГ, вып. 12, с. 316). Весьма широко это значение представлено и в современных западносибирских говорах (тобольских, курганских, тюменских, омских, томских, алтайских, новосибирских). Касаясь семантики совр. сиб. *казёнка*, следует отметить, что этому слову в сибирских говорах не известны значения 'ларец', 'шкаф (для хранения чего-либо)'. Самым распространенным его значением в Сибири (в том числе и в Западной) является 'кладовая, чулан'. Остальные значения, развивавшиеся на основе этого (не обязательно на сибирской почве), встречаются лишь в отдельных говорах.

Другим словом, обозначающим кладовую, было тюркское заимствование *чулан*[15]: «Дворового строенья: изба черная, при ней сени да чюланъ рубленой, во дворе сарай рубленой (Тобол., 1746 г., ГАТОТ, ф. 661, № 81, л. 3). Данное наименование известно современному литературному языку. Специфическое значение у слова *чулан* отмечено в говорах Новосибирской области, где оно подвергалось влиянию слова *чувал*, ср.: новосиб. *чулан* 'очаг с прямым дымоходом; чувал' и 'большой мешок' (в этом последнем значении отмечено и *чувал* — см. Новосиб. сл., с. 588—589).

Из числа оставшейся лексики для обозначения помещений дома, а также частей этих помещений рассмотрим лишь некоторые слова, оставившие свой след в лексике русских говоров Сибири в более позднее время или встречающиеся в наших текстах в вариантных формах.

Примером таких вариантов выступают лексические единицы *крыльцо/крылец*, называющие пристройку для входа в дом или выхода из него. Регулярно употребляется форма

среднего рода, это отмечается и в тобольских, и в тюменских, и в чаусских памятниках. Форма мужского рода *крылец* обнаружена нами лишь в единственном тексте: «Згорело: сарай, в которомъ было то сено, да полъ-избы, крылецъ згорел же» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 22). В современных говорах Западной Сибири форма мужского рода отмечена в омских, прииртышских, среднеобских, новосибирских говорах для обозначения крыльца, а в говорах Новосибирской области словом *крылец* называется также веранда (см. СРНГ, вып. 15, с. 341—342; Новосиб. сл., с. 254). В основе развития значений 'крыльцо' → → 'веранда' лежит метонимический перенос. Отмечаемое СРНГ (Там же) том. *крылец* 'холодная пристройка к избе с одним или двумя окнами, которая в летнее время служит спальней' могло, очевидно, возникнуть и вне зависимости от названного переноса, но для обозначения боковой пристройки при условии сохранения словом внутренней формы.

В единственном примере встречается у нас слово *рундук*: «Лежащую на том дворе взявъ дранку бросила на рундукъ» (Тобол., 1743 г., ГАТОТ, ф. 661, № 69, л. 313). Ниже в этом же тексте в аналогичном примере употреблено слово *крыльцо* (Тобол., 1743 г., Там же, л. 313 об.), из чего можно сделать вывод, что в тобольском говоре первой половины XVIII в. функционировали конкурирующие лексические единицы *рундук/крыльцо/крылец*. Вместе с тем в отмеченном примере речь может идти либо о нижней площадке крыльца[16], либо о самом крыльце[17], но и в том и в другом случае явной оказывается связь с севернорусскими говорами, ср. устюж. XVII в. *рундукъ* (ААХУ, кн. 2, с. 1026).

Современные западносибирские (томские, алтайские) записи фиксируют слово *рундук* 'крыльцо', в новосибирских говорах — это 'возвышающаяся над полом около русской печи крышка подполья'. Более точно значение слова *рундук* в тобольском источнике XVIII в. помогает определить тобол. XIX в. *рундук* 'подмосток к крыльцу двери'.

В качестве наименования помещения под полом дома, используемого для хранения продуктов и проч., мы встречаем слово *подполье*, широко представленное в изучаемых текстах, ср.: «Приходил сил(ъ)но в домъ мой с воеводой нашей Лисавой Васил(ъ)евой дочерью, и ходили они в подполье» (Тюмен., 1725 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1739, л. 44 об.) и др. Для обозначения подобного же помещения встречается слово *погреб*: «Надлежит быть при оном анмовье погребу для хранения харчевых припасовъ» (Чаус., 1749 г., ГАНО, ф. 105, № 16, л. 14). В других случаях это слово обозначает

специально углубленное в землю помещение (яму с крытым верхом и бревенчатыми стенами), расположенное отдельно от жилых построек: «И построил он Иван на том моемъ месте себе погребъ» (Тюмен., 1721 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1736, л. 1) и др. Значение 'подполье', видимо, было свойственно и слову *подвал*, ср.: «Оные пожитки унесь он Кормачевъ с собой в дом свой и положил в подвал под горницу» (Тюмен., 1747 г., ГАТОТ, ф. 4, № 4316, л. 7). С другой стороны, слово *подвал* называло такое помещение, которое могло быть обозначено словом *клеть*. В словаре В. И. Даля (т. 3, с. 163) находим: *подвал* 'подклеть, подызбица, нижнее жилье, отчасти врытое в землю'. Подобное употребление слова *подвал* встречаем в поступной записи конца XVII в.: «В деревне хоромы: горница на подклете, а противъ горницы подвалъ на погребу и зъ замкомъ, а межъ горницею и подвалом сени» (Тюмен., 1692 г., ГАТОТ, ф. 47, № 2236а, л. 1).

Встретилось среди наших примеров и слово *подызбица*, севернорусское по происхождению, получившее широкое распространение в современных сибирских говорах в значении 'чердак'[18]. В севернорусских говорах это слово имеет значение 'помещение в нижней части дома, используемое чаще всего как служебное' (см. Подвысоцкий, с. 128; Грандилевский, с. 24), у В. И. Даля (т. 3, с. 218) кроме значений 'подклеть, кладовая', 'подполье', 'погреб' указывается 'особая избенка, зимняя, чтобы белая изба не прела от топки и мокроты; или теплая избушка для мелкого скота'.

На сибирской почве данное слово претерпело семантические изменения, отмеченные, правда с сомнением, уже в словаре В. И. Даля (Там же): «*Вост.-сиб.* 'чердак, подволока?', вероятно, это ошибка: *надызбица*». Из западносибирского материала XIX—XX вв. приведем южн.-сиб. *подызбица* 'чердак', ом. 'пространство между потолком и крышей', том. 'чердак', новосиб. *подызбица*, *подызбесь* — то же. Изменение значения у данного слова Н. Т. Бухарева объясняет как внеязыковым фактором, так и чисто лингвистическим: к первому она относит распространение в Сибири одноэтажных построек (крестьянских домов), к языковому фактору — употребление в Сибири для обозначения служебного помещения в нижней части дома (погреба, подполья) слов *голбец*, *подпол*, *западня*, *творило* и др.[19]

Наш контекст не позволяет однозначно определить значение слова *подызбица*, но в связи с тем, что продукты обычно хранились в подполье или погребе, более вероятным представляется значение 'нижнее служебное помещение,

подполье»: «Нощию обнесено ис подызбицы три осетра пластаные, которые еще солены с весны, изрезаны» (Чаус., 1747 г., ГАНО, ф. 104, № 1, л. 133).

Голбец: «В то время былъ онъ, Верховцовъ разболочешъ и сидел на голъбце» (Тобол., 1735 г., ГАТОТ, ф. 661, № 35, л. 6), «Девка Авдот(ь)я спала на голбце» (Тобол., 1737 г., Там же, № 42, л. 517), «Оного Павлуцкого застали разболочешъ и разутъ, лежитъ в ызбе на полатях, а девка Агафья на голъбце и знатно: они до ихъ приходу чинили блудное воровство» (Тобол., 1743 г., Там же, № 69, л. 82), «В ней (избе) строения: голбецъ, две лавки, два бруса, а инова строения никакова нетъ» (Тюмен., 1707—1715 гг., ГАТОТ, ф. 47, № 3654, л. 1), «С собою взял из тех пожитков для продажи голю 4 аршина цветом гвоздишного да китайку 5 концовъ, а достал(ь)ные отнесъ в голбецъ и положил, и велел беречь жене своей» (Чаус., 1749 г., ГАНО, ф. 105, № 16, л. 172 об.) и др. О реалии, названной данным словом, пишет М. М. Громыко: «По всей Сибири, от Шадринского уезда до Забайкалья, делались в крестьянских избах *голбцы* — деревянные сооружения вдоль печи, снабженные специальной лестницей. С голбца поднимались на печь и на полати; на нем отдыхали днем; внутри он представлял собой род чулапчика с полочками и лестницей в подполье»[20].

В наиболее ранних примерах слово *голбец* имеет значение 'подвальная часть церковного здания, используемая как помещение для хранения товаров', и лишь в памятниках XVII в. у этого слова появляется значение 'постройка или ларь у русской печи' (см. СлРЯ, вып. 4, с. 59—60). С близкими значениями древнерусский словарь дает слово *голубецъ* (см. там же, с. 69, при этом обращает на себя внимание тот факт, что в письменных источниках слово *голубецъ* известно ранее, чем слово *голбецъ*). При этимологизировании данных слов исследователи исходили из первичности значения 'место для хранения чего-либо' и вторичности значения 'надгробный памятник' (значение это широко известно русским говорам, см. ниже), а также из первичности формы *голбецъ* (Горяев, с. 72; Фасмер, т. 1, с. 427[21]) и считали данное слово заимствованием из др.-сканд. golf 'пол, отделение', швед. golf. По-иному к объяснению истоков рус. *голбец, голубец* подошел А. И. Попов, и, надо признать, его этимология убедительна. А. И. Попов, опираясь на свидетельства древнерусских памятников и на современный этнографический материал, показал, что первоначально голубцы (голбцы) всегда связаны с церквами и предназначались для

погребения, позже — для хранения товаров. Само слово *голубец* — «книжная калька с латинского (или греко-византийского): по образцу пары columba — columbarium христианским духовенством построено русское соответствие *голубь — голубец*. От духовенства это слово (*голубец*) проникло во многие русские говоры... на севере часто с переменой ударения и последующим изменением фонетического облика (*гблбец*)»[22]. Данная этимология убедительно показывает связь значений 'надгробный памятник' и 'место хранения товаров, продуктов'. Кроме того, имея в виду эту этимологию слова и свидетельства памятников письменности, можно заключить, что слово *голубецъ* (*голбец*) было общенародным в качестве наименования церковной реалии, а значение, подобное тому, которое мы отмечаем для сибирских источников первой половины XVIII в., по было, по всей видимости, в старорусском языке общенародным. Слово в этом последнем значении чаще всего встречаем в письменности, относящейся к северным и северо-восточным регионам Руси, ср.: перм. *голбецъ* XIV в. по списку XVII в. (АСЭИ, т. 3, с. 316), устюж. *голбешный* XVII в. (АХУ, кн. 2, с. 1074). Диалектный материал XIX—XX вв. свидетельствует о почти исключительном распространении слова *голбец* в северорусских говорах (см. также *голубец* — СРНГ, вып. 6, с. 284—286, 333—336), откуда, видимо, слово и пошло в русские говоры Сибири.

Слова *голубец* и *голбец* весьма широко известны в западносибирских говорах XIX—XX вв. Наиболее распространенным здесь является название данным словом подполья и входа в него, погреба, чулана, скалы и т. п., т. е. значение, восходящее к вторичному значению 'место хранения товаров, продуктов' др.-рус. *голубец*, *голбец*. При этом из двух лексем в современных говорах Западной Сибири более употребительна *голбец*[23]. Что касается значения 'могильный памятник' и др., то у совр. зап.-сиб. *голбец* и *голубец* оно отсутствует. Таким образом, в современных говорах Западной Сибири весьма четко обозначились два процесса в отношении употребления слов *голубец* и *голбец*: 1) в связи с утратой обычая ставить могильные памятники в виде ящика утрачивается соответствующее значение у этих слов; 2) наиболее устойчивой в словаре данных говоров оказывается лексема *голбец*, что связано, по-видимому, с одной стороны, с ее более поздним образованием (по сравнению со словом *голубец*), с другой — со стремлением полностью разграничить лексико-фонетические варианты *голубец/голбец*. Добавим к этому, что слово *голубец* в сознании

посителей языка (говоров), видимо, прочно связалось с понятием надгробного памятника, хотя в говорах XIX—XX вв. (и европейских и сибирских) довольно широко употреблялось и как обозначение помещения для хранения товаров, продуктов. Напротив, обозначение могильного памятника словом *голбец*, как показывает диалектный материал, не было характерным. Меньшая употребительность лексической единицы *голубец* 'могильный памятник' связана, видимо, и с распространением литературного слова *памятник* в подобном значении в говорах.

Слово *пядры* отмечено в словосочетании *верхние пядры*: «Усмотрил онъ, Чилинъ, в том тестя своего доме в клети на верхних пядрах помянутого м(о)н(а)стырского крестьянина Андрея Черкалова — лежитъ утаясь, и знатно: оный Черкалов пришелъ и закрался для кражи» (Тобол., 1739 г., ГАТОТ, ф. 661, № 51, л. 343). Из современного западносибирского лексического материала наиболее близкими в семантическом отношении являются, на наш взгляд, данные томских старожильческих говоров, где *пятра* — 'настил из жердей' (Том. сл., Доп., ч. 2, с. 144), и новосибирских говоров, где слово представлено в лексикализованной форме множественного числа *пятры* и имеет значение 'настил из жердей под крышей амбара, куда складывают различные хозяйственные вещи, сено и т. п.' (Новосиб. сл., с. 453). Диалектные записи XIX в. фиксируют камч. *пятра* 'небольшая настилка из жердей; иногда в сенях род потолка для поклажи' (Опыт., с. 180). В связи с последним примером следует обратить внимание на употребление словосочетания *верхние пядры* в тобольском источнике XVIII в.

В XIX в. слово *пятра* (и его варианты) было, очевидно, известно прежде всего на Русском Севере и в восточных европейских говорах. Об этом свидетельствуют словарь В. И. Даля: новг. *пятерь*, перм., вят., казан. *пятра*, вят. *пятры* (множественное число) 'навес или помост выступом, фронтон или балкон; навес под дверьми сеновала...' (Даль, т. 3, с. 553; Беляева, с. 525).

Есть несколько объяснений происхождения рассматриваемого слова, имеющего славянские лексические параллели: церк.-слав. пе"тро 'φατνωμα, lacunar' (Miklosich, PL, с. 763), серб.-хорв. диал. pètar (pẽtar) 'чердак', словен. pẹ́ter и форма множественного числа pẹ́tra (pẹ́tre) 'крыша риги'[24], польск. piętro 'этаж', чеш. patro 'этаж, нёбо во рту', диал. (морав.) patra — множественное число среднего рода 'lešeni ve stodole nad mlatem' (Machek[2], с. 438).

В. Махек связывает славянское имя *pętro с греч. μαλαθρον 'главный потолочный брус (матица)' > pelətro (замена губных m/p) > pentro (в результате диссимиляции плавных l — r → n — r) > petro (Machek[2], с. 438). Как видим, данное объяснение В. Махека полностью выдержано в духе его этимологической концепции, опирающейся в целом ряде случаев на незакономерные звуковые чередования. А. Вайан в качестве древнейшей реконструирует форму *prętr-, сохранившуюся в польск. диал. przętr, в.-лужиц. přatr 'крыша риги' (н.-лужиц. psětš), и считает ее образованием от *prętati 'прятать, расставлять'[25]. Между тем вряд ли имеются достаточные основания отказываться от старой этимологии, согласно которой *pętro является образованием от глагола *pęti (см. Горяев, с. 291; ср.: др.-рус. *пяти* 'растягивать, протягивать'[26], лит. pìnti 'плести', гот. spinnan 'прясть'.

Праслав. *pętro могло быть субстантивированным прилагательным, образованным с помощью суффикса -r- от глагольной основы *pęt- 'плести' и имеющим результативное значение. Иными словами, праслав. *pętro образовано по той же словообразовательной модели, что и праслав. *bedro 'бедро' (субстантивация прилагательного *bedr- — производного с помощью суффикса -r- от глагольной основы *bed-/ /*bod- 'бить, колоть' — ЭССЯ, вып. 1, с. 179).

Словом *куть* называлось отгороженное место в жилом помещении (чаще в избе): «В семейных избах, как правило, вешалась занавеска — от угла печи поперек комнаты; отделявшаяся ею часть помещения называлась *кут* (куть). Это была женская часть дома, служившая также кухней»[27], ср.: «Девка Анис(ь)я Ивана дочь в той горнице и то время сидела на постели у боярского Березовского в куте» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 10), «Неведомые воровские люди пришед к дому ее, у избы с улицы открыв заднее в кути вязмяное окно» (Тобол., 1735 г., Там же, № 35, л. 329) и др. Лексические единицы *куть, кут* известны большому числу говоров — северных, южных и среднерусских, но значение 'угол перед русской печью, где стряпают; кухня' связывают анализируемое слово прежде всего с говорами севернорусского наречия (см. Даль, т. 2, с. 227; СРНГ, вып. 16, с. 163—164, 177—178).

В современных западносибирских говорах, по свидетельству СРНГ (вып. 16, с. 177—178), слово *куть* (ж. р.) наиболее употребительно для обозначения кухни (тобол., новосиб., алт.) или места перед русской печью, где стряпают (тобол., ом., том., кемер., новосиб., курган.). В говорах Томской области отмечено также существительное мужского рода *кут*

'часть кухни перед русской печью, где стряпают хозяйки', 'место за печкой' (Том. сл., т. 2, с. 118—119). Именно эту последнюю форму фиксируют ранние памятники древнерусской и славянской письменности (Срезневский, т. 1, с. 1383; Miklosich, LP, с. 329). По всей видимости, форма женского рода более поздняя, так, например, она отсутствует в СлРЯ.

Что касается семантики рус. сиб. *кут* и *куть*, то она, как правило ограничивается понятиями, связанными с обозначением угла дома, избы[28], и лишь в некоторых говорах Восточной Сибири имеет иные значения, ср.: иркут. *кут* 'закоулок, тупик', енис. *куть* 'угол' (СРНГ, вып. 16, с. 164, 177). Семантика этих слов в русских европейских говорах более разветвленная.

Как название одного из служебных (хозяйственных) помещений дома мы встречаем слово *сарай*: «А в доме де у себя онъ, Иванъ, в сарае блудно не насиловал...» (Тюмен., 1721 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1734, л. 1 об.); «В доме ево, Замощикова, в сарае ободрали у двоих саней горошких с питовъ сукна красные» (Тобол., 1737 г., ГАТОТ, ф. 661, № 42, л. 348) и др. Слово является тюркизмом. В качестве непосредственного источника его заимствования называют татарский язык, куда это слово попало из персидского, где *serai* — 'дворец, палаты'[29]. Значение 'дом, гостиница, палаты, дворец', нехарактерные для татар. *сарай* (см. значения данного слова в различных тюркских языках в словаре В. В. Радлова, т. 4, с. 315, 457—458), но известное другим тюркским языкам, не отмечено и для русского языка. В словаре В. В. Радлова (см. там же) для татарского слова указано значение 'хлев, сарай' (казан.-татар., тобол.-татар.). В связи с обозначением в русском языке словом *сарай* хозяйственного помещения в доме можно привести также тарантч. *сарай* для обозначения комнаты, жилого дома (Радлов, т. 4, с. 315). В современном русском языке рассматриваемым словом называется отдельное строение, используемое в хозяйственных целях, подобное употребление слова *сарай* находим и в наших текстах: «С сарая скочила по двор и с собою воровски одну ево рубаху унесла» (Тобол., 1743 г., ГАТОТ, ф. 661, № 69, л. 97), «(Ночевал) две почи в пустой бане, которая имеетца от тех сараевъ невдал(ь)постиа» (Тобол., 1746 г., ГАТОТ, ф. 661, № 83, л. 11) и др.

Из названий хозяйственных построек мы встречаем слова *баня*, *амбар*, *овин*, *притон*, *клев*. Первое слово было общенародным, оно широко известно старорусским письменным памятникам, локальными наименованиями, видимо, были *мовня*, *мовница* (см. Даль, т. 2, с. 337), отсутствующие в нашей выборке.

Со значением 'постройка, предназначенная для хранения продуктов и товаров' выступает слово *анбар* (*онбар*). Наиболее употребительная форма *анбар* с носовым *н* отражает, по-видимому, диссимиляцию губных *м* и *б*. В наших текстах слово представлено как с начальным *а-*, так и с начальным *о-*. Подобное явление (написание *о* вместо этимологического *а* в заимствованных словах в безударной позиции) довольно распространено, ср. из нашей выборки *атлас* и *отлас* 'название ткани'. Например: «Сняв с анбару ключи, закопала в завалину» (Тобол., 1737 г., ГАТОТ, ф. 661, № 42, л. 47 об.), «Зажигали у него Головина онбар с хлебом неведомыя воры» (Чаус., 1747 г., ГАНО, ф. 104, № 2, л. 3) и многие другие[30].

В качестве обозначения некоторых видов данного строения мы встречаем словосочетания *погребной анбар* и *кортомный анбар*: «От ево Ермаметевых ворот, и от погребного анбару» (Тюмен., 1677 г., ГАТОТ, ф. 47, № 2233, л. 1 об.), «Имеетца де у него на нижнем посаде на берегу реки Иртыша кортомной анбар с хлебом» (Тобол., 1737 г., ГАТОТ, ф. 661, № 42, л. 386). В последнем примере речь идет об амбаре, снимаемом в наем, ср.: *кортом*, *кортома* вост. 'наем, съем, прокат, аренда, оброк, откуп, мыт' (Даль, т. 2, с. 170). Трудно определить значение словосочетания *погребной амбар*, но, видимо, это словосочетание называло амбар, под полом которого находится погреб. В связи с этим следует обратить внимание на значение слова *напогребница* и его вариантов, так как здесь словом называется хозяйственная постройка над погребом, выполняющая те же функции, что и амбар. В таком случае словосочетание *погребной анбар* могло называть погреб с подобной постройкой.

Кроме лексической единицы *напогребница*, наши тексты отмечают варианты *надпогребница* и *наподгребница*: «Покрали у меня нижеименованного в д(е)р(е)вне с напогребницы, разломавъ висячий замокъ» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 528), «Покрадено у него из дому неведомыми ворами с надпогребницы чарковъ шитых семь пар» (Тобол., 1746 г., Там же, № 83, л. 394), «Во дворе над погребом неведомые воровские люди розломав кровлю, ис той наподгребницы из анбару те воровские люди унесли...» (Тобол., 1734 г., Там же, № 29, л. 229).

В этих вариантах значения приставок *на-* и *над-* совпадают. Появление варианта *наподгребница* находится в прямой связи с функционировавшими в системе языка словообразовательными моделями *на-* + *-по* + *корень* (*основа*) + + *окончание* и *на-* + *-под-* + *корень* (*основа*) + *окончание*.

Кроме того, речь здесь должна идти и о возможности замены приставок *по-* и *под-*, так, среди западносибирских примеров находим варианты *попона* и *подпона*. Однако вариант *наподгребница* нельзя назвать словообразовательным, так как *-по-* в слове *напогребница* (-постройка на погребе) относится к производящей основе *погреб*, и появление звукосочетания *-под-* в слове *наподгребница*, если учесть, что внутренняя форма слова *напогребница* чрезвычайно прозрачна, может быть объяснено только аналогией (т. е. влиянием слов с двойной приставкой *на-под-*).

К сказанному о слове *напогребница* следует добавить, что в словаре В. И. Даля (т. 2, с. 452) оно дается без региональных помет — 'погребница, верхний погреб, над ледником; напогребный сруб, крыша и накат, служащий и потолком и полом'. Современные записи западносибирской диалектной речи не фиксируют наименования *на(д)погребница*. Утрату этого слова следует, очевидно, связать с утратой самой реалии, т. е. распространением погреба без хозяйственной постройки над ним.

Значение рассмотренного слова *амбар* непосредственно соотносится со словом *магазейн*[31] с тем отличием, что последнее слово называло отдельную постройку коллективного (общественного) пользования для хранения зерна (хлеба). Это слово встречается в текстах только XVIII в., ранее с тем же значением употреблялось слово *житница*. Определение *казенный* к слову *магазейн* указывает на то, что наименованием *казенный магазейн* называли государственный амбар, житницу: «Велено выше явленный наличной оброчный овесъ содержат(ь) при оном Уртамском остроге в казенных магазейнах» (Чаус., 1747 г., ГАНО, ф. 104, № 1, л. 68), «Опую рожь и муку... велеть свесть в казенныя магазейны в городъ Томскъ» (Чаус., 1747 г., Там же), «Свесть в городъ Томскъ в казенные магазейны» (Чаус., 1747 г., Там же, л. 141), «Овес собрать и сложить в казенныя магазейны» (Берд., 1745 г., ГАНО, ф. 91, № 1, л. 75). Аналогичный пример первой половины XVIII в. приводит Н. А. Цомакион, фиксируя употребление в рамках одной фразы вариантов *магазеин* и *магазин*: «Велено в указных городех на пристанях построить магазины, в те магазеины правиант собират(ь) со всего государства...» (Копия с печатного указа 1721 г., Мангаз., Цомакион, с. 226). Для того времени слово *магазеин* (*магазейн*) не было диалектным. Появление его в русском языке ученые относят как раз к первой половине XVIII в. (эпоха Петра I).

Этимологические словари русского языка свидетельству-

ют о том, что рус. *магазея, магазей, магазейн* пришли из голландского языка, где magazijn — это 'склад'. Голландское слово, в свою очередь, заимствовано из французского (magasin) или итальянского (magazzino) языков и в конечном счете восходит к араб. mahzan. Русское *магазин* (первоначально также 'склад') тоже восходит к этому арабскому слову, но посредником между русским и французским языками был, по-видимому, не голландский, а немецкий (Преображенский, с. 500; Фасмер, т. 2, с. 554—555). Для сравнения можно привести значения слова в этих европейских языках: нем. Magazin 'магазин, склад, депо' (Немецк.-рус. сл., с. 565), франц. magasin 'магазин', 'амбар, товарный склад', 'кладовая' (Франц.-рус. сл., с. 510), итал. magazzino 'склад', 'пороховой погреб', 'трюм', 'магазин, лавка' (Итал.-рус. сл., с. 486).

Таким образом, слова *магазейн* и *магазин* пришли в русский язык именно как наименования склада, житного амбара, житницы. Так, например, «Словарь Академии Российской» (Спб., 1793) к слову *магазин* дает следующее определение: 'запасный амбар, запасный двор'. С этим значением слово *магазин* в русском литературном языке употреблялось и в XIX в. (см. ССРЛЯ, т. 6, с. 465—467). С течением времени в русском литературном языке осталось только слово *магазин* (слова *магазея, магазейн* устарели), которое сейчас употребляется в значении 'помещение для розничной торговли чем-либо' (о других — специальных — значениях см. там же). Но в русских народных говорах сохранились и слова *магазея, магазейн* и значение 'склад, амбар' у слова *магазин*. Показательны в этом отношении современные говоры Западной Сибири: кемер. *магазе́я* 'общественный склад запасного хлеба' (устар.), новосиб. *магазе́йн, магази́на* — то же; также слова с вставным *н*: тюмен., алт. *мангазе́я* — то же, ом. *мангазе́я* и *мангазе́йн* — то же, кемер. *мангазе́я* и *мангазе́й* — то же, новосиб. *мангазе́я* — 'магазин', 'общественный склад запасного хлеба'. Появление в этих словах *н* между *а* и *г* можно объяснить, по-видимому, влиянием топонима *Мангазея* (город в Енисейском крае, основанный в 1601 г.).

В качестве обозначения строения для сушки хлеба в западно-сибирских текстах встречаем слово *овин*: «Свекор ея Борматъ тое пряжю из лагуна вынувъ и отнесъ под овинъ Дементья Захрямкина» (Чаус., 1735 г., ГАНО, ф. 105, № 2, л. 141 об.), «В каждомъ овине ржи по две сотницы снопов, овса по тому жъ» (Тюмен., 1746 г., ГАТОТ, ф. 47, № 4219, л. 3) и др. Рассматриваемое слово для XVII—XVIII вв.

было, по всей видимости, общеупотребительным, оно известно в источниках того времени, приуроченных к разной территории (север, юг Руси)[32]. Современные говоры Западной Сибири знают лексико-семантический диалектизм *овин*, образованный в результате метонимического переноса — для обозначения определенного количества зерновых и технических культур (том., новосиб.). Кроме того, в русских говорах Новосибирской области этим словом называют разновидность большой укладки снопов в поле, а также высушенные снопы хлеба (см. Новосиб. сл., с. 346).

В качестве конкурирующих лексических единиц, отмеченных чаусскими источниками, находим *пригон/притон*: «Дочь моя Настас(ь)я при вечере ходила к гумну моему в скотский двор давать скотине своей рогатой корму... слышавши от него Шмакова помянутые позорные речи из своего пригону убежала» (Чаус., 1737 г., ГАНО, ф. 105, № 8, л. 126), «Обыскали тое ж деревни жителя Алексея Половникова у гумна ево в скотском притоне» (Чаус., 1737 г., Там же, л. 201).

Значение 'загон, скотный двор' для слова *пригон* словарь В. И. Даля (т. 3, с. 408) отмечает только для пермских говоров, а областной великорусский словарь (Опыт, с. 177) вообще указывает на распространение данного слова только в сибирских (иркутских) говорах. Слово это как название скотского двора широко представлено в западносибирских говорах. Наименование *притон* в данном значении не указывают ни словарь В. И. Даля, ни «Опыт областного великорусского словаря», ни другие словари. Но пример того, что строение для скота называли притоном, находим именно в говорах Новосибирской области (Чаусский острог находился на территории г. Болотная Новосибирской области): новосиб. *притон* 'крытое летнее помещение для скота' (Новосиб. сл., с. 439).

В памятниках первой половины XVIII в. встречаем и другое наименование постройки для домашнего скота — *хлев* (*клев*), ср. также уменьшит. *хлевок*. Что касается лексемы *клев*, то появление начального *к* вместо *х* в данном слове считается среднерусской чертой, которая присуща владимиро-поволжской группе восточных среднерусских говоров[33]. Однако сама лексема *клев* 'хлев (чаще для мелкого скота)' имеет более широкий ареал распространения. О. Е. Кармакова рассмотрела случаи произношения [к] на месте этимологического [х] в русских говорах той территории, которая входит в Диалектологический атлас русского языка (ДАРЯ). Она пришла к выводу, что произношение

данного слова с [к] характерно для восточной части южного наречия, для центральной и восточной частей среднерусских говоров и в ряде случаев для говоров северного наречия, в то время как произношение с [х] «широко распространено в северном наречии, а также на северо-западе и в средней части западной диалектной зоны, единичные случаи отмечены на юге ДАРЯ»[24]. По всей видимости, сиб. *клев*, широко известное и сейчас, проникло в говоры Сибири из речи средне- и южнорусов. Приведем примеры из текстов XVIII в.: «Позади того двора хлевъ скотской ветхой, а бол(ь)ши ничего строения нетъ» (Тюмен., 1714 г., ГАТОТ, ф. 47, № 2422, л. 2), «Тот чемоданъ найденъ и на посторонней хоромине на клеву» (Чаус., 1753 г., ГАНО, ф. 105, № 2, л. 170), ср. также «Приехали к матери его ночью и жили въпотояхъ въ хлевку сутки» (Чаус., 1747 г., Там же, ф. 104, № 3, л. 22 об.).

Мы уже говорили, что возможно, у слова *двор* (прежде всего в составе словосочетаний) одним из значений было 'помещение для скота'. Это же значение отмечается для словосочетания *скотская изба*: «Во дворе скотцкая изба и клетки и на отстаье погребъ» (Тюмен., 1962 г., ГАТОТ, ф. 47, № 2236а, л. 1).

Как характерное для севернорусских говоров В. И. Даль указывает слово *стая* в значениях 'поветь, крытый двор для скота' (перм., владим., олон.), 'загорода, скотный двор, загон, баз, базок, стойло' (перм., владим., вят.), а также арханг. *стаи* 'конские стойла' (Даль, т. 4, с. 319). Именно как отгороженное место для коней это праславянское слово известно и беломорским говорам[25]. Употребление слова *стая* в тобольском материале первой половины XVIII в. для обозначения конюшни (отмечено словосочетание *конская стая*) связывает тобольский говор изучаемого времени как раз с севернорусскими говорами, ср.: «Опознал я близъ того моего двора в соседстве у тобол(ь)ского служилого ч(е)л(о)в(е)ка Ивана Несоветова Забрано в конской стае нарубленных моих две плахи» (Тобол., 1738 г., ГАТОТ, ф. 661, № 47, л. 326).

В качестве конкурирующей лексической единицы к слову *стая* в тобольском говоре первой половины XVIII в. выступало *конюшня*: «Усмотрели в том дворе в пустой конюшне лежатъ на полу камзолъ...» (Тобол., 1738 г., ГАТОТ, ф. 661, № 47, л. 167), «Промежду избою и горницею сени, наверху чердакъ, подле конюшни анбар кладовой» (Тобол., 1739 г., Там же, № 51, л. 423). Данное слово фиксируется памятниками русской письменности начиная с XVI в.

(см. СлРЯ, вып. 7, с. 291), оно является собственно русским образованием (в отличие от праслав. *staja) и употребляется в текстах центральных и южных областей Русского государства XVI — первой половины XVIII в. (см. АСЭИ, т. 3, с. 479; Юж. отк., с. 217, 239; ПМ, с. 165, 203 и др.).

В наше время повсеместное распространение в западносибирских говорах получило первоначально уменьшительное образование *стайка*. Данное слово здесь известно и как наименование теплого хлева, и крытого загона для скота. Л. В. Петропавловская, исследуя наименования построек для домашних животных в говорах Новосибирской области, замечает, что это название может быть охарактеризовано «как наиболее актуальное в говорах (Новосибирской области.— *Л. П.*) при назывании различных типов построек для скота»[28]. Следует отметить еще одну черту употребления слова *стайка* в говорах Западной Сибири: здесь оно почти всюду вытеснило исходную форму *стая*.

За рамки лексической группы, объединяющей собственно наименования построек и их частей, выходят слова *поскотина*, *городьба*, *заплот* и др. Первое слово в западносибирских текстах XVII — первой половины XVIII в. называло огороженный участок для выгона, выпаса скота: «Межа... за поскотиною подле реку Вагаю» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 264, л. 21), «Отогнали изъ поскотины рогатого скота» (Тобол., 1709 г., Пам. сиб. ист., кн. 1, № 88), «С поскотины нашей своим насил(ь)ством угнал лошадей наших работных» (Тюмен., 1660 г., ГАТОТ, ф. 47, № 80, л. 1), «За поскотиною частиой» (Тюмен., 1725 г., Там же, № 1739, л. 3), «Девка Февла в то число была на поскотине близъ озера» (Якут., 1747 г., ГАНО, ф. 104, № 2, л. 21) и многие другие, прилаг. *поскотинный*: «Полегли к тому озеру поскотинные и луговые места» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 3, № 746, л. 257 об.).

Слово *поскотина* 'выгон, толока, пастбище, спуск' в словаре В. И. Даля (т. 3, с. 333) приводится без региональных помет, между тем в «Опыте областного великорусского словаря» данное слово (из числа европейских) отмечено в архангельских, вятских, новгородских, пермских говорах. Современные материалы устанавливают это слово как характерное для вологодской группы северноруссного наречия — 'открытое огороженное место для скота'[29],— известно это слово и пермским говорам — 'пастбище, выгон' (Беляева, с. 490).

В древнерусских и старорусских источниках изучаемое слово известно с XIV—XV вв. Так, наименование *поскоти-*

на (и *подскотина*) было, в частности, характерно для белозерских памятников письменности начиная с XVII в.[38] Единственные примеры, иллюстрирующие слова *подъскотина* и *поскотина* 'выгон, пастбище' в словаре И. И. Срезневского (т. 2, с. 1068, 1233), взяты из северорусского памятника XIV—XV вв.— новгородской купчей грамоты. Считается, что по происхождению рассматриваемое слово является двинским диалектизмом[39]. В среднерусский период, «...судя по письменным источникам, ареал этого слова расширяется. Кроме северодвинских, каргапольских, вологодских, важских, пермских грамот, слово *подскотина* (*поскотина*) проникает в документы, написанные в самой восточной пятине Новгорода Великого — Обонежской»[40]. Отмечается слово это и в холмогорской, и в устюжской письменности XVI—XVII вв. (см. АХУ, кн. 2, с. 44, 718, 967 и др.).

В наших текстах в подавляющем большинстве случаев встречается слово *поскотина*, вторичное по отношению к своему словообразовательному варианту *подскотина*, отмеченное нами в единственном примере: «Под скот подскотины, где б можно скоту ходить, чтоб государеву хлебу ржи и яри протравы не было» (Пелым., 1618 г., Гр. Сиб. Мнл., т. 2, с. 245). Не получила эта последняя лексема распространения и в современных западносибирских говорах. Среди приведенных выше западносибирских примеров XVII—XVIII вв. имеются такие, где слово *поскотина* означает 'отгороженный выгон, пастбище' (чаще представлено именно это значение), и такие, где им называется ограда, забор такого выгона, пастбища. Эта многозначность рассматриваемого слова сохранилась в среднеобских старожильческих говорах: 'огороженное место за деревней для пастьбы скота' и 'изгородь из жердей вокруг деревни' (Том. сл., т. 3, с. 59). Первое из этих значений отмечено в новосибирских говорах (*поскотина, поскотня* — Новосиб. сл., с. 423), второе — в омских (*поскотина* — Блинова, Палагина, с. 22).

То же значение 'отгороженное место для скота' в западносибирской письменности отмечено у словосочетания *скотский выпуск* и слова *огород*: «А у меня сироты твоего пашенные земли и скотского выпуску и сенного покосу в даче и в отводе нигде нет» (Тюмен., 1701 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1724, л. 20 об.), «Около того своего езу для скота огород загородили» (Тюмен., конец XVII — начало XVIII в., Там же, № 74, л. 1).

Особую лексическую группу составляют наименования забора, изгороди, среди которых локально ограниченным было слово *заплот*: «В ночи пришед неведомые воровские

люди и чрезъ заплотъ соседа ево перелезши на дворъ ево» (Тобол., 1738 г., ГАТОТ, ф. 661, № 47, л. 97), «Соседу своему Антону Агеву с(ы)ну Морозову говорил, чтоб он от заплоту ево отвез дрова» (Тобол., 1743 г., Там же, № 69, л. 134), «Заплоту рубленого восмь рядовъ» (Тюмен., 1969 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 300), «Дворового строения: изба, перед избой сени, скоцкий двор, кругом заплотъ» (Тюмен., 1717 г., ГАТОТ, ф. 47, № 527, л. 2 об.), «Позади двора заплоты в столбах не тонких бревен» (Тюмен., 1717 г., Там же, № 2422, л. 3), уничижит. *заплотишко*: «Во дворе хоромов: изба на змостье, против избы клетишко с сенишками и з заплотишками» (Тюмен., 1699 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 390). Материалы СРНГ (вып. 10, с. 329) говорят о том, что в европейской зоне распространения русского языка данное слово известно прежде всего северорусским говорам (арханг., вологод., северодвин., киров., вят., перм. и др.). Укажем также на распространенные слова *заплот* в холмогорских и устюжских говорах XVII в. (АХУ, кн. 2, с. 227, 430, 844, 1031).

Анализируемое слово входило в лексико-семантическое объединение наименований забора (ограды), представленных в западносибирской письменности словами *городьба*, *забор*, *заплот*, *тын*, *частокол*, *изгорода*, *оплот*, *огород*.

То значение слова *заплот* (с пометой «обл.»), которое отмечено современными словарями литературного языка, не может удовлетворить диалектолога (ср. значение 'забор' в академических словарях — ССРЛЯ, т. 4, с. 789; СРЯ, т. 1, с. 764), так как оно не охватывает всей семантики слова. При сопоставлении диалектного материала XIX—XX вв. оказывается, что для слова *заплот* релевантным (по сравнению с другими аналогичными названиями) являются два семантических признака: 'забор из горизонтально расположенных бревен или досок' и 'забор из плотно подогнанных друг к другу бревен или досок'. По первому семантическому признаку слово *заплот* противопоставлялось, например, названию *частокол*, по второму — слову *городьба*. Для слова *тын*, видимо, была характерна нейтрализация семантического признака 'забор из горизонтально или вертикально расположенных бревен или досок', так как этим словом называли забор из плотно подогнанных бревен (досок), располагаемых горизонтально и вертикально, ср.: «*тын* — деревянный сплошной забор, городьба, огорожа или рубка; встарь тын, как городская стена, делался частоколом, либо заплотом...» (Даль, т. 4, с. 447—448; в современном русском литературном языке произошло сужение значения данного слова — см. ССРЛЯ, т. 15, с. 1197).

Слово *забор* в нашем материале носит, по-видимому, обобщенный характер. В целом трудно разграничить значения слов *городьба*, *изгорода*, *забор*, *огород*. Оба последних слова в исследуемой письменности многозначны. Так, слово *огород* называет также участок земли для выращивания овощей, а слово *забор* обозначает также перегородку на дощанике (см. гл. III). Лексема *оплот* зафиксирована как вариант наименования *заплот*.

Приведем примеры употребления данных названий: «Через о г о р о д поскотинной, а у огорода береза» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 21, оп. 5, № 261, л. 155), «Двор и огородъ кругом в город(ь)бе» (Тобол., 1739 г., ГАТОТ, ф. 661, № 51, л. 423 об.), «Новая скотская и з г о р о д а и гумно з гуменною город(ь)бою и с кровлею» (Тюмен., 1692 г., ГАТОТ, ф. 47, № 2236а, л. 1), «Неведомые воры внидии на двор через з а б о р ъ» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 404), «Въшед по о г о р о д у, разъгородя т ы н ъ из сараю» (Тобол., 1735 г., Там же, № 35, л. 227), «Привезавъ к ч а с т о к о л у двухъ лошадей и таскали из овина у оного Бакшеева хлебъ овсяной» (Тобол., 1734 г., Там же, № 29, л. 140), «Семь саженъ печатных до ево Фед(ь)кины о п л о т избные и клетные стены до огородной заклюки» (Тюмен., 1690 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 397) и др.

Известное нашим текстам слово *ограда* имеет значение 'место за оградой, во дворе': «Приехал в домъ ево в избу три ч(е)л(о)в(е)ка, а протчие были в ограде на улице для караулу» (Тюмен., 1748 г., ГАТОТ, ф. 47, № 4315, л. 13 об).

В современных западносибирских говорах отмечается чрезвычайное разнообразие наименований для забора, изгороди. Примером могут служить говоры Новосибирской области, где отмечены следующие слова, обозначающие различные виды изгороди: *городиса*, *горожа*, *горожба*, *заплот*, *заплотник*, *загородь*, *загородка*, *огород*, *плот*, *жерди*, *прясло*, *двор*, *огачина* и др. Из перечисленных слов особо отметим многозначное в данных говорах слово *заплот*. Употребление его здесь интересно тем, что им называют не только забор (как правило, это забор из плотно подогнанных друг к другу бревен или досок), но и постройку для скота (см. Новосиб. сл., с. 180). Судя по материалам СРНГ, подобное употребление слова является местной семантической инновацией. В целом же наименование изгороди *заплот* в западносибирском регионе отмечается повсеместно.

Особого замечания требуют лексические единицы *поварня* и *коштак*. Первым словом, очевидно, могла обозначаться

и отдельная постройка, и часть постройки: «На песку изба да сени, поварня» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 746, л. 229 об.), «Изба с сенми и с поварнею» (Тюмен., 1704 г., Там же, л. 244), «На той де поварне вино курятъ» (Тюмен., 1680 г., ГАТОТ, ф. 47, № 110, л. 1). В этих примерах данным словом названа кухня, которая строилась на промыслах. Аналогичное в функциональном отношении помещение в крестьянском доме в наших примерах называется словом *изба*. Традицию употребления слова *поварня* в качестве помещения (постройки), где готовили пищу на различных промыслах, можно, очевидно, видеть на материале том. *поварня* 'хозяйственное помещение в посовой части каюка', ср. *Поварня в каюке наверху была, тут кашеварничали* (Том. сл., Доп., ч. 2, с. 84).

Термин *коштак* отмечен в единственном примере: «В бегах живет на Сугуйском винокуренном коштаке» (Тобол., 1739 г., ГАТОТ, ф. 661, № 51, л. 346). Значение слова весьма четко определяется, *коштак* здесь — винокуренный завод'. Обращение к современному диалектному материалу позволяет установить, что слово *коштак* (*каштак*) известно исключительно русским говорам Сибири, ср.: *коштак* том. 'помещение, где изготовляют домашнее вино', тобол. 'тайный винокуренный завод, преимущественно где-нибудь в лесу, на берегу речки' (СРНГ, вып. 15, с. 155), *каштак* сиб., иркут. 'винный завод', сиб., тобол. 'шалаш, постройка в лесу, в укромном месте, где тайно гонят хлебное вино', приирт., вост.-каз., краснояр. 'самогонный аппарат', нарым. 'кабак', тобол., краснояр. 'шум, гам' (СРНГ, вып. 13, с. 154).

Данное слово является, очевидно, сибирской лексической инновацией и соотносительно со словом *кошт*, которое Ф. Миклошич и И. В. Горяев считали заимствованным в русском языке из польского (см. Miklosich, EW, с. 134; Горяев, с. 164). Инославянский материал приведен в словаре В. Махека: словен. koštati 'kosten', чеш. košt, koštovati 'пробовать, отведывать', koštýř 'nasoska na braní vína (jeho vzorků na ochutnání)', польск. koszt 'стоимость, издержки', kosztować 'стоить', kostunek (Machek², с. 282; Miklosich, EW, с. 134), укр. *кошт* 'расход, издержки', 'имущество, средства', *коштувати* 'стоить' и 'пробовать, отведывать' (в последнем значении также глагол *куштувати*), *куштунок* 'проба, отведывание' (Гринченко, т. 2, с. 296, 336).

В русских говорах европейского распространения наиболее широко представлен глагол *коштовать* — волог., смолен., зап.-брян., орлов., юж., перм. 'стоить, иметь цену', вят., тамб. 'приносить пользу', вят. 'годиться', сарат. 'тратить,

расходовать', воронеж., твер., владим. 'содержать', калуж. 'вольно, богато жить', тамб. 'праздновать, гулять', калуж., смолен., перм., краснояр. 'есть, пить в свое удовольствие' и др., зап.-брян. *кошт* 'средства' (СРНГ, вып. 15, с. 155—157). География слов и их семантика свидетельствуют в пользу того, чтобы считать эти слова заимствованными из западнославянских языков (польского). По мнению А. Брюкнера, польск. koszt заимствовано из немецкого языка через чешское посредство, однако чешский глагол знает значение только 'пробовать', в то время как польск. kosztować означает и 'пробовать', и 'стоить', то же и нем. kosten: эти различные значения пошли от разных латинских слов constare — о цене и gustare 'отведывать' (см. Brückner, с. 260).

Обращает на себя внимание факт незначительного распространения глагола в говорах Сибири[11], и вместе с тем очевидна семантическая связь сиб. *коштак, каштак* с целым рядом значений рус. диал. *коштовать*, во всяком случае, связь этого имени с глаголом проступает более явно, чем связь имен *кошт* и *коштак/каштак*.

* * *

Проведенный анализ наименований построек и их частей в западно-сибирских источниках XVII — первой половины XVIII в. показал, что основу данной тематической группы составляют слова общенародные. Однако следует отметить, что многие слова могли обозначать разные реалии на различной территории распространения русского языка того времени, но это, видимо, специфика вообще этнографической лексики. Показательны здесь современные диалектные данные: лексика, являвшаяся общенародной в XVII—XVIII вв., широко известна в современных говорах для обозначения различных реалий (ср.: *изба, клеть, казенка* и др.) и, как правило, встречается в северных и в южных говорах. Наряду с общенародными словами западносибирские источники XVII — первой половины XVIII в. фиксируют лексику, не имевшую широкого распространения в старорусский период. С одной стороны, в эту группу лексики входили варианты общенародных лексических единиц (ср.: *крылец* наряду с *крыльцо*, *клев* наряду с *хлев*), с другой — диалектные слова (*стая, поскотина, коштак, пядры, голбец*). Обращает на себя внимание небольшое число новообразований в кругу данной лексики (ср.: *коштак*, о значении зап.-сиб. XVIII в. *подызбица* судить пока трудно).

По всей видимости, специфика данной тематической группы в западносибирских говорах XVII — первой половины XVIII в. имелась, но складывалась она преимущественно не из отличий в семантике слов или преобразований формы слов, а из специфики самого состава и соотношения лексических единиц. Так, например, появляются конкурирующие лексические единицы (ср.: *стая — конюшня, притон — пригон, крыльцо — крылец — рундук* и др.), отмечается преимущественное употребление одного слова по сравнению с другими при условии обозначения ими функционально подобных реалий (*горница — светлица*).

Дальнейшая судьба лексики, отмеченной письменностью XVII — первой половины XVIII в., в современных западносибирских говорах различна. Ряд слов утрачен говорами. Причина этих утрат была внеязыковой (ср.: *надпогребница*) и объяснялась утратой некоторых строительных традиций и языковой (ср.: *хордмя — слово языка книжного*, вытесненное терминами *двор, дом*). Значительная часть старорусской лексики сохранилась в современных говорах. В этой лексике можно выделить две группы. Первую из них составляют слова, не имевшие в начальный период формирования западносибирских говоров общерусского распространения (*подызбица, пядры, поскотина* и др.). Во вторую группу входят слова, являющиеся в то время общенародными (*клеть, каменка, изба, магазеин, горница* и др.). Наконец, целый ряд лексических единиц унаследован системой литературного языка. Как правило, это все общенародные для старорусского периода слова. Отметим лексику XVII—XVIII вв., подвергшуюся изменениям на протяжении истории сибирских говоров. Изменения могли относиться к семантике слова (*подызбица, голбец, чулан, овин, притон, каштак*) и к его форме (*манатей, гобец*). Ряд слов послужил исходной базой для создания новой лексики (*анбарушка* и *амбарушка, поскотня*), где особо следует выделить случаи, когда в говорах производное слово вытеснило исходную лексику, как это было, например, со словами *стая — стайка*. Что касается современной литературной лексики из числа рассмотренных слов, то она, как правило, известна и говорам (ср. *конюшня, сарай, подполье* и др.) и в ряде случаев является продуктивной частью народно-диалектного словаря. Последнее выражается в ее широкой употребительности и в способности служить основой при образовании новых терминов (ср. терминологические сочетания со словами *двор* и *дом* в современных говорах Западной Сибири).

Глава II

РОДОВЫЕ НАЗВАНИЯ ДОМАШНЕГО ИМУЩЕСТВА И НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ И ОБУВИ

Прежде чем приступить к непосредственному изучению наименований одежды и обуви в западносибирских деловых памятниках XVII — первой половины XVIII в., рассмотрим обобщенные наименования мелкого домашнего имущества. В качестве таких наименований в исследуемой письменности мы встречаем слова *живот/животы*, *пожиток/пожитки*, *борошень*, *рухлядь*, *икарб*.

Варианты *живот/животы* находим в качестве лексикализованных форм единственного и множественного числа, передающих одно и то же значение 'домашнее имущество': живот — «И они их побили, и жены их, и дети, и весь живот поимали, и стада всякие животины отогнали тысячи с 3» (Тобол., 1609 г., Гр. Сиб. Мил., т. 1, № 69, с. 429), «Многие де ясашные татары в прошлых давных годах умерли, жен и детей, скота и живота не сыскано» (Тюмен., 1699 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 8 об.) и др.; животы — «Жены и детей, и животов после ево не осталос(ь)» (Тобол., 1639 г., там же, № 7а, л. 10), «...некоторые от Сибирской губернской канцелярии отданы ему Семенову по прежнему Андрея Казанцова с матерью и з братьями, и съ женами, и з дет(ь)ми, и со всеми их животы» (Тобол., 1737 г., ГАТОТ, ф. 651, № 42, л. 277), «Верхотурскихъ многихъ всякихъ чиновъ людей дворы и животы, и всякие припасы, и хлеб погорело» (Верхотур., 1700 г., Нам. сиб. ист., кн. 1, с. 58) и др. Наиболее часты примеры употребления данных вариантов именно в источниках XVII в. О широком бытовании их в речи русского населения того времени свидетельствуют не только различные в территориальном отношении источники (тобольские, тюменские, верхотурские, кузнецкие), но и уменьшительно-уничижительные образования типа *животишка* (мн. ч.), ср.: «Толмача убитого Ивашка Елтагузова животишка 19 соболей да бобр» (Пелым., 1597—1598 гг., Гр. Сиб. Мил., т. 2, с. 151).

Употребление формы множественного числа *животы* с тем же значением, что и *живот*, связано с обобщенным (собирательным) значением у вариантов *живот/животы*. В данном случае грамматические формы единственного и множественного числа лексически не противопоставлены. При

передаче понятия 'имущество, домашний скарб' эта особенность была характерна для слова *живот* исторически, она отмечена, в частности, в словаре русского языка, ср.: др.-рус. *животъ* 'жизнь, образ жизни'; 'всякое живое существо', 'животное', обычно множ. число 'домашний скарб, пожитки'; живот' (СлРЯ, вып. 5, с. 103—104).

Указанные значения древнерусского слова в обобщенном виде выглядят следующим образом: 'жизнь', 'скот', 'имущество', 'живот' — и могут быть объединены в две группы: а) 'жизнь' и 'живот'; б) 'скот' и 'имущество'. Что касается связи понятий 'скот' и 'имущество' на славянской почве, то ее отмечает О. Н. Трубачев[1]. Значения 'жизнь' и 'живот', противопоставленные друг другу как абстрактное и конкретное[2], в данном случае могут отражать древнейшее представление о нерасчленимости духа и вещи[3]. Генетическая связь всех отмеченных значений не вызывает сомнения. В славянских языках рассматриваемое слово более обычно в смысле 'жизнь' и 'живот: тело' (см. Фасмер, т. 2, с. 52). На современных славянских литературных языков лишь русский, и то на его периферии[4], фиксирует значения 'скот', 'имущество'.

Значение 'живот' у рассматриваемого слова в современном русском литературном языке является единственным, которое в словарях дается без ограничительных помет. Все остальные значения квалифицируются либо как устаревшие ('жизнь', 'имущество', 'богатство'), либо как областные ('домашнее животное, преимущественно лошадь')[5].

В отличие от современного русского литературного языка, знающего в качестве общеупотребительного слова, по существу, только *живот* 'часть тела', сибирские говоры фиксируют практически все значения др.-рус. *животъ*, сохранив или развив их в той или иной мере. Например значение 'жизнь' отмечено в таких говорах. Так же единичными примерами представлено слово *живот* как 'домашнее животное, преимущественно лошадь' (хакас.) и 'всякое живое существо' (байк.). Зато весьма употребительным на сибирской «почве» оказалось его значение 'имущество, пожитки' (тобол., том., енис., юж.-сиб., иркут. и др.). Особо следует отметить зафиксированное в русских говорах Якутии *живот* 'пушнина'. Было бы, по-видимому, упрощением видеть в якут. 'пушнина' лишь развитие диалектного значения 'имущество, пожитки'. Скорее всего, со словом *живот* 'пушнина' связано представление о пушнине как эквиваленте денег и признаке благосостояния, ср. в связи с этим вхождение слова *животъ* в языке древнерусских памятни-

ков в лексический ряд вариантов для передачи понятия 'богатство'[6]. С другой стороны, семантический подход 'домашнее имущество', 'пушнина' отмечается и у слова *рухлядь* (см. ниже).

Судя по данным Картотеки СРНГ, в говорах Сибири преимущественно употребляется форма *живот* при передаче значения 'домашнее имущество, скарб'. При этом следует отметить, что большая часть западно-сибирского материала приходится на диалектные записи XIX — начала XX в.

Подобно только что рассмотренным вариантам в западносибирской письменности XVII — первой половины XVIII в. находим лексикализованные формы единственного и множественного числа *пожиток/пожитки*. Эти варианты выступают конкурирующими лексическими единицами по отношению к *живот/животы*, но в изучаемых текстах встречаются гораздо чаще, чем эти последние. Наиболее употребителен вариант *пожитки*: «Покрадчи его Пашковых пожитковъ на 18 руб.» (Тобол., 1713 г., Пам. сиб. ист., кн. 1, с. 525), «Приемотредъ ...корбку небол(ь)шую с пожитками» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 78), «У двух сундуковъ замки поломавъ и из тех сундуков имеющиеся ево пожитков покрав, воровски унесли...» (Тобол., 1738 г., Там же, № 47, л. 97) и др.; *пожиток*: «Темъ окном унесено из той клетки пожитку ево, а именно: епанчю.., одна завеса» (Тобол., 1746 г., Там же, № 83, л. 45), «Покрадено... из горницы ево холодной в окно колодное пожитку» (Тобол., 1746 г., Там же, л. 126).

В словаре В. И. Даля (т. 3, с. 222) форма множественного числа дается как общенародная, в то время как к слову (лексикализованной форме единственного числа) *пожиток* приводятся пометы, свидетельствующие о его устарении для русского общенародного языка XIX в. и о распространении данного слова в псковских и тверских говорах того времени. Широко известное в современных говорах Западной Сибири слово *пожиток* не может уже считаться принадлежностью диалектной лексической системы, ср. разгов. *пожитки* и (редко) *пожиток* 'мелкое имущество, домашние вещи, скарб' (Ушаков, т. 3, с. 477). Что же касается бо́льшей употребительности лексикализованной формы множественного числа, то это вполне понятно: слово называло некоторое множество, совокупность вещей (ср. *живот/животы*). Показательно, что в Рукописный лексикон XVIII в. (с. 288) попала только форма множественного числа *пожитки* 'имение'.

К. П. Смолина, исследуя семантическую сторону слова *пожитки* в XVII в., пришла к выводу, что оно могло иметь как

обобщающее значение ('имущество, собственность'), так и более конкретные: 'движимое имущество' и 'мелкое домашнее имущество'[7]. Именно последнее значение отмечено нами в западносибирских источниках. Особенностью этого значения явилось то, что оно оказалось устойчивым, сохранившись до настоящего времени, в том числе и в народно-разговорной речи сибиряков.

С тем же значением 'мелкое домашнее имущество' в рассматриваемых текстах находим слово *борошень* и уничижит. *борошнишко*: «В доме ж оного Демидова и прикащика Шапошникова всякого борошню, медной и оловянной и железной посуды и протчего осмотретца вскорости не возможно» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 46), «Ихъ де всякое борошнишко погорело все безъ остатку» (Верхотур., 1700 г., Пам. сиб. ист., кн. 4, с. 58) и др. В кузнецком источнике XVII в. слово *борошень* отмечено как наименование пушных промысловых товаров (см. Чапик, с. 95), но, вероятно, в данном случае мы имеем не отдельное значение, а лишь специальное употребление слова. Показательна в этом отношении история слова *рухлядь* (см. ниже), первоначально обозначавшее имущество и с течением времени получившее значение 'пушнина' (преимущественно в составе терминологического словосочетания *мягкая рухлядь*).

Судя по материалам Картотеки СРНГ, слово *борошень* весьма широко бытовало на территории Сибири в XIX в., примеры преимущественно относятся к Восточной Сибири. Правда, целый ряд их имеет обозначение широкого региона — «сиб.». В современных западносибирских говорах это слово, по-видимому, уже забыто. Правда, в старожильческих говорах Томской области фиксируется прилаг. *борошный* 'о муке из проросшего зерна' (Том. ст., Доп., ч. 1, с. 40), ср. характерное для южнорусских говоров и украинского языка значение 'мука' у слова *борошно*. Саму лексическую единицу *борошень* 'движимое имущество' из числа современных сибирских говоров находим в красноярских говорах.

С. И. Котков отмечает употребление слова *борошень* 'вещи, пожитки, имущество' в южнорусском (елецком) источнике XVII в. и предполагает, что «имевшее в прошлом более широкое распространение в русском языке существительное *борошень* с течением времени выпало из ю.-в.-р. обихода, а в с.-в.-р. местами задержалось»[8]. О бытовании некогда этого слова в южно-русских говорах может свидетельствовать и приводимое С. И. Котковым уменьшительное (уничижительное) образование *борошнишко* 'мелкое домашнее имущество' из воронежского источника XVII в.[9]

Однако наиболее широко лексема *борошень* в интересующем нас значении, судя по материалам Картотеки ДРС, представлена в северорусских источниках.

Для обозначения мелкого домашнего имущества употреблялось и слово *рухлядь*: «Покрали... ис короб(ъ)и мужское и женское платье и всякую рухляд(ь)» (Тюмен., 1738 г., ГАТОТ, ф. 47, № 4313, л. 43). Данное слово в древнерусском языке имело значение 'движимое имущество, пожитки, товар' (Срезневский, т. 3, с. 199). Для обозначения пушнины появилось словосочетание *мягкая рухлядь*, которое широко известно в деловой письменности Сибири XVII — первой половины XVIII в. Видимо, постепенно не только за этим словосочетанием, но и за словом *рухлядь* закрепилось понятие пушнины, ср. употребление данного слова со значением 'пушнина': «По енисейской отписке той всей рухляди на 4504 рубля с полтиной» (Якут., 1640 г., Мат. ист. Якут., т. 3, с. 791). Именно семантическая дифференциация[10] слов *рухлядь*, с одной стороны, и *животы, пожитки* и проч. — с другой, явилась причиной того, что в западносибирских текстах рассматриваемого периода слово *рухлядь* редко употреблялось для обозначения домашнего имущества.

Слово *шкарб* обозначает мелкое домашнее имущество, ему соответствует совр. рус. *скарб* (именно с начальным *с* это слово представлено у Даля, т. 4, с. 193). Наши примеры с начальным *ш-* отражают, по-видимому, народнодиалектное явление, представленное у совр. сиб. *шкорлупа* (лит. *скорлупа*). Слово *скарбъ* известно русскому языку с XIV — XV вв. (см. Срезневский, т. 3, с. 365) и является, вероятно, заимствованием из польского языка (Горяев, с. 322; ср. польск. skarb 'сокровище'). Приведем несколько примеров: «С собою воровски снесла шкарбу одного мужа ее» (Тобол., 1731 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 31), «(Унесли) сумочку небол(ь)шую лосиную с мелким шкарбом» (Тобол., 1734 г., Там же, № 29, л. 334), «Для забрания жены и шкарбу» (Тобол., 1737 г., Там же, № 42, л. 277; ср.: здесь же в более официальной части документа в этом значении употреблено слово *животы*), «Тот опой шкарпъ покраден» (Тобол., 1746 г., Там же, № 83, л. 130) и др.

Таким образом, западносибирские деловые источники XVII — первой половины XVIII в. позволяют отметить существование нескольких конкурирующих лексических единиц для передачи понятия '(мелкое) домашнее имущество'. Употребительность этих лексем далеко не одинакова: редко встречаются слова *рухлядь, борошень*, наиболее часты случаи употребления наименований *живот/животы* в текстах

XVII в., а в XVIII в., по-видимому, особенно чувствуется книжный характер употребления для наименования мелкого имущества *живот/животы*. Более обычны в текстах первой половины XVIII в. варианты *пожиток/пожитки* (особенно форма множественного числа) и слово *шкарб*. В качестве сравнения с широкой употребительностью в западносибирских текстах того времени лексических единиц *пожитки* и *шкарб* можно отметить употребление этих же слов в современном русском языке. Так, касаясь вопроса функционирования слов *пожитки*, *шкарб* в современном русском языке, В. Ф. Коппова пишет, что эти слова являются принадлежностью «разговорно-бытового стиля, в их семантике присутствуют элементы эмоциональной оценки, связанные с появлением качественно-количественного компонента 'небольшой', 'плохой'»[11].

*

Рассмотрим наименования одежды в западносибирских текстах XVII — первой половины XVIII в., в первую очередь названия теплой меховой одежды.

Для обозначения шубы мехом наружу в западносибирской деловой письменности изучаемого времени встречается слово *ягá*, которое В. И. Даль дает с пометами «сиб.» и «оренб.» (Даль, т. 4, с. 672), иными словами, можно предполагать, что в Сибирь оно попало вместе с носителями владимиро-поволжской группы северновеликорусского наречия, ср. такие перм. *ягá* 'шуба, сшитая из шкуры недоношенного теленка оленя, мехом наружу' (Беляева, с. 703). В свою очередь, материалы Картотеки СРГС свидетельствуют о широком распространении этого слова в сибирских говорах XIX в., но среди современного западносибирского материала данная лексическая единица встречается редко: новосиб. *ягá* 'шуба мехом наружу' (Новосиб. сл., с. 604).

В тобольском материале это слово встречается редко, всего один раз: «*Унес ягу козлиную белую* русских козлов, у рукав завороты суконные красные» (Тобол., 1738 г., ГАТОТ, ф. 661, № 47, л. 391). Между тем материалы других западносибирских фондов свидетельствуют о довольно широком распространении этого слова на данной территории: «Пожитки ево покрали ж: ягу козлиную, ягу черну овчину, испод лисей под холстиною» (Тюмен., 1736 г., ГАТОТ, ф. 47, № 4311, л. 3; см. здесь же л. 74—77 об.); «Унесли ...пожитковъ ево а именно: шубу баран(ь)ю по-

вую, ягу козлиную, полетъ валеную черную, десят овчин, сукна сермяжного 13 аршин» (Чаус., 1750 г., ГАНО, ф. 105, № 19, с. 317) и др.

По происхождению слово *яга* является тюркским заимствованием; возможные слова-источники этого заимствования названы М. Фасмером: лебед., кюэрик., бараб., крым.-татар., уйгур. jaγa 'ворот, воротник', тур., татар. jaka — то же (Фасмер, т. 4, с. 543) из др.-тюрк. jaqa 'ворот, воротник' (ДТС, с. 237). Сравнением могут служить также ср.-тюрк. jaku 'плащ', ойрот. jaky, jaka, ойрот., телеут. jakky 'доха, ein Pelz aus Rehfell, der mit den Haaren nach aussen getragen Wird', бараб. jaγy, сойон. čaγy, якут. saγyбах, sanyjax 'даха' (Räsänen, с. 180).

К диалектным заимствованиям из монгольских языков относится слово *даха*, выступающее конкурирующей лексической единицей по отношению к рассматриваемому тюркизму *яга* 'шуба мехом наружу'. Необходимо обратить внимание на следующий факт: слово *даха* отмечается (возможно, пока) только для тобольской письменности первой половины XVIII в., другими источниками того и более раннего времени, использованными нами, это слово не отмечено. Это обстоятельство определенно может быть соотнесено с другим — меньшей употребительностью в тобольских говорах первой половины XVIII в. слова *яга* с тем же значением; ср.: «Даха козловая серая» (Тобол., 1735 г., ГАТОТ, ф. 661, № 35, л. 35), «Унесли . . . тулуи новой калмыцкой белой,... даху козлиную белую» (Тобол., 1738 г., Там же, № 47, «(Унесли) даху алешную дымленую» (Тобол., 1742 г., Там же, № 64, л. 30), «Даха: один рукав шерстью красной, а другой белой, а полы белые ж, а в крыл(ь)цах шерстью разная» (Тобл., 1746 г., Там же, № 83, л. 420) и др.

По происхождению слово *даха* является, как уже было замечено, монгольским заимствованием, при этом считается, что непосредственным источником послужило калмыцкое слово *дахэ* 'шуба с мехом наружу' (КЭС, с. 131), ср. также: монг. daqu 'шуба с мехом наружу', бур. daxa, daxu, маньчжур. daxō 'меховая верхняя одежда', (Фасмер, т. 1, с. 485). Кроме монгольских, слово в данном виде встречается в тюркских языках — чагат. daku 'шуба с мехом наружу', но является там заимствованием из монгольских языков (Räsänen, с. 130; см. здесь же о том, что монг. daku исторически является соответствием тюрк. jaku). Отсутствие слова в русских письменных источниках ранее XVIII в. заставляет предполагать, что это наименование было заимствовано в XVIII в.

Словарь В. И. Даля фиксирует лексическую единицу *дахá* сиб. 'шуба, надеваемая шерстью наверх, наружу...', сиб., оренб. 'яргак, ергак' и лексическую единицу *дóха* урал. 'род шубы из сайгачьего меха шерстью наружу' (Даль, т. 1, с. 416, 485). Черкасов для восточносибирских говоров отметил *дáха* 'шуба шерстью наружу' (цит. по: СРНГ, вып. 7, с. 279). В наше время слово *доха́* вошло в лексическую систему общенародного языка, но с расширенным значением 'шуба мехом внутрь и наружу' (СРЯ, т. 1, с. 597). Современные словари западносибирских говоров (Том. сл., Новосиб. сл.) не включают слово *доха* в свой словник, так как оно известно общенародному языку. Между тем в томских старожильческих говорах это слово известно как историзм: «*Нынче дох не шьют, да куды щас её оденешь, раньше дóху рóбили, когда на волок собирались, в извоз мужики ходили, у нас у тяти дóха оленья была, шерстью вéерх носили*» (р. п. Каргасок, 1989 г., запись автора).

Оба рассмотренных диалектных слова входили в круг названий теплой меховой одежды: *шуба, тулуп, кунтыш* и *кунтуш, яга, дáха*. Особенностью этой группы слов по сравнению с рядом других наименований верхней одежды является нейтрализация семантического признака 'мужская — женская (одежда)'. Данные слова называли только меховую (на меху) одежду, это относится и к слову *кунтуш/кунтыш*, которое во всех зафиксированных контекстах называет только одежду на меху (ср. Даль, т. 2, с. 218) и встречается в перечнях как женской, так и мужской одежды [4].

Слово *тулуп* считается заимствованием XVIII в. (КЭС, с. 434), но эта дата не является точной, так как данное слово мы находим уже в словаре-дневнике Рич. Джемса, датированном 1618—1619 гг., где указывается, что *тулуп* (tullуp) — это шуба, сделанная из нагайских овчин, которую носят мехом внутрь зимою и навыворот летом (Словарь-дневник, с. 187). При изучении слова-источника заимствования ссылаются на телеут., алт., шор., крым.-татар. *тулуп* 'мешок без швов, из целой выделанной звериной кожи' (Радлов, т. 3, с. 1469—1470); приводится и другое тюркское слово — tulup 'дубленая кожа' (ССРЛЯ, т. 15, с. 1116). В наших примерах слово *тулуп* имеет значение 'меховая верхняя одежда мехом внутрь, обычно не крытая материей', это значение восстанавливается из западносибирского материала XVII — первой половины XVIII в. и подтверждается сибирскими записями XIX—XX вв., ср.: «Унесли, а именно: тулуп калмыцких овчин, в рукавах лисые он-

чины, ...а у того тулупа кругом кайма хаму и строки по пем шитые» (Тобольск, 1737 г., ГАТОТ, ф. 661, № 42, л. 154), «Унесли ...тулуп новой калмыцкой белой, ...даху козлиную белую» (Тобол., 1738 г., Там же, № 47, л. 78) и многие другие. Упоминание о крытом материей тулупе мы находим лишь в единственном примере: «Небол(ь)шей тулуп белой мерлушетой крыт китайской цветом вишневой пелощеной» (Тобол., 1742 г., Там же, № 64, л. 358). Для изучаемого времени, как показывают исследования и публикации источников, слово *тулуп* было общеупотребительным.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что слово *тулуп* называло прежде всего меховую, не крытую материей одежду. Единственный случай упоминания крытого материей тулупа, пока он не будет подтвержден другими примерами, можно считать окказиональным. Таким образом, можно отметить следующее. Противопоставляясь слову *тулуп*, обозначающему длинную меховую одежду мехом внутрь, по признаку '(одежда) мехом внутрь — наружу' слова *яга* и *даха* вместе со словом *тулуп* называли меховую одежду и тем самым отличались от названий одежды на меху — *шуба*, *кунтуш/куптыш*.

Слово *шуба* в подавляющем большинстве случаев своего употребления обозначает длинную матерчатую одежду на меху и тем самым вписывается в указанное семантическое противопоставление. Однако встречающиеся упоминания о нагольных шубах свидетельствуют о сравнительной семантической широте данного слова. Видимо, сужение значения у слова *шуба* происходило в говорах, лексическая система которых располагала и другими наименованиями для меховой (на меху) длиннополой одежды. Так, употребляясь наряду со словами *яга*, *даха*, *тулуп*, называвшими определенные виды указанной одежды, слово *шуба*, первоначально имевшее более широкую семантику и выступающее как обобщающее наименование по отношению к перечисленным трем словам, суживает свое значение. Это сужение выражается в нашем материале (преимущественно в текстах первой половины XVIII в.) в употреблении слова *шуба* для обозначения крытой одежды на меху. Полного сужения семантики у данного слова не происходит, очевидно, под влиянием лексико-семантической системы литературного языка. Приведем примеры: «Покрали ...шубу китайчатую на исподе овчинном, пух бобровой» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 398), «Шуба баран(ь)я нагол(ь)ная» (Там же, л. 227), «Взяли с нее грабежем шубу: верх китайки вишневой, мех заячинной хрептовой, опушена бобром» (То-

бол., 1742 г., Там же, № 64, л. 407) и др., ср. также уменьшит. и уничижит. *шубенко*: «шубенко бел(ь)е с пухом» (Тобол., 1633 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 31 об.), «Шубенко бел(ь)е малое робоч(ь)е» (Верхотур., Там же, оп. 5, № 32, л. 42).

Наименование *кунтуш/куптыш* для изучаемой эпохи характеризовалось выходом из диалектной в общеупотребительную лексическую систему русского языка. Оба отмеченных лексико-фонетических варианта употреблялись со значением 'одежда вроде кафтана (чаще из камки или китайки) на меху', при этом в тобольской деловой письменности чаще употреблялось *куптыш* и реже его вариант *кунтуш*, ср.: к у п т ы ш — «Куптыш новый покрыт китайкой вишневой, под ним подложено исподом бел(ь)им хребтовым, а опушен пухом бобровым» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 158), «Куптыш китайчетой на исподе заечьем» (Тобол., 1738 г., Там же, № 47, л. 67), «Куптыш женской китайчетой, мех заечей, опушена (!) соболем» (Тобол., 1743 г., Там же, № 69, л. 107), «Сестру мою ограбил: снял куптышъ камчатой вишневый, исподъ белей» (Тюмен., 1725 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1739, л. 17) и др.; к у н т у ш — «Кунтуш камчатой цвету зеленого, подбит бел(ь)им мехом, белки якуцкие черные, опушен кругом соболями сургуцкими да кружевом золотым обложен» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 477). Во всех зарегистрированных нами примерах речь идет об одежде только на беличьем или заячьем меху. Эта особенность является специфической для слова *кунтыш/куптыш* наряду с некоторыми другими признаками. (Слово называло реалию, отличавшуюся покроем от других видов меховой одежды.)

Данное наименование как обозначение женской одежды отметил С. И. Котков для южнорусской письменности первой половины XVIII в. в написаниях *кунтош, кунташ, куптош, кунтуш*[13]. Е. Н. Борисова, указывающая широкий ареал распространения этого названия в XVIII в. и в последующее время, тем не менее приходит к выводу о том, что общерусским слово *кунтыш* так и не стало: «...выйдя в середине XVIII в. из моды в русской дворянской среде, оно продолжало свою вторую жизнь в говорах, сохранив определенную связь со своей первичной семантикой лишь в южных и западных диалектах; в севернорусских говорах *кунтыш* (и *кундыш*), как правило, обозначает женский сарафан»[14].

По своему происхождению рассматриваемое наименование является полонизмом, ср. польск. ko(u)ntusz, куда,

в свою очередь, попало из турецкого языка (Преображенский, с. 451; Фасмер, т. 1, с. 418) — тур. kontos 'ein Pelz oder Kleid engen, gestickten Ärmela, wie sie früher die tatarischen Grenzoffiziere trugen', а также венг. kontos (Räsänen, с. 279). В русский язык (говоры) слово могло попасть как непосредственно из польского языка, так и через украинский, где *кунтуш* — это 'верхняя распашная мужская и женская одежда зажиточного украинского и польского населения XVI—XVII ст.' (СУМ, т. 4, с. 400; см. также Белецкий-Носенко, с. 200).

Современным говорам Сибири данное наименование одежды не известно. Утрата его связана с исчезновением самой реалии.

Особого вида теплую меховую одежду называло слово *малица*: «Малица олен(ь)я, три алтына две ден(ь)ги» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 44), «Малицы оленъм держаные» (Верхотур., 1737, Там же, л. 53 об), «(Украли) шубу-баранью, малицу оленью остяцкую» (Тюмен., 1727 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1741, л. 10) и др. В последнем примере слово *малица* называет одежду сибирских аборигенов, но Н. А. Миненко, исследуя быт русского населения северо-запада Сибири XVIII—XIX вв., пишет о том, что у русских постепенно «складывался свой специфический стиль одежды, представляющий собой смешение русских, хантыйских и ненецких элементов». Так, например, березовские крестьяне зимой по праздникам надевали шубы, а «в будни — малицы и парки»[15].

Бо́льшая часть примеров на это слово в Картотеке СРНГ приходится на записи XIX в., и, как правило, в этих записях оговаривается, что данным словом называют одежду местных народов Сибири, ср. тобол. 'одежда из оленьей шкуры шерстью вверх', 'нижняя одежда самоедов, остяков и русских на севере из оленьего меха', том. 'нижняя одежда самоедов из оленьего меха; она обращена мехом внутрь' и др. Самый поздний пример — это запись, сделанная в 30-х гг. И. И. Королевым: дал. и юж.-сиб. *малица* 'верхняя одежда у северных народов'. Материал Картотеки СРНГ обращает на себя внимание еще с одной стороны: слово *малица* зафиксировано лишь в русских говорах Западной Сибири. Согласно точке зрения М. Фасмера (т. 2, с. 563), русское диалектное *малица* (и *малка*) заимствовано из ненец. mālit'e 'мех'. Данное заимствование, кроме сибирских говоров, было известно также и северорусским — 'одежда в виде рубахи из оленчины, шерстью к телу; исподняя шуба; она круглая или глухая (нераспашная), по колени,

с оторочкой, иногда крыта набойкою' (Даль, т. 2, с. 292). С течением времени данный термин вошел в систему русского литературного языка (см. СРЯ, т. 2, с. 297), но употребляется там как экзотизм — при характеристике материальной культуры некоторых народов Крайнего Севера.

Все рассмотренные выше слова называли меховую (на меху) верхнюю одежду. Для обозначения матерчатой верхней одежды встречаем слова *азям* и *зипун*.

Азям: «Двадцать азямов зенденныхъ» (Тобол., 1656 г., ЦГАДА, № 214, оп. 5, № 469, л. 32), «Азямъ сукошной красной одницовой,... два азяма небол(ъ)ших красных одницовых» (Тюмен., 1699 г., Там же, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 505 об.), «...азямовъ китайчатых разных цветов» (Тюмен., 1699 г., Там же, л. 527) и др.

Русскими письменными источниками слово *азямъ* (*озямъ*) регистрируется с XVII в. Среди цитат, документирующих это слово в СлРЯ (вып. 1, с. 23), обращает на себя внимание первая, где реалия, обозначая данным словом, характеризует материальную культуру тунгусов: «А на техъ де тунгусахъ на ихъ и на женахъ ихъ опъ Гришка видалъ круп серебряные и планци и въ платъ на ихъ кумачи вделъ же, сделано азямомъ» (см. ДАИ, т. 3, с. 103, 1647 г.). О том, что реалия связывалась с материальной культурой аборигенов Сибири, свидетельствуют диалектные источники XIX — начала XX в., относящиеся к этой территории: *азя́м* — краснояр. 'верхнее платье, сшитое из материи, называемой азямина — ткань из верблюжьей (!) шерсти' (1904 г.), том. 'армяк киргизского изделия' (1895 г.). Пришедшее в русский язык первоначально, видимо, как наименование особого рода верхней одежды у восточных (тюркоязычных?) народов, рассматриваемое слово получило достаточно широкое распространение в русских говорах XIX—XX вв., называя там верхнюю одежду крестьян (мужскую или женскую), различающуюся покроем и сшитую из различного, в зависимости от местности, материала (см. СРНГ, вып. 1, с. 215—217). В XVIII в. слово воспринималось как областное, ср. его определение в САПазб (ч. 1, с. 14): «...род одежды подобной покроем русскому кафтану, употребляемый в некоторых (разрядка наша.— *Л. П.*) областях простым народом вместо летнего платья».

Что касается происхождения слова *азям*, то ученые относят его к числу тюркизмов (ЭСРЯ, т. 1, вып. 1, с. 54; Шипова, с. 24). М. Фасмер (т. 1, с. 64) сравнивает это слово с азерб. Adžam 'Персия', турец. adžam 'перс' и ссылается на польск. adziamski 'персидский ковер'; ср. также др.-тюрк.

ʿазāт (из араб.) 'персы' (ДТС, с. 74). В пользу подобных сравнений говорит и ст.-рус. *азямский* 'персидский' (СлРЯ, вып. 1, с. 25).

Рассматриваемое слово в русских говорах Сибири ушло в пассивный фонд лексики, об этом свидетельствует Картотека СРГС, где примеры представлены записями либо XIX — начала XX в., либо современными, но с пометой «устар.». К тому сибирскому материалу, который дает СРНГ (вып. 1, с. 215—217), добавим: талиц. *азям* 'вид верхней одежды' (Богданов, с. 14; судя по цитатам, слово в этих говорах устарело), новосиб. (устар.) *азя́м* 'верхняя одежда крестьян из домотканного сукна или шерсти, разного покроя и назначения', 'мужская будничная одежда наподобие пиджака' (Новосиб. сл., с. 9), краснояр. (устар.) *азя́м* 'шерстяной кафтан' (Краснояр. сп., с. 8).

Зипун: «Два зипуна сермяжные простые шестьдесят алтынъ, зипунъ сермяжной средней сорокъ алтынъ, зипунъ сермяжной ветош полтина» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 149 об.), «Зипун сермяжной средней поношен» (Верхотур., 1637 г., Там же, л. 190 об.), «Два зипуна сермяжных с нашивной опойчатою» (Тобол., 1633 г., Там же, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 140), «Два зипуна сермяжные средные три рубли» (Тобол., 1633 г., Там же, л. 206), «Плат(ь)я: зипуновъ, шубъ, сапоговъ, рукавицъ, ваношов, лямокъ работным десяти ч(е)л(о)в(е)комъ по два рубли с полтиною ч(е)л(о)в(е)ку» (Тобол., 1704 г., Там же, оп. 5, № 746, л. 210), «Зипунъ сермяжного сукна малопошенъ,... приметы на томъ зипуне: подпушенъ краденной пестрой и тканецъ пятной по подамъ кругом, покрою крестьянского, малые борки, приметы на том зипуне: поперекъ на борках вверху шевъ, у рукавов на запясье опушено рондугой» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 112) и многие другие.

В памятниках старорусской письменности слово *зипун* употребляется широко, что дает основание считать его общеупотребительным для XVI—XVII вв. Более того, первоначально данное слово (вместе с самой реалией) не относилось к простонародным, о чем свидетельствует опись платья царя Алексея Михайловича[16], но в дальнейшем у этого слова произошло сужение значения. Так, в наших примерах *зипуном* называется верхняя (мужская) одежда простого народа, сшитая из домотканного сукна, ср. часто встречающееся словосочетание *зипун сермяжной*. Можно сослаться здесь и на то определение к слову, которое дается в САРазб (ч. 2, с. 868): 'крестьянский кафтан из толстого сермяжного сукна' с пометами «тат⟨арское,⟩простонароди⟨ое⟩».

В современных говорах Сибири данное слово так же, как и в литературном языке, известно прежде всего в качестве историзма. Исключение, пожалуй, составляют лишь некоторые старожильческие говоры. Так, в Томской области у слова *зипун*, по свидетельству С. И. Ольгович, произошло изменение значения «в связи с изменением назначения предмета — верхняя мужская одежда, одеваемая для предохранения от снега и дождя»[17]. Подобное же изменение значения слова отмечает и «Талицкий словарь» В. Н. Богданова (с. 220): *Сначала тулуп, а сверху зипун от дождика али от бурана.*

Мы не рассматриваем отмеченные в западносибирской письменности XVII — первой половины XVIII в. такие общеупотребительные для того времени слова, как *кафтан, камзол, однорядка, порты, штаны, рубаха* (*рубашка*). Как правило, подобные слова известны и современному литературному языку (частично в каких-то историзмы).

Продолжим анализ наименований верхней матерчатой одежды, остановимся на некоторых названиях женской одежды, оставивших свой след в лексической системе русских народных говоров. К таким словам принадлежат *навершник, дубас, балахон, шубка, сукня.*

Навершник: «Два навершника холщевыя» (Тобол., 1737 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 294), «Навершникъ крашенинной» (Тобол., 1742 г., Там же, № 64, л. 304), «Навершникъ женской новой холста тонкого сорокъ копеек» (Тобол., 1743 г., Там же, № 69, л. 217), «Хотелъ ея Варвару блудным воровъством исъсильничать, и з головы ея Варвары онъ Корначев кокошникъ збилъ и навершникъ с нея завирачивал» (Чаус. 1767 г., ГАНО, ф. 104, № 1, л. 64) и др. Сравнением здесь могут служить вятские говоры, в которых данное слово зафиксировано со значением 'женская одежда, род шушуна, сверх сарафана' (Даль, т. 2, с. 385).

Данное наименование входило в группу слов, обозначавших легкую женскую одежду: *балахон, юбка, сарафан, навершник, дубас*. В наших примерах этими словами обозначается только женская одежда[18]. Лексические единицы *юбка* и *сарафан* широко известны старорусской письменности того времени. Последнее слово в нашей выборке отмечено и в качестве обозначения женской утепленной (на подкладе) одежды, ср.: «Сарафанъ камчатой красной подложенъ нестредью крашенинною красною» (Тобол., 1743 г., ГАТОТ, ф. 661, № 69, л. 107) наряду с более обычным употреблением в качестве наименования сарафана без подклада.

Семантические отношения лексических единиц *сарафан* и *навершник* представляются пока не вполне ясными, но обращает на себя внимание тот факт, что во всей массе примеров нет ни одного, где бы употреблялись оба эти названия. Это может свидетельствовать как о том, что данные слова называли функционально похожие реалии[19], так и о том, что словами *сарафан* и *навершник* обозначались сарафаны. В последнем случае между этими словами могли быть отношения двоякого рода: либо они являлись конкурирующими лексическими единицами (т. е. называли одни и те же реалии), либо словом *навершник* назывался определенный вид сарафана (как, например, словом *дубас*, см. ниже).

Уточняющим наименованием по отношению к общеупотребительному слову *сарафан* выступало диалектное (северорусское по происхождению) слово *дубас*: «Дубас... относится к числу косоклинников — наиболее архаичному типу русских сарафанов»[20]. Возражая венгерскому ученому Б. Кальман, считавшему данное слово заимствованным из обь-угорских языков, А. И. Попов писал: «Это северорусское областное слово (Вологод., Перм., Том., Камчат.) означает род одежды, материал для изготовления которой окрашен с помощью настоя из дубовой или ивовой коры. Подобный процесс окрашивания обычно сходен с т. н. "дублением" (кож и т. п.); в некоторых случаях (напр., на Камчатке) словом "дубас" называется именно одежда из обработанных "дубленых" шкур. Поэтому происхождение этого слова чисто русское...»[21]. Словарь В. И. Даля *дубас* отмечает для северорусских, уральских и сибирских говоров (Даль, т. 1, с. 498).

Специфичными семантическими признаками у рассматриваемого слова были 'характер изготовления ткани, из которой шилась 'реалия' и 'покрой (форма реалии)'. Наиболее существенным семантическим признаком является первый, ср. его отражение уже в самом наименовании (*дубас*). Приведем примеры: «Дубас, верхник» (Тюмен., 1717 г., ГАТОТ, ф. 47, № 527, л. 12 об.), «Восемь дубасов женских цепа рубль» (Тюмен., 1736 г., Там же, № 4311, л. 22).

Слово *дубас* и в прошлом, по-видимому, было характерным только для словаря народных говоров. Так, оно отсутствует в СлРЯ, а в САРазб (ч. 2, с. 267) обращается внимание на то, что данный род одежды употребляется «в некоторых (разрядка наша.— *Л. П.*) областях России». Из числа сибирских говоров, где известно слово *дубас* в качестве наименования особого покроя сарафана из грубой ткани,

отметим тобольские, томские, кемеровские, новосибирские говоры. Кроме того, в ряде западносибирских говоров произошли изменения в значении слова, связанные с особенностями покроя, назначения самой одежды, ср. новосиб. 'грубая мужская рабочая одежда в виде длинной рубахи', тюмен., новосиб. 'саван'.

Балахон: «Два балахона белые холщевые сорокъ алтынъ» (Тобол., 1633 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 148 об.), «Балахон камчатой жаркой небол(ь)шей» (Тобол., 1737 г., ГАТОТ, ф. 661, № 42, л. 455), «Балахонъ голевой красной малинкой» (Тобол., 1743 г., Там же, № 69, л. 55), «Унесли... женского платья балахон камчатной с юнкою камчатною» (Тобол., 1743 г., Там же, л. 88); *болохон*: «Обрали с нее Ирины черной болохонъ отласной, ... епанечку камчатую цвету вишневого, исподъ белой, выпушена лисицой» (Тобол., 1735 г., Там же, № 63, л. 43). В этих и других примерах слово *балахон* (*болохон*) встречается в кругу наименований женской одежды, называя верхнюю женскую кофту особого покроя.

В современных говорах Сибири слово *балахóн* встречается сравнительно редко: новосиб. 'вид шубы, покрытой холстиной', иркут. 'одежда, вытканная из основы портяной, уток шерстяной из тонкой пряжи, вытканная узором-птичками, красили его в черный цвет', а также омск. *балахáшко* 'балахон', краснояр. *балахóнник* 'бедно одетый человек' и некоторые другие производные. В современном русском литературном языке слово сохранилось лишь как экспрессивное название просторной, бесформенной длинной одежды (см. СРЯ, т. 1, с. 57: *балахон*).

Впервые рассматриваемое слово отмечено в русско-английском словаре-дневнике Рич. Джемса: балахон (balaχan) 'белый льняной кафтан носильщика (грузчика)' (Словарь-дневник, с. 127). Б. А. Ларин в комментарии к тексту этого словаря указал на окказиональность толкования Рич. Джемсом этого слова (см. Словарь-дневник, с. 233). Вместе с тем данные народных говоров и белорусского языка заставляют более внимательно отнестись к записи английского купца-путешественника, ср. волог. *балахон* 'халат из белой материи' (Дополнение, с. 5), белорус. *балахон* 'неумела сшытая шырокая і доўгая вопратка; бальнічны халат' (ЭСБел., т. 1, с. 289; здесь же см. другие значения белорусского слова).

Ученые единодушны в восточном происхождении русского слова *балахон*, но называют разные языки, откуда оно было заимствовано. А. Г. Преображенский (с. 52) и авторы «Толкового словаря русского языка» (Ушаков, т. 1, с. 81)

источник этого заимствования видели в перс. b ālajamè 'верхняя одежда'. М. Фасмер справедливо отметил, что подобное толкование «не учитывает фонетические особенности» (Фасмер, т. 1, с. 114), А. М. Шанский считает, что данное слово, вероятно, является древнерусским заимствованием из татарского языка, не называя, впрочем, татарского слова-источника (см. ЭСРЯ, т. 1, вып. 2, с. 22). Поиски слова — источника заимствования должны обязательно учитывать семантику русского слова, а именно то, что балахоном (балахной и др.) называют широкую распашную одежду самого различного покроя и назначения (см. СРНГ, вып. 2, с. 75; ПОС, вып. 1, с. 100). Иными словами, в значениях всех наименований с этим корнем семантический признак 'широкий, распашной (нескладный)' оказывается весьма существенным, а может быть, и основным, на это указывает обширный материал из словаря В. И. Даля (т. 1, с. 42): *балахна* 'неряха, разиня', *балахóнка* 'ветряная мельница, но не *шатровая*, а новго, простого устройства', 'рыбный пирожок, не защипанный, а с прорешкою...', *Эка балахна, рот разинул! У него двор балахна балахной* — настежь. В связи с отмеченным семантическим признаком интересно обратиться к казах. диал. *балкай* 'полнеть', 'тучнеть', киргиз. *балпаңай* 'грузный', 'толстый', 'неуклюжий', 'несуразный' и др., где с элементом *бал(а)* связано представление о большом количестве: 'чрезмерно', 'сверх силы', 'в большом количестве' и др. (см. Севортян, т. 2, с. 50).

Лексема *шубка* в наших текстах употребляется для обозначения легкой верхней одежды женщины: «(Взял) шубку камчатную желтую» (Тобол., 1758 г., ГАТОТ, ф. 661, № 47, л. 203), «Три спорка камчатные женские красные с русских шубокъ» (Тобол., 1739 г., Там же, № 51, с. 162 об.), «Спорокъ с шубки камчатой» (Тюмен., 1681 г., Там же, ф. 47, № 93, л. 1) и др. Эта женская одежда считалась разновидностью сарафана и была весьма распространена в XVII в.[22]

В памятниках южнорусской письменности XVII в. широко представлено слово *сукня* как обозначение мужской и женской одежды[23]. Лексикографические источники XIX в. отмечают южнорусское распространение этого термина: *сýкня* юж., зап. 'одежда, платье', кур., воронеж. 'цветной суконный сарафан' (Даль, т. 4, с. 358). В XVII в., как считает Е. Н. Борисова, слово было общенародным[24], однако памятники народно-разговорной речи центральных территорий Московского государства XVII—XVIII вв. не дают примеров употребления этого слова (см. Гр-ки, МДБП, ПМ, ПНЯ, см. также В-К I, II). В западносибирских источниках

XVII в. это слово представлено единственным верхотурским примером, где, по всей видимости, словом назван женский сарафан: «Сукнишко сукманное желтое вѣтчаное..., сукня женская сукманная ветчанная» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 262). В этом же примере представлено уменьшительно-уничижительное образование от данного имени: *сукнишко*. Современными говорами Западной Сибири термин *сукня* утрачен.

* * *

Весьма часто встречающееся в западносибирской деловой письменности XVII—XVIII вв. слово *ветошь* не называло какого-либо отдельного вида одежды, но употреблялось для обозначения старой, ветхой одежды, ср.: «Девять рубах малых робячьих середнего-х[о]ду ветошья» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 150), «Штанишка ролдуж(ьи) ветошь» (Верхотур., 1637 г., Там же, л. 157), «Два кафтана шубные ветошь два рубли» (Тобол., 1633 г., Там же, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 185 об.), «Юпка черная сукошная с подкладом ветош три рубли» (Тобол., 1633 г., Там же, л. 212 об.) и др., ср. также вост.-слб. *ветошка*: «8 рубашекъ ветошекъ по 10 алтынъ рубашка» (Тюмск., 1649 г., ЦГАДА, ф. 494, оп. 2, № 1, л. 90 об.). В этих и других примерах словом *ветошь* называется старая одежда. Это же слово отмечено и как обозначение определенного сорта ткани с редкой основой: «Исподъ таушкапей под ветошью» (Тюмен., 1737 г., ГАТОТ, ф. 47, № 4311, л. 131 об.).

Данное наименование в качестве обозначения старой, ветхой одежды не имело территориального ограничения, оно широко встречается в памятниках письменности, известно и современному литературному языку. В современных западносибирских говорах слово *ветошь* употребляется как обозначение старой прошлогодней нескошенной травы (тобол., новосиб.). С этимологической точки зрения именно это последнее значение ('прошлогодняя нескошенная трава') является более древним [3].

В качестве названия нижней одежды в нашей выборке из тобольских текстов первой половины XVIII в. находим слово *исподница*: «Исподница отласная камчатная на бумаге стеганая» (Тобол., 1742 г., ГАТОТ, ф. 661, № 64, л. 418). В СРЯ (т. 1, с. 43) это слово указывается как обозначение нижней юбки, нижней женской рубашки. На территории Сибири слово *исподница* 'нижняя женская рубаш-

ка' отмечено только в иркутских говорах, говоры Западной Сибири знают однокоренные образования: том. *испóдник* 'нижняя юбка', новосиб. *исподка*, (субстантив) *испóдняя* — то же. Однако ранее слово имело более широкую семантику. Так САРазб (т. 2, с. 1064) отмечает слово *исподница* в качестве названия нижней женской юбки или нижнего мужского платья. Известно это слово и современным русским народным говорам, где имеет широкий ареал распространения (северно-, средне- и южнорусские говоры — см. СРНГ, вып. 12, с. 233).

В качестве наименования фартука исследуемая письменность дает несколько лексических единиц.

Запан, запон: «Работникомъ платье: зипуны и шубы, и запасы, и рукавицы, и запоны, и сапоги, и штаны» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 3, № 740, л. 220), «Платья: зипуповъ, шубъ, сапоговъ рукавицъ, запоновъ, лямокъ работнымъ десяти ч(е)л(л)в(е)комъ по два рубли с полтиною ч(е)л(о)вѣ(е)ку» (Тобол., 1704 г., Там же, л. 240), «Запан холщевой» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 2, л. 402), «Унесла с собою... три запана серебреные под золотом» (Тобол., 1746 г., Там же, № 83, л. 209) и др. В первых двух примерах слово *запон* обозначает фартук рыбака, в следующем — женский фартук (таких примеров в нашей выборке больше всего, здесь встречаются написания *запон* и *запан*), а в последнем примере *запан* — это 'запонка', ср. производные *запонка* и *запонок* — то же: «Из рубашечного ворота вырвал запонку серебряную черненую под золотом» (Тобол., 1743 г., Там же, № 69, л. 122), «Запонокъ серебреной под золотом со хрусталиновою стякою» (Тобол., 1737 г., Там же, № 42, л. 29 об.). Оба существительных мужского рода (*запан* и *запонок*) в значении 'запонка' встретились по одному разу, зато регулярно в этом значении употребляется слово женского рода *запонка*.

СлРЯ (вып. 5, с. 258, 275) фиксирует слова *запонъ* и *запона* 'полотнище, занавес, завеса любого рода', 'передник, фартук; рабочий фартук...' (также и *запань*), 'препятствие, преграда', 'запонка, бляха, пряжка, застежка, служащая украшением' (также и запанъ). Написания с *а* в корне этого слова редки, судя по данным упомянутого словаря, и отражают, по-видимому, произношение слова с ударением на приставке, ср. совр. диал. *зáпон* и *запóн*. Наиболее ранние значения у этих слов (мужского и женского рода) — 'полотнище, занавес...' и 'препятствие, преграда'. Слова образованы с глагольного корня * реп-(ср. др.-рус. *пяти, пьну*)[28]. В русском языке XVII—XVIII вв. слово *запон* (*запан*) не

ощущалось, по-видимому, как диалектное. Так, в САРазб (т. 2, с. 657, 694) *за́пан* 'передник', *за́пон* 'передник кожаный или другой какой рабочими люд(ь)ми употребляемый' даются без ограничительных помет. Скорее *запо(а)н* 'передник, фартук' характеризовало народный быт, в связи с чем позже (в XIX в.?) сохранилось только в говорах. Обращает на себя внимание широкий ареал распространения слова *запон* в русских европейских говорах XIX—XX вв. (Дополнение, с. 60; СРНГ, вып. 10, с. 342—343). В русских говорах Западной Сибири слово как обозначение фартука (в ряде случаев с теми или иными отличиями реалий) известно широко: тобол., тюмен., ом., том., кемер., новосиб., г.-алт., алт. Современный литературный язык сохранил лишь производное *запонка* 'запонка'; здесь налицо отражение тенденция языка к изоморфности плана выражения и плана содержания — сравнительно небольшая реалия (из числа тех, которые назывались словом *запонъ* или *запонъ*) обозначается первоначально уменьшительным образованием.

Территориально ограниченным, видимо, было другое наименование фартука (передника) — *верхник*. Как название определенного вида одежды это слово известно на числа современных свердловским и новгородским говорам, но только в последних у данного слова наиболее конкретное значение — 'сарафан; фартук, передник' (СРНГ, вып. 4, с. 160; см. также Дополнение, с. 20; Даль, т. 1, с. 184). О том, что словом *верхник* в Западной Сибири первой половины XVIII в. называли именно передник, сшитый из холста и окрашенный, свидетельствуют историко-этнографические исследования Т. В современной Сибири это слово в данном значении сохранилось лишь в немногих говорах (Картотека СРНГ фиксирует только прил. *верхний* 'фартук'), в то время как *запон* 'фартук, передник' имеет весьма значительный ареал распространения (см. выше).

Примеры на слово *верхник*: «Два верхника женских» (Тюмен., 1747 г., ГАТОТ, ф. 47, № 527, л. 6), «Верхникъ крашенинной» (Тюмен., 1717 г., Там же, л. 12), «Два верхника крашенинные» (Тюмен., 1724 г., Там же, № 1738, л. 2 об.), «Изодрали рубашку холщеву да верхникъ цепа полтина» (Тюмен., 1726 г., Там же, № 1742, л. 8 об.). Кроме данной лексической единицы, мы встречаем вариант *верхняк*, который, по-видимому, следует рассматривать как окказионализм — он отмечен нами в единственном примере: «Крашенинной верхняк цепа две гривны» (Тюмен., 1725 г., Там же, № 1739, л. 44). Современные региональные словари, охватывающие материалы XIX—XX вв., а также Карто-

тека СРНГ слово *верхнак* не регистрируют, нет этого слова (как, впрочем, нет и слова *верхник*) и в исторических словарях русского языка.

Что касается малоупотребительности лексической единицы (при этом все примеры первой половины XVIII в. приходятся на тюменские источники) *верхник* 'фартук, передник' в современных сибирских говорах, то она объясняется стремлением языка избежать, с одной стороны, большого разрыва в значениях слова *верхник*[28], с другой стороны, конкуренции лексических единиц *верхник* и *запон* (*запан*). Относительно противопоставления слова *верхник — запон* ('фартук, передник') можно сказать, что в условиях складывающейся лексической системы западносибирских говоров сильной оказалась вторая лексическая единица (мы уже обращали внимание на широту ее распространения в современных западносибирских говорах) именно благодаря своему широкому употреблению в русских говорах европейского распространения. Эта особенность для нас важна, так как в складывающейся ситуации (начальный этап формирования словаря западносибирских говоров) отдается предпочтение не лексической единице *верхник* (известной и северорусским говорам, но с узким ареалом распространения), хотя преобладание севернорусской основы при формировании лексической системы западносибирских говоров в XVII — первой половины XVIII в. налицо. Тот факт, что в оппозиции *верхник — запон* сильной оказалась лексическая единица с широким ареалом распространения в русских европейских говорах, можно, по-видимому, считать одной из черт системы говоров вторичного образования. Вместе с тем определенную роль в дальнейшей судьбе противопоставления *верхник — запон* ('фартук, передник') сыграла и многозначность слова *верхник*, хотя роль многозначности этого слова в его судьбе, по-видимому, не столь велика, ср. многозначность слова *запон*.

* * *

Лексическая группа «головные уборы» представлена несколькими лексико-семантическими объединениями. Для названия теплых головных уборов западносибирская деловая письменность изучаемого времени располагает несколькими наименованиями.

Слово *асечка* имело значение 'теплая шапка без ушей с узеньким околышем, несколько расширяющимся к затылку'

(СРНГ, вып. 1, с. 284): «Две шапки соболи, в томъ числе одинъ карабликъ, другая асечка» (Тобол., 1742 г., ГАТОТ, ф. 661, № 64, л. 418). В современных говорах Сибири это название не сохранилось. В Опыте (с. 3: *асичка*) и в словаре В. И. Даля (т. 1, с. 26: *áсечка, áська*) данное наименование приведено с пометой «перм.», но, как свидетельствует СРНГ (вып. 1, с. 284), это название было известно и в калужских говорах.

Рассматриваемое слово входило в лексико-семантическое объединение слов-названий теплых (= зимних, меховых) головных уборов. Кроме данного диалектного наименования эта группа представлена такими словами, как *шапка*, *карабликъ*, *каптыр*, *малахай*. Последнее слово называло только мужской головной убор, первые два — мужской и женский, слово *каптыр* называло женский головной убор, но единственный пример его употребления делает выделение семантического признака 'женский (головной убор)' у этого слова условным. Выделяется здесь также семантический признак 'наличие/отсутствие боковых лопастей (наушников)'; так, с наушниками шился малахай, без наушников — карабликъ, асечка, каптыр, с наушниками и без — шапка.

Обобщающим и семантически наиболее емким среди этих названий было слово *шапка*, что подтверждается, во-первых, примерами, где это название выступает как обобщающее, ср.: «Две шапки, соболи, в том числе...», во-вторых, случаями употребления этого слова в глоссе, например «Схватил а головы у него шапку карабликъ: верхъ сукошный кострешной, цветомъ черемховой, окол черной бухарской овчины» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 567) и др. Словом *шапка* называли и определенные головные уборы. Так, например, в ряде случаев шапкой называется мужской и женский теплый головной убор с наушниками и матерчатым верхом: «Шапка женская хохлая, верхом бархатца с ушками красного цвету, испод белый» (Тобол., 1737 г., Там же, № 42, л. 41), «(Украли) шапку ево: верешекъ красной кармазинной, тулейка черная овчинная, наушки лисьи» (Тобол., 1746 г., Там же, № 83, л. 120) и др. Кроме того, нами отмечено устойчивое словосочетание *косая шапка*, по-видимому, для обозначения шапки без наушников, но закрывающей уши, т. е. теплый вариант косого чепца: «Шапка косая бархату китайского» (Тобол., 1743 г., Там же, № 69, л. 55), «(Унесли) чепцовъ и шапокъ косых» (Тобол., 1743 г., Там же, л. 176).

Карабликъ (только с предударным *а*): «Карабликъ верхъ зеленого бархату, окол мерлушка серая астраханская» (То-

бол., 1734 г., Там же, № 29, л. 387), «Караблик женской соболей: вершекъ зеленой отласной» (Тобол., 1746 г., Там же, № 83, л. 43) и др. СлРЯ не фиксирует данное наименование, но отмечает употребление формы *кораблемъ* в значении наречия применительно к покрою шапки (см. вып. 7, с. 307 — из источника конца XVI в.). Вероятно, название шапки *ко(а)раблик* — сравнительно поздняя семантическая инновация. По-видимому, данное наименование, как и сама реалия, было быстро утрачено. Так, например, В. И. Даль (т. 2, с. 161) слово *кораблик* отмечает как обозначение старинной теплой шапки, мужской и женской, «у которой зад и перед вздернуты посами вверх».

Каптыр: «Каптыр женской соболей» (Тобол., 1738 г., ГАТОТ, ф. 661, № 47, л. 300), ср. у И. И. Срезневского: *каптура-каптуръ-капътуръ* 'теплая шапка вроде камилавки' (Срезневский, т. 1, с. 1194—1195 со ссылкой на Н. Саввантова). Несомненно, заслуживает внимания точка зрения, согласно которой данное древнерусское слово объясняется как тюркское заимствование (см. Шипова, с. 162; Machek, с. 192). Выносной «р» в слове *каптыр* в цитированном источнике могло передавать на письме как [р], так и [р'], т. е., возможно, в нашем примере представлена форма *каптырь* (м. р.).

Тюркизмом является и слово *малахай*. Описание этого головного убора приводит М. М. Громыко: «четырехугольный верх, крытый синим или черным сукном, и четыре клапана из шубных лоскутов — для ушей, лица и затылка»[29]: «Три испода пупчатых с околы соболи да малахай якуцкой соболей» (Верхотур., 1637 г., НГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 114), «Малахай лисей покрыт китайкою» (Тюмен., 1738 г., ГАТОТ, ф. 47, № 4312, л. 40 об.), «Малахай суконной красной, окол овчинной черной» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 548), «Малахай суконной цвету зеленого, доброго сукна, опушена (!) волками» (Тобол., 1738 г., Там же, № 47, л. 310 об.), «Два малахая, в том числе один бобровой: вершекъ сукопной малиновой» (Тобол., 1743 г., Там же, № 69, л. 107) и др. Многочисленные примеры из наших текстов свидетельствуют о широком распространении на территории Западной Сибири реалии, называемой данным словом.

М. Фасмер считал это слово заимствованным из монгольского языка, где malagai 'шапка' (Фасмер, т. 2, с. 562; см. также Räsänen, с. 324), ср. совр. монг. *малгай* 'шапка, головной убор' (Монгол.-рус. сл., с. 234). Но, по-видимому, источником рус. малахай было татарское слово: казан.-татар. *малахай* = *малакай* малахай, острая меховая шапка с на-

ушниками' (Радлов, т. 4, с. 2037), которое, в свою очередь, видимо, является заимствованием из монгольского языка. Исследователи считают, что русское *малахай* в XVII в. было характерно исключительно для сибирских памятников[20]. Однако С. И. Котков приводит один пример употребления данного слова в южнорусском памятнике первой половины XVIII в.[21] С течением времени слово вошло в систему русского литературного языка (САРазб, ч. 3, с. 673—674; ССРЛЯ, т. 6, с. 552), но для современного этапа данное слово, видимо, следует рассматривать как периферийное в лексической системе русского языка, ибо употребляется оно преимущественно как этнографизм или историзм.

В кругу наименований головных уборов особую группу составляют названия нежимших головных уборов замужней женщины: *кокошник, повойник, брус, подубрусник/подобрусник, чепышка/чапышка, чепец/чепец, подцепешник, связка* и, возможно, *поклязь*.

Собственно русское образование слова *кокошникъ* зафиксировано памятниками с XI в. Как свидетельствует словарь В. И. Даля (т. 2, с. 135), данное слово означало женский головной убор «в виде опахала или округлого щита вкруг головы». Наши примеры говорят, что словом *кокошник* называли праздничный, парадный головной убор: «Сорвали с нея кокошникъ красной камчатой с позументом золотым» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 547), «Схватили с нее Аксиньи з головы кокошникъ голевой с позументом золотным, цена рубль» (Тобол., 1737 г., Там же, № 42, л. 73), «Восмьнатцат(ь) кокошников лауданных з голуницами» (Тюмен., 1699 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 540 об.), «Кокошникъ байберецкой алой с круживом золотным и с серебреной бляхой, кокошникъ атласной красной а бузомеитомъ золотнымъ» (Тюмен., 1737 г., ГАТОТ, ф. 47, № 4311, л. 131), «Кокошник: камчатой красной, низан китайскими половинчатыми зерны, а не жемчугом» (Чаус., 1735, ГАНО, ф. 105, № 2, л. 163), «Кокошник кумашной, обложенъ ленточками шелковыми, а другой кокошник голю красного низанъ земчюгом полевинчетым» (Чаус., 1747 г., ГАНО, ф. 104, № 3, л. 20) и многие другие. Рассматривая этнографическую лексику русских говоров, Е. Н. Этерлей пишет: «...как свидетельствуют словари русского литературного языка, *кокошник*, например, бытовал по преимуществу на севере России. Но такая локальная ограниченность касается самой реалии, а не обозначающего эту реалию слова»[22].

Повойник. Главное отличие реалии, называемой этим

словом, от кокошника, по свидетельству В. И. Даля (т. 3, с. 143), заключается в том, что повойник «носят по будням, а *кокошник* по праздникам», наши примеры могут служить подтверждением этого высказывания, ср. представление о повойнике, вытекающее из следующих примеров: «Сшибъ з головы повойникъ китайчатой и отбилъ, и окосматил» (Тобол., 1735 г., ГАТОТ, ф. 661, № 35, л. 60), «Два повойника: один алой голевой, другой тафтяной пестрой» (Тобол., 1743 г., Там же, № 69, л. 86), «Повойникъ и с повяскою холщевые» (Тобол., 1746 г., Там же, № 83, л. 214 об.) и др. Во всяком случае, реалия, называемая данным словом, выглядела более будничнo, чем кокошник.

Изучаемые тексты XVII — первой половины XVIII в. фиксируют два лексико-фонетических варианта — *подубрусник* и *подобрусник*. Этимологически более правилен первый, так как это — образование от слова *убрус* 'род женского головного убора', таким образом, *подубрусник* — 'название женского головного убора, надеваемого под убрус. Убрус относится к числу древнейших известных у восточных славян головных уборов[23], а упоминание о нем в Сибири встречается еще в XVII в. В нашей выборке наименование *убрус* отмечено лишь в одном раннем примере: «4 убруса женских» (Тобол., 1624 г., Материалы, с. 9)[24]. Именно с исчезновением слова *убрус* из активного словаря носителей русского языка связано, по-видимому, появление у слова *подубрусник* его варианта *подобрусник*, ср. также тот факт, что этот последний вариант встречен нами в текстах XVIII в., т. е. тогда, когда уже письменность не фиксирует название *убрус*. Строго говоря, появление варианта *подобрусник* не может быть оторвано от словообразовательной структуры слова: в связи с деэтимологизацией слова *подубрусник* (в виду утраты словопроизводственных отношений со словом *убрус*) начальные фонемы (поду) в словообразовательном плане осмысляются как приставка и преобразуются в *подо-*, ср.: *подогрев*, *подоплечье* и др. Вместе с тем появление *о* после приставки *под-* может быть объяснено явлением межслоговой диссимиляции, но этот процесс также связан с деэтимологизацией слова. Приведем примеры: подубрусник — «Два подубруспика дорогил(ь)ных женских» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 17 об.), «Десят(ь) подобрусников дорогил(ь)ных, ... десят(ь) подубрусников зенденных» (Тобол., 1633 г., Там же, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 202), «Два подубруспика киндяшных» (Тобол., 1633 г., Там же, л. 226), «Десят(ь) подубрусников отласных» (Тобол., 1682 г., Там же, оп. 5, л. 259, л. 95 об.), «Подубрус-

никъ камъчатной краспой» (Тобол., 1734 г., ЦГАДА, ф. 661, № 29, л. 450), «Три подубрусника кумачныхъ» (Тюмен., 1653 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 99, л. 48); подобрусник — «Три подобрусника камчатыя под золотом» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 29 об.), «Снесла... подобрусникъ красной отласной» (Тобол., 1734 г., Там же, л. 294), «Подобрусникъ с оной женки з головы збить» (Тобол., 1734 г., Там же, л. 462), «(Украли) кокошник кумашной, подобрусник китайчетой пестрой» (Чаус., 1750 г., ГАНО, ф. 105, № 18, л. 160).

Наряду с формой *чеплышка* в тобольской деловой письменности первой половины XVIII в. употребляется *чаплышка*, ср. «(Взяли) круживо фрицкое с чеплышки да ис подставца сер(ь)ги» (Тобол., 1735 г., ГАТОТ, ф. 661, № 35, л. 96), «Снесла... чаплышку алую тафтяную» (Тобол., 1739 г., Там же, № 51, л. 67). В словаре В. И. Даля слово *чаплышка* 'волосник, под платок на голову' указывается как характерное вологодским говорам (Даль, т. 4, с. 589), а его лексико-фонетический вариант *чаплажка* 'колпак, шапочка, вроде ермолки; бабий волосник под платок' — костромским говорам (Там же, с. 582). Этимологическая связь данного наименования с глаголом *чапать* 'трогать, брать' и *чепать* 'зацеплять, цепляться за что; задевать, трогать' (см. Там же, с. 582, 589) несомненна.

Историческую словообразовательную связь с этими глаголами обнаруживают и лексико-фонетические варианты *чепец* (*чапец*)/*цепец*; ср. чепец — «Чепецъ камч(атой) красной с пазументом золотным новой» (Тобол., 1735 г., ГАТОТ, ф. 661, № 35, л. 352—352 об.), «Чепецъ камки жаркой с сереткой серебреной» (Тобол., 1738 г., Там же, № 47, л. 147), «(Унесли) чепцовъ и шапок косая» (Тобол., 1743 г., Там же, № 69, л. 176), «Чепецъ камчатой цвет гвоздишной» (Тобол., 1747 г., Там же, № 83, л. 174), чапец — «Один чапецъ камчатой красной, ... два чапца китайчетых» (Тюмен., 1738 г., ГАТОТ, ф. 47, № 4312, л. 43 об.); цепец — «Два цепца камчатые новыя» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 469 об.), «Цепецъ женской камчатой алой позументъ золотной» (Тобол., 1738 г., Там же, № 47, л. 167), «Унес ... цепецъ жемчуга половинчатого» (Тюмен., 1725 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1739, л. 16).

Рассматривая историю и этимологию славянских слов, продолжающих праслав. *čerьsь, О. Н. Трубачев пишет: «Знач. 'головной убор', по-видимому, непервоначально, исходным было более широкое экспрессивное знач., ср. из терминологии молотильного цепа — рус. *тяпец*, *цепец* 'короткая палка цепа, било'» (ЭССЯ, вып. 4, с. 58).

Наши примеры убеждают, что *чепец* (*цепец*) — это название реалии, схожей в функциональном отношении с головными уборами, названными словами *чаплышка/чеплышка*, *повойник*, *подубрусник/подобрусник*, но в отличие от этих слов *чепец/цепец* называл более богатый головной убор. О распространении слова *чепец* в севернорусских говорах говорит В. И. Даль (т. 4, с. 589): 'новойник' в олонецких говорах, 'шамшура, шитая золотом' в пермских говорах. Наименование *чепец* отмечено и в смоленской письменности, но только с XVIII в. в таможенных книгах[35], в более ранних текстах, созданных на юге Руси, слово не отмечено. В связи с этим вполне возможно, что появление этого наименования (вместе с самой реалией) в сибирских говорах произошло под влиянием носителей севернорусских говоров.

Особое положение по отношению к только что рассмотренным наименованиям головных уборов замужней женщины занимает слово *подцепешник*, употребляемое для обозначения нижнего головного убора замужней женщины, надеваемого под ч(ц)епец. В. И. Даль это наименование дает с пометами «вят.» и «кур.»: *подчепечник* исподний бабий головной убор, волосник' (Даль, т. 3, с. 215), ср. также кур. *подчепешник* 'простонародный женский головной убор' (Дополнение, с. 192). В нашей выборке отмечен один случай употребления рассматриваемого наименования: «И окосматили, и з головы спибли чепецъ голевой: по коришневой земле с пазументом золотным, цена рубль пятнадцать копеекъ, подцепешник голевой: по красной земле, цена двадцат(ь) пять копеекъ, косынку полотна тонкого» (Тобол., 1739 г., ГАТОТ, ф. 661, № 51, л. 294).

По-видимому, разные головные уборы в зависимости от местности называло слово *повязка*, которое в словаре В. И. Даля без локальных помет дано как наименование девичьего головного убора, похожего на кокошник, и с пометой «костром.» со значением 'род ширинки, накидываемой замужними на голову, с завязками под бородой' (Даль, т. 3, с. 152). В качестве наименования головного убора девушки слово *повязка* отмечено в беломорских говорах[36]. Исходя из наших контекстов (слово отмечено лишь письменностью первой половины XVIII в.) нельзя однозначно определить значение слова: «Унесли ... повяску отласную черную» (Тобол., 1735 г., ГАТОТ, ф. 661, № 35, л. 329), «Две повяски женские полотна китайского» (Тобол., 1738 г., Там же, № 47, л. 143), «Повязокъ и косынокъ холщевыхъ тонкихъ десять» (Тобол., 1739 г., Там же, № 51, л. 246 об.), «Повойникъ и с повяскою холщевые» (Тобол., 1746 г., Там же,

№ 83, л. 214 об.), «Повяска черная атласная с позументы» (Тюмен., 1725 г., Там же, № 1739, л. 110).

Не ясным остается значение слова *связка*, также называвшим какой-то головной убор: «Пять связок холщевых новых тонкого полотна» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 469 об.). «Свяска камчата красна» (Тюмен., 1717 г., ГАТОТ, ф. 47, № 527, л. 11), «Свяска камчатая» (Тюмен., 1717 г., Там же, л. 12), ср.: у В. И. Даля (т. 4, с. 160) к данному слову в самом общем виде приводится значение 'женский головной убор' с указанием на распространение этого наименования по Ветлуге (см. также Дополнение, с. 239). Не является ли приведенное наименование вариантом (конкурирующей лексической единицей?) по отношению к только что рассмотренному слову *повязка*?

Наконец, особо следует отметить наименование *венец*, которое в русских говорах XIX — начала XX в. называло головной убор девушки (часто невесты) — венец (псков., твер., перм., бряп.— СРНГ, вып. 4, с. 112). То же, по-видимому, и в наших примерах: «Десят(ь) подубрусников заемных, ... тритцат(ь) венцов бисерных» (Тобол., 1633 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 202), «(Украли» венецъ доброго жемчугу» (Тобол., 1737 г., ГАТОТ, ф. 661, № 42, л. 40 об.), «Десят(ь) венцов девьихъ простых» (Тюмен., 1653 г., ЦГАДА, ф. 213, оп. 5, № 99, л. 48).

* * *

Наименования рукавиц в западносибирских источниках XVII — первой половины XVIII в. представлены словами *исподки*, *исподы*, *ареги*, *вежницы*, *верхницы*, *верхницы*, *волицы*, оставившими свои следы в лексическом фонде русских говоров, а также общенародными словами *рукавицы*, *перчатки* (*перщатки*).

Бесспорно диалектными были названия рукавиц *исподки* и *исподы* (здесь и далее указаны формы множественного числа как наиболее употребительные, формы единственного числа оговариваются специально), слова, этимологически чрезвычайно прозрачные (ср. также рассмотренное выше слово *исподница*). Оба эти слова называли нижние рукавицы, т. е. рукавицы, надеваемые под другие рукавицы (кожаные или меховые).

Как свидетельствуют примеры, словом *исподки* (форма единственного числа *исподка* зафиксирована в единственном примере) назывались нижние вязаные рукавицы: «Ру-

кавицы исподки с верхницы дубленными» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 200), «Рукавицы козловые с ысподки вязаными» (Тобол., 1738 г., ГАТОТ, ф. 661, № 47, л. 147), «Рукавицы козловые черные с ысподки» (Тобол., 1738 г., Там же, л. 351), «Рукавицы лосиные замшены с ыспотками шерстяными вязаными» (Тобол., 1746 г., Там же, № 83, л. 101 об.), «Сняли ... рукавицу лосиную замшеную с ысподкой» (Тобол., 1746 г., Там же, л. 152), «Рукавицы ровдужны с ыспотками» (Тюмен., 1725 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1739, л. 78 об.) и многие другие.

Данное слово отмечается для значительной части северно-русских говоров, при этом наиболее ранние примеры относятся к деловым документам Русского Севера первой половины XVII в.[37] О севернорусском распространении изучаемого диалектизма свидетельствуют и Опыт областного великорусского словаря (с. 75: арханг., перм., псков., иркут., том.), словарь В. И. Даля (т. 2, с. 55: арханг., сиб.).

Севернорусского происхождения и слово *исподы* 'нижние меховые рукавицы': «Рукавицы крыты замшею исподы бобровые» (Тобол., 1738 г., ГАТОТ, ф. 661, № 47, л. 255), «Лапчатые исподы медвежьи тритцат(ь) копеекъ, рукавицы жъ телятинные с шерстью белою» (Тобол., 1743 г., Там же, № 69, л. 107), «Рукавицы волчьи поношенные, исподы мерлушчатые» (Тобол., 1743 г., Там же, л. 259 об.). Это слово не фиксируют современные региональные словари, не приводится оно как наименование определенного вида рукавиц и в словаре В. И. Даля, но В. Я. Дерягин указывает один пример из Книги казенных товаров Петроминского монастыря (территория современных архангельских говоров), датируемой второй половиной XVII в.[38] Утрата лексемы *исподы* (ед. *испода*) 'нижние рукавицы' — явление общее для всех (европейских и сибирских) говоров русского языка, ср. отмечаемое «Словарем русских народных говоров» твер. *испóда* 'нижняя сторона скопороды', дон. *испóда* и и.-дон. *испода́* 'нижняя бичевка у невода' (СРНГ, вып. 12, с. 231).

Довольно широкое распространение отмеченных диалектных наименований рукавиц на территории сибирских говоров того времени объясняется, в частности, таким внеязыковым фактором, как сохранение на Русском Севере традиции ношения двух пар рукавиц (нижних и верхних).

Конкурирующей лексической единицей по отношению к слову *исподки* выступает лексема *вареги* (варианты: *варяги*, *варехи*). Считается, что это слово для русского языка XVI—XVIII вв. было общеупотребительным[40]. Однако малоизученность его истории, вероятно, делает подобное утвержде-

ние чересчур категоричным. (Несмотря на то, что слово *вареги* зафиксировано в памятниках южнорусской письменности XVII—XVIII вв., в дальнейшем наиболее широко оно было распространено в севернорусских говорах — СРНГ, вып. 4, с. 49). Что касается происхождения рассматриваемого слова, то из всех этимологий (см. Преображенский, с. 103; Фасмер, т. 1, с. 274; ЭСРЯ, т. 1, вып. 3, с. 19—20[41]), на наш взгляд, наиболее точно и научно объясняет как формальную сторону слова, так и его семантику этимология, предложенная В. Я. Дерягиным. Согласно его точке зрения, слово *вареги* связано по происхождению «с обозначением процесса обработки связанных из шерсти рукавиц; образовано оно от корня *вар-*(*варить*); ср. также широко распространенное *вар* 'кипяток', *варить* 'кипятить'»[42].

Исключительно широко употребительно данное наименование низких рукавиц в западносибирской письменности XVII — первой половине XVIII в. Встречено несколько его лексико-фонетических вариантов: в а р е г и — «Дватцатеры рукавицы вареги с верхъницы дублеными» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 101 об.), «Тритцатеры рукавицы голицы урековых цена три рубли, тритцатпяры [?] рукавицы вареги три рубли с полтиною» (Верхотур., 1637 г., Там же, л. 138), «Сорокчетверы вареги» (Пелым., 1670 г., Там же, № 172, л. 3 об.), «Сорокъпятеры рукавицы голицы баранные, ... сорокъпятеры рукавицы (слово надписано сверху. — *Л. П.*) голицы урековые, ... стопятдесятеры рукавицы вареги» (Тобол., 1633 г., Там же, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 209), «Дватцатеры рукавицы вареги» (Тобол., 1682 г., Там же, оп. 5, № 259, л. 9 об.), «Десятеры вареги» (Тобол., 1695 г., Там же, № 363, л. 51 об.), «Рукавицы козловые с вареги шерстяными» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 525), «(Унесли) рукавицы лосиные с вареги в тритцат(ь) пят(ь) копеек» (Тобол., 1743 г., Там же, № 69, л. 102), «Трои рукавицы вареги цена десят(ь) алтын, шестеры рукавицы голицы цена дватцат(ь) алтынъ» (Тюмен., 1653 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 99, л. 47), «Дватцатеры рукавицы вареги» (Тюмен., 1966 г., Там же, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 554 об.); в а р е х и — «Рукавицы з варехи цена тритцатцат(ь) копеек» (Тобол., 1738 г., ГАТОТ, ф. 661, № 47, л. 151); в а р и г и — «Рукавицы лосиные поношеные с варигами» (Тобол., 1735 г., Там же, № 35, л. 98).

Относительно варианта *варехи* можно с уверенностью сказать, что это написание отражает произношение (извечника или писца) *г* фрикативного и не может рассматривать-

ся как собственно лексико-фонетический вариант, каким, например, является лексема *вариги*. Это последнее слово отражает, по всей видимости, влияние словообразовательного ряда (модели) конкретных имен существительных женского рода с суффиксом *-иг-(а)*.

О том, что слово *вареги* было более распространенным, чем слово *исподки* с тем же значением, свидетельствуют не только бóльшая употребительность первого из них, но и ряд примеров со своего рода глоссами *исподки вареги*, где слово *вареги*, видимо, поясняло менее употребительное диалектное *испóдки*, ср.: «Рукавицы кисовые с ысподки с вареги шесть алтынъ четыре ден(ь)ги» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 32), «Семеры рукавицы голицы с ысподки вареги моклых плохих» (Верхотур., 1637 г., Там же, л. 193 об.) и др.

По данным Картотеки СРНГ, слово *вареги* (или его варианты) закрепилось в основном в восточносибирском регионе (енис., башк., амур.), исключение составляют барнаул. *ва́реги* и *ва́рыги* 'варежки'. В целом же слово это в современных говорах Сибири менее употребительно, чем *исподки*, которое здесь (в том числе и в западносибирских говорах) известно очень широко.

Вязаные рукавицы называло и слово *вяженицы*, представленное в нашей выборке немногочисленными примерами: «Нет ... 4 рукавицъ вяженицъ, сказал проданы; девятерыхъ рукавицъ верянницъ, сказал продано» (Тобол., 1625 г., Материалы, с. 24), «Двои рукавицы вяженицы, трои рукавицы верхницы» (Тобол., 1625 г., Там же). Не представлено данное наименование в русских говорах Сибири XIX—XX вв.; единственное свидетельство бытования слова *вязяни́ца* 'вязаные перчатки и рукавицы' относится к пековскому материалу XIX в. (см. СРНГ, вып. 8, с. 98). Более употребительны в современных русских говорах, в частности западносибирских, однокоренные наименования, например, том., кемер., *вя́занки* 'вязаные рукавицы' (Том. сл., Доп., ч. 1, с. 87), новосиб. *вя́занки* 'вязаные шерстяные рукавицы, на которые обычно надевают меховые или кожаные' (Новосиб. сл., с. 87).

Слово *верянницы*, по-видимому, называло особый вид рукавиц. Встречается оно, так же, как и предыдущее слово, редко, ср. «Нет ... 4 рукавицъ вяженицъ, сказал проданы; девятерыхъ рукавицъ верянницъ, сказал продано» (Тобол., 1625 г., Материалы, с. 24). Нет этого слова в СлРЯ, СРНГ. Картотека СРНГ также не дает примеров на слово *верянницы*. Скорее всего, оно связано с такими словами, как ст.-рус.

вéрянище 'полотнище, сшитое из грубого холста или рогожи; одежда, мешки, сшитые из них' *веретье* — то же (СлРЯ, вып. 2, с. 110, 87).

Слова *верхницы* и *голицы* употреблялись для обозначения рукавиц, надеваемых поверх других (вязаных) рукавиц.

Верхницы: «Рукавицы исподки с верхницы дубленными» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 200), «Пятеры рукавицы вареги с верхницы дубленными» (Верхотур., 1637 г., Там же, л. 209), «Двои рукавицы везеницы, трои рукавицы верхницы» (Тобол., 1625 г., Материалы, с. 24).

Немногочисленны свидетельства распространения этого слова как в русских европейских (псков. *вéрхницы* 'матерчатые рукавицы' — СРНГ, вып. 4, с. 162), так и в сибирских говорах (новосиб. *вéрхницы* 'рукавицы обычно кожаные или брезентовые, надеваемые поверх других рукавиц' — Новосиб. сл., с. 58). Более употребительно в современных русских народных говорах однокоренное образование *верхóнки*, и говоры Сибири здесь не являются исключением. Незначительность распространения слова *верхницы* для обозначения рукавиц следует, видимо, объяснить распространением его в качестве названия верхней одежды: *вéрхница* — вят., тобол., том., кемер.— наименование какого-либо вида верхней одежды (кафтана, рубахи и т. п.), перм., свердл. 'сарафан' (СРНГ, вып. 4, с. 161), новосиб. *вéрхница* 'доха' (Новосиб. сл., с. 58). Наряду с этим словом *верхонки* (и *верхоньки*) в русских говорах известно почти исключительно в качестве названия рукавиц (см. СРНГ, вып. 4, с. 168—169). Здесь же можно привести ст.-рус. *верхонки* (*верхоньки*) 'рукавицы, надеваемые поверх других (вяреї)' и *верхница* 'одежда, надеваемая поверх другой', во множественном числе 'рукавицы, надеваемые поверх других' (СлРЯ, вып. 2, с. 105, 102—103).

Голицы: «Тритнат(ь) двои рукавицы голицы с вареги» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 192), «Семеры рукавицы голицы с ысподки с вареги» (Верхотур., 1637, Там же, л. 193 об.), «Сорокъпятеры рукавицы голицы барановые» (Тобол., 1633 г., Там же, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 209), «Сорокъчетверы рукавицы голицы барановые» (Тобол., 1633 г., Там же, л. 216 об.), «Сорок голицъ коневых» (Тобол., 1695 г., Там же, оп. 5, № 363, л. 53 об.), «Трои рукавицы вареги цена десят(ь) алтын, шестеры рукавицы голицы цена дватцат(ь) алтынъ» (Тюмен., 1653 г., Там же, № 99, л. 47) и др. Данное слово в XVII—XVIII вв. было общенародным[13], так, например, Картотека ДРС дает при-

меры на употребление этого слова в памятниках, созданных на севере и юге Руси, ср. также без ограничительных помет *голица* 'рукавица, сшитая из воловьей или бараньей кожи с одним напалком, в которую вкладываются для теплоты вареги' (САРазб, ч. 1, с. 1161). С течением времени рассматриваемое слово вышло из системы литературно-общенародного языка и сохранилось лишь в говорах. В русских говорах Западной Сибири слово *голи́цы* известно широко (тобол., тюмен., том., новосиб.), при этом почти везде, где зафиксировано, оно употребляется наряду с другими наименованиями верхних рукавиц (например, *верхонки*). Вместе с тем семантика разных слов-наименований верхних рукавиц может и не совпадать. Покажем это на примере новосибирского диалектного материала, где в качестве наименований верхних рукавиц зафиксированы слова *верхонки*, *верхники*, *верхницы*, *верхнячки*, *надевашки* — 'кожаные или брезентовые верхние рукавицы'; *голицы*, *голички*, *голючки*, *кожанки* — 'кожаные верхние рукавицы'; *лосинки* — 'верхние рукавицы, сшитые из лосиной кожи, или вообще верхние кожаные рукавицы'.

Наконец, — западносибирская деловая письменность XVII — первой половины XVIII в. фиксирует общенародные слова *рукавицы* и *перчатки* (*перстатки*), исконно являвшиеся принадлежностью литературной формы русского языка. Первое слово — едва ли не единственное название данного круга, унаследованное русским языком от праславянской эпохи. У В. И. Даля (т. 4, с. 110) *рукавица* — это 'кулачная перчатка с одним только напалком для большого пальца'. Выше при рассмотрении других наименований данного рода были приведены примеры употребления слова *рукавицы*, поэтому здесь мы ограничимся лишь несколькими примерами, которые свидетельствуют в основном о том, что данным словом называли как меховые или кожаные, так и матерчатые рукавицы: «Рукавицы попошенные сверху крыты лисьи лапками, опушены по кром(ъ)ю» (Тобол., 1735 г., ГАТОТ, ф. 661, № 35, л. 329), «Рукавицы козловые черные и ысподки» (Тобол., 1738 г., Там же, № 47, л. 351), «Пропали рукавицы шелковые женские черные, шиты золотом, а те рукавицы бес перстовъ» (Тобол., 1739 г., Там же, № 51, л. 277) и многие другие.

Перчатки: «Перчатки лосинные» (Тобол., 1734 г., Там же, № 29, л. 118) и др. С. И. Котков приводит пример употребления этого слова из текста южнорусского памятника также первой половины XVIII в.[44], В. Я. Дерягин отмечает форму *перстянки* в таможенной книге Свирского монастыря[45],

В тобольских текстах первой половины XVIII в. довольно часто встречается глосса *рукавицы перчатки*: «Рукавицы персчатки ровдужьи поношены» (Тобол., 1734 г., Там же, № 29, л. 310), «Рукавицы лосинные новые да рукавицы ж перчатки ален(ь)и испод белый, цена тем обоимъ рукавицам шездесят копеекх» (Тобол., 1734, Там же, л. 548), «Рукавицы перчатки за десят(ь) копеек» (Тобол., 1743 г., Там же, № 69, л. 234) и др.

Касаясь вопроса о семантических отношениях внутри слов-наименований рукавиц в западносибирской письменности XVII — первой половины XVIII в., можно сказать следующее. Наиболее обобщенным наименованием было слово *рукавицы*, и как обобщенное наименование это слово входило в семантические отношения с обобщенными наименованиями (родовыми названиями) с другой семантической темой, например *рукавицы — обувь* и т. д. Употребление слова *рукавицы* как обобщенного названия слов с семантической темой «одежда на кисть руки» видится, по-видимому, специфической чертой словоупотребления изучаемого времени, так как в современном русском литературном языке словом *рукавица, -ы* (множественное число) обозначается только «одежда на кисть руки с отделением для большого пальца» (ССРЛЯ, т. 12, с. 1545; Ожегов, с. 633).

С образованием и самостоятельным (не в глоссе) употреблением слова *перчатки* происходит изменение парадигматических отношений слов *рукавицы* и *перчатки*. Последнее слово перестает обозначать вид рукавиц, и оба слова выступают в одном линейном парадигматическом ряду, противопоставляясь по такому семантическому признаку, как 'форма (= наличие двух или пяти отделений для пальцев)'. Но данные семантические отношения ко времени, представленному анализируемыми западносибирскими источниками, не были еще окончательно оформлены. Отметим также тот факт, что слово *рукавицы* выступает не только как обобщенное наименование по отношению к различным названиям рукавиц (верхних и нижних), но и само в ряде примеров называет верхние рукавицы, противопоставляясь, таким образом, в одном линейном ряду названиям нижних рукавиц. Иными словами, можно говорить о трояком употреблении слова *рукавицы* в изучаемых текстах: 1) слово выступает как обобщающее наименование по отношению ко всем словам, называющим «одежду на кисть руки», в том числе и к слову *перчатки*; 2) слово выступает как обобщенное наименование к словам, называющим «одежду на кисть руки с двумя отделениями для пальцев» (т. е. по отношению к сло-

вам, называющим рукавицы в современном употреблении понятия 'рукавицы'); об этом свидетельствуют примеры типа «рукавицы голицы», «рукавицы исподки», «рукавицы вареги» и др.; 3) слово само по себе (при употреблении не в глоссе) чаще называло верхние рукавицы, о чем свидетельствуют примеры вроде «рукавицы лосиные с исподками».

Что касается лексико-семантического противопоставления в кругу наименований нижних рукавиц, то необходимо отметить следующее. Противопоставление слов *исподы*, *исподки*, *вареги* и некоторых других (малоупотребительных) слов шло по признаку, что называло слово — меховую нижнюю рукавицу или вязанную из шерсти: *исподы* ↔ *исподки*, *вареги*, *вяженицы*. Последние три слова были конкурирующими лексическими единицами. Слово *вяженицы* не получило широкого употребления в анализируемой письменности, в дальнейшем русскими говорами Сибири (как впрочем, и европейскими) было утрачено. Слова *исподки* и *вареги* в изучаемых текстах представлены чрезвычайно широко, при этом по предварительным подсчетам последнее слово встречается несколько чаще. В дальнейшем их дублетность могла устраниться либо утратой языком (говорами) одного из этих слов, либо развитием у какого-либо из них нового значения[46]. В оппозиции *исподки* — *вареги* сильным элементом было первое слово благодаря прозрачности внутренней формы и распространению в севернорусских говорах.

В заключение рассмотрения названий рукавиц отметим слово *надолонки* 'кожаные нашивки на ладони у рукавиц'. Этимология этого слова ясна, оно является приставочным образованием от *долонь* 'ладонь'. Древнерусская форма *долонь* с течением времени закрепилась в севернорусских говорах. Так, например, именно с пометой «сев.» слово *долонь* приведено у В. И. Даля (т. 1, с. 433). Само слово *надолонки* в рассматриваемом значении, по свидетельству В. Я. Дерягина, кроме севернорусского (арханг., волог., перм., твер.) распространения позднего (современного) периода, отмечается и в севернорусских (архангельских) памятниках XVI и XVII вв.[47] Приведем примеры рассматриваемого слова: «Рукавицы теплые покрыты сукном темно-лазоревым, исподъ заечиной, надолонки рогдужные» (Тобол., 1735 г., ГАТОТ, ф. 661, № 35, л. 283), «Рукавицы попошеные, сверху крыты лисьи лапками, опушены по кром(ъ)ю пестрою, надолонки лосиные, испод овчиной старой» (Тобол., 1735 г., Там же, л. 329), «...с рукавицами своими из лапъ

волчьих с падолонками из медвежьей кожи» (Тобол., 1746 г.; Там же, № 83, л. 130), «Рукавицы мерлусчетые покрыты сукном гвоздишным и с падолонки ровдужными» (Тобол., 1746 г., Там же, л. 246). Современные словари не фиксируют для Западной Сибири наименования *надолонки*, однако, по нашим наблюдениям, это слово известно носителям среднеобских старожильческих говоров: *Надолонки шились к рукавицам — так меньше истаскивались* (= *изнашивались*) (р. п. Каргасок, 1969 г., запись автора).

* * *

Особую группу составляют наименования частей одежды и дополняющих ее предметов. Для обозначения внутренней части одежды (подклада) в западносибирских текстах XVII — первой половины XVIII в. встречаем слова *испод* (уменьшит.-уничижит. *исподишко*), *подклад*, *подкладка*, *подкладень*.

Первое слово (и уменьшит.-уничижит. образование от него) называло почти исключительно мехową внутреннюю часть одежды (верхней одежды, головных уборов, рукавиц): «Испод шапочной соболей да испод пупчатой с пухомъ бобровымъ, три испода пупчатых с околы собол(ь)и» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 106), «Два испода: один с околомъ собол(ь)им, а другой с пухом, ... да три испода пластинных собол(ь)их, три испода пупчатых с околы соболи» (Верхотур., 1637 г., Там же, л. 112 об.—114), «10 исподов лисьих красных, 2 испода купьих» (Тарск., 1634 г., Там же, оп. 3, № 39, л. 6), «...да шапка хвостовая, да 20 исподовъ шапочныхъ» (Пелым., 1598 г., РИБ, т. 2, № 63, с. 143), «Шубенка бел(ь)е с пухомъ, два рубли, испод соболей, двацать шесть алтынъ» (Тобол., 1633 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 4а, л. 31 об.), «Понрали ... шубу китайчатую на исподе овчинном, ... купилиш зендели лазоревой, испод заечинной серой» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 398), «Рукавицы теплые, испод заечинной, покрыты рогдугою, ... рукавицы теплые покрыты сукном темно-лазоревымъ, испод заечинной, надолонки рогдужные» (Тобол., 1735 г., Там же, № 35, л. 283), «Три испода таушкан(ь)ихъ черев(ь)ихъ» (Тюмен., 1700 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 570 об.), ср. также *исподишко*: «Исподишко шапочное недольс(ь)е» (Верхотур., 1637 г., Там же, оп. 5, № 32, л. 91 об.). Лишь в единственном примере словом *испод* назван матерчатый подклад одежды: «Полушу-

бокъ голевой холодной, испод хамовой желтой» (Тобол., 1743 г., ГАТОТ, ф. 661, № 69, л. 86).

В качестве сравнения с преимущественным употреблением слова *испод* для обозначения мехового подклада одежды можно привести лексикализованную форму множественного числа (*исподы*) для называния нижних меховых рукавиц (см. выше).

В отличие от только что рассмотренного слова существительное *подклад* и его словообразовательные варианты использовались как наименования матерчатой внутренней части (матерчатого подклада) одежды, преимущественно верхней одежды. Наиболее употребительным было слово *подклад*, его словообразовательные варианты фиксируются в единичных примерах: подклад — «Юпка черная суконная с подкладом ветош, три рубли» (Тобол., 1633 г., ЦГАДА ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 212 об.), «Сарафанъ жены моей китайчатей темно-лазоревой малиновой, подкладъ холсту среднего» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 112), «Фуфайка голю коришневаго стегана на бумаге, подклад китайки лазоревой без рукавов» (Тобол., 1746 г., Там же, № 83, л. 156), «Сарафанъ камчатой красной, подклад пестрой холщевой» (Тюмен., 1725 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1744, л. 7 об.), «Шупка китайчата лазоревая, подклад крашенинной, пух бобровой» (Тюмен., 1725 г., Там же, № 1739, л. 43 об.), «Полушубокъ китайчатой цветом железной с подкладом» (Чаус., 1750, ГАНО, ф. 105, № 19, л. 158) и многие другие; подкладка — «Камзолъ суконной красной на подкладке крашенинной» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 227); подкладень — «Десят(ь) колпаков, подкладни лепденные» (Верхотур., 1636 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 66, л. 30 об.).

Для обозначения матерчатого верха головного убора типа шапки западносибирская деловая письменность XVII — первой половины XVIII в. располагает лексическими единицами *верх* и *вершок*. Последнее слово «Словарем русских народных говоров» дается как севернорусское с пометами, свидетельствующими о бытовании данного слова в вологодских, архангельских, олонецких говорах (см. СРНГ, вып. 4, с. 177), приводится оно (*вершок*) и в диалектных материалах по томскому говору первой половины XVII в. (см. Палагина, с. 47). Между тем для рассматриваемого времени слово *вершек* (*вершок*) не было, очевидно, как в XIX—XX вв., ограничено Русским Севером, об этом, например, свидетельствуют южнорусские материалы С. И. Коткова[48], ср. также из московской письменности конца XVII в.: «Вершок на шапку маковой» (Гр-ки, с. 140).

Слово *вершек* (*вершок*) называло матерчатый верх только головного убора: «Вершокъ шапочной англинсково сукна середние земли, десять алтынъ, вершишко шапочное бархатное ветчанное, шесть алтынъ, четыре ден(ь)ги» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 150 об.), «Вос(е)мь вершков шапочных мужских настрафил(ь)ных» (Верхотур., 1636 г., Там же, оп. 1, ч. 1, № 66, л. 148), «Шесть шапок овчинных с вершками летчины» (Пелым., 1670 г., Там же, оп. 5, № 172, 3 об.), «Дватцат(ь) семь вершков шапочных мужских англинсково сукна середней земли шитыхъ и нешитыхъ» (Тобол., 1633 г., Там же, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 112), «Два малахая, в том числе один бобровой, вершекъ суконной малиновой» (Тобол., 1743 г., ГАТОТ, ф. 661, № 69, л. 107), «Дватцат(ь) шапок овчинных вершки одинцовые и яренковые» (Тюмен., 1690 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 549), «Пять шапошных вершковъ будового сукна» (Тюмен., 1725 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1739, л. 65), «Три караблика муския заломныя овчинки черныя, вершки коришневыя суконныя, ... карабликъ вершекъ суконной вишневой, окол бобровой» (Тюмен., 1736 г., Там же, № 4311, л. 22 об.) и многие другие.

Рассмотренное слово входило в лексико-семантическое объединение названий верхней (внешней) стороны одежды, состоящей из двух частей (сторон). Это были слова *верх*, *вершек*, *крышка*. Первые два слова, называя матерчатый верх (верхнюю, наружную сторону без опушки) головного убора типа шапки, выступали как конкурирующие лексические единицы. На это, в частности, указывают такие примеры, где данными словами называется одна и та же часть шапки, ср.: «Сорвали в головы ево шапку карабликъ верхъ кармазинной красной, у того вершка у одной половины до средины надрона было и зашито» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 564) и др. При этом более употребительным оказывается слово *вершек*. Для слова *верх* в словаре В. И. Даля отмечено употребление его и в качестве обозначения верхней стороны шубы, тулупа (т. 1, с. 183). Действительно, в нашей выборке встречается случай подобного употребления, ср. *верх* для названия наружной стороны шапки: «Колпакъ женской отласной цветом верхъ жаркой» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 599), «Схватили ж з головы мужеской караблик верх коришневой, окол овчинки калмыцкой черной» (Тобол., 1737 г., Там же, № 42, л. 73), «Карабликъ соболей верхъ камчатой красной» (Тюмен., 1737 г., ГАТОТ, ф. 47, № 4312, л. 18) и др.; *верх* для названия матерчатой наружной стороны шубы: «Взяли с

нее грабежемъ шубу верхъ китайки вишневой, мех заячиной хрептовой, опушена бобромъ» (Тобол., 1742 г., ГАТОТ, ф. 661, № 64, л. 402). Таким образом, можно сказать, что семантический объем слова *верх* шире, чем слова *вершек*. Объяснение же более широкого употребления именно уменьшительного образования *вершек* для обозначения матерчатого верха шапки кроется, как нам кажется, в характерном для лексико-семантической группы «головные уборы» семантическом признаке 'сравнительно небольшие размеры (называемых реалий)'. Иными словами, здесь обнаруживается тенденция языка к структурно-семантической мотивации слова. Слово *верх* имело двойные конкурирующие отношения. С одной стороны, это уже рассмотренные отношения со словом *вершек*, с другой — по отношению к слову *верх* конкурирующей лексической единицей выступает *крышка* 'матерчатый верх шубы', ср.: «С собой платья нощебного снесла шубу баранью под сукманиной, а другую шубу баранию жъ без крышки» (Тобол., 1746 г., ГАТОТ, ф. 661, № 83, л. 154).

В значении 'обод головного бора, облегающий голову' кроме наиболее распространенного *окол* и его производного *окольш* (реже) нами зарегистрировано слово *полка*, ср.: «Две полки бобровые, три зеркала простых» (Тюмен., 1700 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 288) и др. В словаре В. И. Даля (т. 3, с. 255) лексема *полка* 'околыш шапки' приведена с областной пометой.

Несколькими лексическими единицами представлена группа слов-наименований воротника. Древнерусскому языку наряду со словом *ожерелие* (Срезневский, т. 2, с. 630—631) было известно и слово *ожерелокъ*. Так, в XVII в. это последнее слово в значении 'меховой воротник у шубы' встречается в севернорусских и в южнорусских[50] памятниках. Е. Н. Борисова считает, что в отличие от слова *ожерелье* 'воротник', входившего в словарный состав литературного языка, слово *ожерелок* (в том же значении) «находилось, по-видимому, на языковой периферии в качестве разговорно-просторечного, перейдя позже, в XIX в., в диалекты»[51].

В изучаемой западносибирской письменности находим оба слова (*ожерелок* и *ожерелье*), при этом словом *ожерелок* последовательно назывался воротник, ср.: «Ожерелок бобровой шубной ветчаной, шесть алтынъ четыре ден(ь)ги» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 148), «Унесли шубу баранью белую, обложена ирхой, ожерелокъ бобровой» (Тобол., 1743 г., ГАТОТ, ф. 661, № 69, л. 10), «(Укра-

ли) шубу баранью поношенную, шерстью серая и с пугвицы медными, а около вороту ожерелок овчинной серой же» (Тобол., 1746 г., Там же, № 83, л. 246), «Три ожерелка бобровые да две побочины» (Тюмен., 1725 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1739, л. 43 об.). Слово *ожерелье* в большинстве зафиксированных случаев употребления имеет значение 'шейное украшение из нитки жемчуга, бисера и т. п.'[52] и лишь в единственном примере выступает конкурирующей лексической единицей по отношению к слову *ожерелок*: 1) «Ожерел(ь)е женское бисерное низаное» (Верхотур., 1636 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 66, л. 54 об.), «Два ожерел(ь)я женские жемчуга китайского» (Тобол., 1739 г., ГАТОТ, ф. 661, № 51, л. 477), уменьшит. *ожерельице*: «Пяток ожерельиць бисерныхъ» (Тюмен., 1699 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 314 об.; 2) «Ожерел(ь)е белье с пухомъ, шесть алтынъ четыре ден(ь)ги» (Верхотур., 1637 г., Там же, оп. 5, № 32, л. 81).

Для названия воротника (= части одежды, расположенной около ворота) наши источники кроме отмеченных *ожерелок* и *ожерелье* располагают словами *ворот*, *воротник*, *галстук/галштук/халштук*.

Слово *ворот* употребляется в двух значениях: а) 'вырезанный около шеи край одежды, к которому пришивается воротник', значение это отмечено памятниками XVI в. (Срезневский, т. 1, с. 304), ср.: «У той шубы кругъ вороту пух бобровой» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 312), «(Украли) шубу баранью поношенную, шерстью серая и с пугвицы медными, а около вороту ожерелокъ овчинной серой же» (Тобол., 1746 г., Там же, № 83, л. 246); б) 'воротник (= полоса ткани, пришитая к вырезанному около шеи краю одежды)': «Из рубашечного ворота вырвал запонку» (Тобол., 1743 г., Там же, № 69, л. 122), «Запонку из рубашечного ворота (отняли)» (Тобол., 1743 г., Там же, л. 498). Учитывая тот факт, что древнерусский язык знал слово *воротъ* 'шея' (см. СлРЯ, вып. 3, с. 34) (из праслав. *vortъ <и.-е. *uert- 'вертеть'), развитие значений у данного слова представляется следующим образом: 'вращение, поворот; вращающееся' → 'шея' → 'вырез в одежде для шеи' → 'полоса ткани, пришиваемая к этому вырезу; воротник'. Показательно, что в словаре В. И. Даля отмечено только значение (из числа интересующих нас) 'воротник' (Даль, т. 1, с. 245).

Специальным обозначением полосы ткани, пришиваемой к вороту (вырезу на одежде), выступает слово *воротник*: «Кафтан немецкой сукна сермяжного с обшлоки и с воротником красного сукна» (Тобол., 1746 г., ГАТОТ, ф. 661,

№ 83, л. 220 об.). Это слово в данном значении входит в употребление только с XVII в.[53]

Рассмотренные выше слова *ожерелок* и *ожерелье* называли меховой воротник, слова *ворот* и *воротник* — матерчатый воротник. Семантический признак 'прикрепленность воротника к одежде' у данных слов был релевантным, на основе этого признака данные слова противопоставлялись слову *галстук*.

Слово *галстук*, заимствованное в Петровскую эпоху (точнее — в самом конце XVII в.[54]) из немецкого языка (ср. нем. Halstuch 'шейный платок'), кроме этого вида, представлено еще двумя вариантами: галстук — «Два галстука холщевые» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 79), «Галстук черной флеровой» (Тобол., 1737 г., Там же, № 42, л. 136) и др.; галштук — «Галштукъ, цена шестнадцат(ь) копеекъ» (Тобол., 1734 г., Там же, № 47, л. 255) и др.; халштук — «Халштукъ китайской черной» (Тобол., 1738 г., Там же, л. 241). Из отмеченных здесь вариантов для речи русского населения г. Тобольска в первой половине XVIII в., как видим, наиболее привычны были *галстук* и *галштук* (их употребляемость приблизительно одинакова). Во всех приведенных выше примерах за данное наименование речь идет о шейных платках, как правило, дополняющих мужскую одежду, ср. *галстук* нем. 'повязка со складками, которую носят около шеи, делаемая по большей части из полотна или батиста и из шелковой ткани, застегиваемая сзади пряжкою или спереди узлом завязываемая' (САРазб, ч. 1, с. 1079—1080). Однако данное слово имело в нашей письменности другое значение: «Галштукъ хвостовой соболей» (Тобол., 1738 г., ГАТОТ, ф. 661, № 47, л. 244), «Галстукъ лисей» (Тобол., 1746 г., Там же, № 83, л. 130) — оба примера взяты из перечня наименований женской одежды. Более точно квалифицировать это значение слова *галстук* позволяет тюменский материал того же времени: «Попросил у него Филисова жены его галстукъ собольих хвостов, которой носятъ на плечах» (Тюмен., 1738 г., ГАТОТ, ф. 47, № 4312, л. 104). Как видим, вторым значением у слова *галстук/галштук* выступает '(женский) меховой съемный воротник'. Отметим также, что у данного слова в качестве дополнительного семантического признака выделяется 'принадлежность женской одежде'.

Особое лексико-семантическое объединение составляют слова *кондыри*, *обшлога/обшлоги* и *завороты*.

Кондыри (мн. ч.): «Унесли ... шубу китайчатую опушена бобром, под кондырями подложено хор(ь)кями, мех ов-

чинной» (Тобол., 1743 г., ГАТОТ, ф. 661, № 69, л. 107), «У первого (кафтана.— *Л. П.*) под полами подпушка самсовая, ... под кондырями самси ж» (Тобол., 1743 г., Там же). В. И. Даль (т. 2, с. 150) это слово приводит со значением 'рукавные отвороты, обшлага' (с пометой «стар.» и «тамб.» 'то же, кожаная или плисовая обшивка рукава у кисти'). Кондырями называли также стоячий воротник (в вологодских и восточносибирских говорах — СРНГ, вып. 14, с. 248), а также козырек у фуражки, картуза[33]. Очевидно, многозначность этого слова и послужила причиной утраты некоторых значений, в частности значения 'рукавные отвороты'. Вместе с тем само интересующее нас значение 'рукавные отвороты' у данного слова было вторичным, так как предполагают, что слово *кондырь* было заимствовано из диалекта немецкого языка: *Kolder, чаще Koller 'широкий воротник у мужского и женского платья' (Фасмер, т. 2, с. 310). Однако, несмотря на существенность этих факторов (многозначность слова, вторичность значения 'рукавные отвороты'), утрата рассматриваемого значения прежде всего произошла благодаря наличию в системе русского языка других аналогичных наименований, выступающих в качестве конкурирующих лексических единиц.

Наиболее употребительное в нашей выборке название рукавных отворотов — *обшлага/обшлоки*. Написание *обшлоки* отражает процесс фонетического и морфологического освоения этого заимствования XVIII в. Слово *обшлаг* (ед. ч.) так же, как и рассмотренное выше *кондырь*, является заимствованием из немецкого языка, но через польский (КЭС, с. 301) или голландский (ССРЛЯ, т. 7, с. 515: голланд. opslag) языки. Благодаря своей однозначности это заимствование получило широкое распространение, ср. *обшлага, обшлога*: «У одной (шубы.— *Л. П.*) у рукавъ обшлога соболья, а у другой обшлога бобровые» (Тобол., 1740 г., ГАТОТ, ф. 661, № 55, л. 261), «Кафтан немецкой сукна сермяжного, обшлага красного сукна» (Тобол., 1746 г., Там же, № 83, л. 214 об.) и др.; *обшлоки*: «Кафтан немецкой сукна сермяжного с обшлоки и с воротником красного сукна» (Тобол., 1746 г., Там же, л. 220 об.).

С этим же значением встречается в одном из тобольских наветов слово *завороты*: «Унесъ ягу козлиную белую русских козлов, у рукавъ завороты суконные красные» (Тобол., 1738 г., ГАТОТ, ф. 661, № 47, л. 391).

Для названия пояса западносибирские памятники XVII — первой половины XVIII в. располагали словами *пояс, поясок, опояска, кушак и покромь*. К этой же группе

условно примыкают и наименования *калауз/калаус/калауш* и *через/черес*, рассматриваемые нами отдельно (см. ниже). Из данного списка слов (исключая *калауз* и *через* и их варианты) как диалектное применительно к XVII—XVIII вв. может быть рассмотрено только слово *покромь*. Это название в исследовании Е. Н. Борисовой отмечается как просто южнорусское, без более узкой локализации, но с указанием о его распространении в смоленской деловой письменности XVII в.[56] Приводится это слово и в исследовании С. И. Котькова, который замечает: «Из контекстов ясно: *покром* и *покромь* означает женский пояс. Кушак, покром или покромь входили, по всей видимости, в необыденный комплект одежды...»[57]. Между тем вывод Е. Н. Борисовой о южнорусском характере данного наименования не бесспорен, так как в холмогорской письменности XVII в. оно (в обоих отмеченных С. И. Котковым вариантах) представлено довольно широко (см. АХУ, кн. 2, с. 539, 540, 545, 637, 677 и др.).

Приведем западносибирские примеры: «Пят(ь)десят аршин покромей ангинских» (Верхотур., 1636 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 66, л. 147, об.), «Покромей настрафил(ь)ных на тринатцат(ь) алтынъ на две ден(ь)ги» (Верхотур., 1637 г., Там же, оп. 5, № 32, л. 150 об — 151), «Двести аршин покромей уских плохих» (Тобол., 1633 г., Там же, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 200 об.), «Семь тючков покромей суконныхъ» (Тобол., 1695 г., Там же, оп. 5, № 363, л. 9), «Покромъ ребячья повивал(ь)ная» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 469 об.), «Пят(ь)десят покромей жичаных» (Тюмен., 1653 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 99, л. 97) и др.

Слово *по́яс* и производное *полсок* в нашей выборке (особенно в выборке из текстов первой половины XVIII в.) встречаются реже, чем слова *опояска* и *кушак*.

Опояска: «Калаус пестрой с опояскою зеленою китайчатбе» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 278), «Отбили ... опояску козловую» (Тобол., 1743 г., Там же, № 69, л. 134 об.), «Опояску сорвали шерстеную» (Тюмен., 1725 г., Там же, № 1739, л. 77), «Сорвали ... опояску верблюж(ь)ю желтую» (Чаус., 1737 г., ГАНО, ф. 105, № 8, л. 188), «(Украли) топор, опояску, шубу, зипун» (Чаус., 1749 г., Там же, № 17, л. 164) и др. Из всех обозначений пояса именно слово *опояска* самое употребительное. В XVII—XVIII вв. слово *опояска* не было диалектным, но впоследствии сохранилось лишь в говорах (см. СРЯ, т. 2, с. 859), широко известно оно и в современных русских говорах Западной Сибири (тобол., тюмен., ом., том., новосиб.). Первоначально рассматриваемое слово называло будничный пояс, вытканный из шерстяной

разноцветной пряжи[58]. Напротив, слово *пояс* называло предмет праздничной одежды[59], например «поесъ шелковой» (Тобол., 1742 г., ГАТОТ, ф. 661, № 64, л. 407).

Кушак — значение его в основном совпадает со значением слова *пояс* — 'полоса ткани для завязывания верхней одежды, составляющая элемент праздничной одежды'[60], но есть все основания полагать, что кушаком в наших памятниках называли пояса восточного происхождения, т. е. это слово было заимствовано вместе с реалией (XV в.)[61], ср.: «Кушак яицкой полосатой шелковой» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 118), «Кушакъ красной верблюжей» (Тобол., 1738 г., Там же, № 47, л. 392 об.) и многие другие. О том, что слова *пояс* и *кушак* не имели семантического тождества, свидетельствуют тексты, где встречаются оба слова, например: «Кушакъ шестрой, ... два пояса красные шерстяные» (Тобол., 1735 г., Там же, № 35, л. 120 об.).

В одном случае нам встретилось слово *затычка* в составе словосочетания *кушак затычка*, где слово *затычка* может обозначать определенный вид кушака, ср. подобные словосочетания *рукавицы вареги*, *шуба гуланка* и др.: «Три кушака затычки шелковые» (Тобол., 1633 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 145 об.). Данное наименование кушака (пояса) не отмечено словарем В. И. Даля и СРНГ, отсутствует оно и в Картотеке СРНГ. СлРЯ (вып. 5, с. 328) отмечает лишь одно значение этого слова — 'затычка, пробка', — между тем в прикамских говорах отмечен глагол *затычить* 'закрыть, заткнуть' (СРНГ, вып. 2, с. 119), который может быть сближен с тобол. XVII в. *затычка* 'род пояса (кушака)'.

Среди наименований дополнительных предметов одежды мы встречаем *калауз*, ср.: «Калаузъ была самцовой китайчатой новой, подложенъ снизу белым холстом, обдернуть бумажным красным тканцом» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 212), «Калаусъ шестрой с опоекою зеленою китайчатое» (Тобол., 1734 г., Там же, л. 278), «Калаусъ кушнашчатой, подложенъ китайкою, а около общито самцом, а обдернуть шелковым тканцом толстым» (Тобол., 1743 г., Там же, № 69, л. 260), «Калаусъ простой суконный» (Тобол., 1746 г., Там же, № 83, л. 414) и ряд других примеров. В. И. Даль (т. 2, с. 76) приводит это слово как характерное для вологодских и сибирских говоров со значением 'зепь, карман; калита, сума, мешок, киса'. Кроме написаний *калауз* и *калаус* (с оглушенным конечным согласным) в исследованных текстах встретился и вариант *калауш*: «Покрали калаушъ, а в немъ было данной апшитъ» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 285). Данный лексико-фонетиче-

ский вариант известен ряду севернорусских и сибирских говоров XIX—XX вв., ср.: *калауш* волог., тобол., иркут., спб. 'небольшой дорожный мешок, котомка (иногда кожаная)', иркут. 'кошелек' и др. (СРНГ, вып. 12, с. 336—337).

Приведенные нами цитаты, достаточно подробные, позволяют установить, что слово *калауз/калаус/калауш* служило для обозначения той же (или очень похожей) реалии, которая обозначалась в русском языке начиная с XVI в. словом *чересъ* 'кошель поясом, кошка; рукав, кишка с пряжками, застежками, куда кладут деньги и ею опоясываются' (см. Даль, т. 4, с. 609). В старорусских памятниках XVI—XVII вв. это слово было широкоупотребительным[62]. В исследованных памятниках слово *черезъ* (*чересъ*) встретилось лишь в материалах XVII в., ср.: «Трои подвяски ременных, сорок чересов сыромятных» (Верхотур., 1636 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 66, л. 29). «Двадцат(ь) чересов сыромятных» (Тобол., 1633 г. Там же, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 266 об.), уменьшит.-уничижит. *чересишко*: «Дватцат(ь) чересишков» (Тюмен., 1699 г., Там же, № 3а, л. 492 об.). О прямом назначении реалии (кошель в виде пояса) данные примеры не говорят, но нами отмечен восточносибирский пример, где сказано: «20 чересков денежных по алтыну чересок» (Илим., 1649 г., ЦГАДА, ф. 494, оп. 2, № 1, л. 4).

Слово *калауз* (и его варианты) для называния данной реалии употреблялось, видимо, в немногих говорах из числа севернорусских и сибирских. Судя по тому, что означало это слово в татарском языке, откуда оно считается заимствованным, слово претерпело семантические изменения: татар. kalauz, kalaγuz 'котомка', кюэрик. kalaus 'сумочка' (Фасмер, т. 2, с. 156), но ср. якут χalabys 'кошелек' (Räsänen, с. 225).

Что касается лексико-фонетического варианта *калауш* в нашей выборке, то он может быть объяснен влиянием действовавших фонетических процессов при освоении иноязычной лексики. Так, для XVIII в. была характерна модификация s «в финале лат. слов на -us при заимствовании в пол. язык: *«гёнiусъ — геніушъ, Меркуриусъ — Меркуриушъ»*[63]. Продуктивность этой модификации была, по всей видимости, довольно большой. Так, например, она затронула заимствованную лексику из неевропейских языков, ср. *калауз/калаус/калауш* — тюркское заимствование.

Непосредственно не связано с данными наименованиями слово *гайтан* (*гойтан*), но судьба его в русских говорах Сибири интересна и требует рассмотрения. Все случаи употребления слова *гойтан* и его производных могут быть разбиты на две группы: а) в примерах из текстов XVII в. оно

употребляется для обозначения шнурка, тесьмы из шелка: «Двести гойтанов шелковых» (Тобол., 1633 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 164, об.), «Сто гойтановъ шелковых» (Тобол., 1633 г., Там же, л. 214, об.), «Пятнатцат(ь) гойтанов шелковыхъ (Верхотур., 1637 г., Там же, оп. 5, № 32, л. 71 об.)»; «Сто пят(ь)десят гойтанов шолковых» (Верхотур., 1637 г., Там же, л. 189 об.) и др.; б) в примерах из текстов первой половины XVIII в., которые у нас представлены тобольской письменностью, это слово и его производные употребляются для обозначения серебряной цепочки для нательного креста: «Выхватил из рукъ гойтанъ серебреной, на том го(й)тане было два креста серебреных же да уховертка и зубочистка серебреные (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 106), «Крестъ серебреной вызолоченъ, гойтанъ серебреной» (Тобол., 1735 г., Там же, № 35, л. 43)[44], «Унесли ... с шеи крестъ серебряной з гойтаном серебряным» (Тобол., 1738 г., Там же, № 47, л. 255), «Два креста и цепочки серебряные под золотом да крестъ з гойташком серебряные» (Тобол., 1739 г., Там же, № 54, л. 399), «Гайташикъ серебреной с крестом серебреным же» (Тобол., 1734 г., Там же, № 29, л. 16), «Цепочка золоченая, на ней два креста серебреные женские старинные, цена три рубли пят(ь)десят копеекъ, да гойташикъ серебреной с крестом серебреным же, цена рубль шестнадцат(ь) копеекъ» (Тобол., 1737 г., Там же, № 42, л. 29) и др. Употребление в данных примерах слова *гойтан* (или его производных) параллельно со словом *цепочка* свидетельствует о том, что реалии, обозначаемые этими словами, различались.

Обозначение словом *гойтан* цепочки является, надо полагать, поздней особенностью русских говоров, наиболее раннее (а для старорусского периода, видимо, единственно возможное) значение у *гойтанъ, гайтанъ* — это 'шнурок' (СлРЯ, вып. 4, с. 8). Именно это значение сохранилось в современном русском литературном языке (*гайтан* 'плетеный шнурок или тесьма' — ССРЛЯ, т. 3, с. 20; слово это встречается сейчас, видимо, прежде всего в письменном языке и уходит в пассивный фонд литературного языка).

Довольно подробные сведения о бытовании слова *гайтан/ /гойтан* в русских говорах XIX в. собраны М. Фасмером в «Грекославянских этюдах», где, в частности, находим данное слово в качестве наименования шнурка для нательного креста (рязанские, олонецкие говоры)[45]. По всей видимости, данное слово *гайтан* как обозначение шнурка, тесьмы не было диалектным, но в качестве обозначения шнурка или цепочки для нательного креста бытовало, видимо, преиму-

щественно в говорах. Показательно, что САРазб. (ч. 1, с. 1077), отмечая *гайтан* как слово, бытующее «в просторечии», приводит его в качестве наименования небольшого шнурка для завязывания чего-либо. Приведем также холмогор. XVII в. *гайтан* 'шнурок для креста' в записи Рич. Джемса (Словарь-дневник, с. 176). Обозначение же данным словом цепочки для нательного креста может быть квалифицировано, по всей видимости, как сибирская инновация.

Примечательно, что в современных говорах Западной Сибири слово *гайтан* встречается исключительно в значении 'шнурок, на котором носят крест' (тюмен., том.), то же и в восточносибирских говорах современности. Среди записей речи сибиряков XIX в., фиксирующих также лексические единицы *гайтан/гойтан* 'шнурок, на котором носят нательный крест', находим немногочисленные подтверждения значения 'цепочка для нательного креста': иркут. *гайтан* 'тонкий шнурок', 'серебряная плоская цепочка, на которой носят крест', ср. также описание гайтана в историко-этнографическом описании Сибири: «плетеная и крученая цепочка из стекляруса или бисера, носившаяся как украшение» [66].

* * *

Исследуя лексический состав смоленской письменности XVII—XVIII вв., Е. Н. Борисова пишет, что обобщающее наименование *обувь* (ми. ч. *обуви*) было общеупотребительным [67]. Действительно, ряд примеров из нашей выборки свидетельствует о бытовании данного слова в качестве обобщающего названия — и в форме единственного, и в форме множественного числа: «Итти ему было не в чемъ, понеже обувь свою и с себя рубаху во вшестве своем заложилъ» (Тобол., 1738 г., ГАТОТ, ф. 661, № 47, л. 75), «А обуви, государь, сделати без ножа не можно» (Пелым., 1599 г., РИБ, т. 2, № 64, с. 147). Однако в подавляющем большинстве примеров XVII в. слово *обувь* имеет другое значение — 'пара обуви': «Пят(ь)десят обувей сапоговъ саф(ь)яных женских, ... сто тритцат(ь) обувей (слово написано сверху.— *Л. П.*) сапогов телятинных и барановых мужских и женских» (Тобол., 1633 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 209 об.), «Сорокъ обуьей сапогов и башмаковъ» (Тобол., 1675 г., Там же, оп. 5, № 363, л. 58 об.), «Семьдесят обувей сапогов телятинных» (Тюмен., 1653 г., Там же, № 99, л. 83 об.), «Тритцат(ь) обувей ево работы котов бол(ь)ших и малых» (Тюмен., 1699 г., Там же, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 494) и др.,

ср. том. XVII в. *обувь* 'пара обуви' (Палагина, с. 49), илим. XVII в. *обувь* — то же (см. ЦГАДА, ф. 494, оп. 2, № 1, 3 об., 5 об., 9 и др.).

Слово *пара* появляется в примерах первой половины XVIII в., при этом оно очень часто сочетается со словом *обувь*, например: «Тритцат(ь) пар обувей башмаков и котов, ... сто шездесятъ пар обувей котов красных и черных яловых» (Тюмен., 1727 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1741, л. 43).

Локально ограниченное уже для изучаемого периода слово *чарки* известно и в других фонематических вариантах (*черки, чирки*), но именно с корневым *а* является наиболее употребительным: ч а р к и — «Чарки двенатцат(ь) копеекъ» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 158), «Чарки с ногъ содрали» (Тобол., 1737 г., Там же, № 51, л. 343), «Один чарокъ новой» (Тобол., 1738 г., Там же, № 47, л. 220), «Покрадено ... чарковъ шитых семь пар» (Тобол., 1746 г., Там же, № 83, л. 394), «Дватцатеры чарки с опушнями плохи» (Тюмен., 1653 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 90); ч е р к и — «Нет сумъ переметных, в которых были сапоги да черки» (Тобол., 1738 г., ГАТОТ, ф. 661, № 47, л. 65), «Покрали ... трое черки черные, наволочка с подушки выбойчетая» (Чаус., 1749 г., ГАНО, ф. 105, № 16, л. 193); ч и р к и — «Перебирал чирки» (Тобол., 1737 г., ГАТОТ, ф. 661, № 42, л. 105 об.).

В Опыте (с. 254, 256) мы находим *чарки* с пометами «иркут.», «перм.», «волог.» и *черки* с пометами «тобол.», «том.», «перм.». О распространении слова в сибирских и северорусских говорах свидетельствуют также словари В. И. Даля и Г. Куликовского. На основании этого мы можем предположить, что своему появлению в Сибири слово *чарки* (и его варианты) обязано выходцам из северных и северо-восточных регионов Русского государства.

Как свидетельствуют историко-этнографические исследования, *ча(е,и)рками* в Западной Сибири называли «башмаки с сукониой опушкой для вадержки шерстяной завязки»[68]. И. Г. Добродомов полагает, что это слово было заимствовано из булгарского **чарак* (или **чарёк*): «Волжско-Камская Булгария славилась своими изделиями из кожи, и поэтому неудивительно, что в славянские языки из булгарского попадали некоторые слова, относящиеся к разным видам обуви»[69].

Коты: «Дватцатеры коты красные» (Верхотур., 1636 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 66, л. 147 об.), «Тринатцатеры коты красные с опушнями три рубли восмъ две деньги, шестеры коты красные без опушней сорокъ алтынъ» (Вер-

хотур, 1637 г., Там же, оп. 5, № 32, л. 152), «Стопятдесятеры коты красные с опушнями» (Тобол., 1633 г., Там же, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 36 об.). «Восемь пар котов новых бол(ь)ших, пять пар башмаков женских новых» (Тобол., 1738 г., ГАТОТ, ф. 661, № 47, л. 305 об.), «С нимъ отпущено товару ево работы дватцатеры коты красных средних, дватцатеры коты белых малых» (Тюмен., 1699 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 491), «Сорок котов красных, пят(ь)десятъ пояскова» (Пелым., 1670 г., Там же, оп. 5, № 172, л. 3 об.) и др.; уменьшит. *котишки*: «С ним отпущено ево работы котишковъ и башмачишков по тюменской таможенной оценке на рубль с полтиною» (Тюмен., 1699 г., Там же, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 489 об.).

Привлекая большой фактический материал, И. С. Вахрос пишет: «В XVII в., судя по нашим материалам, коты были черные, серые и красные. Шились они из (дубленой) кожи. Уже тогда коты снабжались опушкой»[70].

В современных русских говорах Сибири слово *коты* выходят из употребления. Так, например, томский словарь квалифицирует его как устаревшее и указывает только одно значение 'кожаная мужская обувь' (Том. сл. т. 2, с. 100), но в Сибири известен фразеологизм в *котах ходить* (*щеголять*) со значением 'дорого (о цене)'[71].

Что касается этимологии слова *коты*, то наиболее достоверным следует признать его заимствование из финно-угорских языков, ср. коми kot 'обувь из одного куска кожи, валенки', удмурт. kut из ненец. hōti, hūti 'сапог' (Фасмер, т. 2, с. 354). Слово *коты* было заимствовано из коми языка русскими жителями северных регионов Руси в то время, когда русское население этих регионов ближе познакомилось «с бытом и охотничье-рыболовным хозяйством народности коми, а также их обувью, которая была хорошо приспособлена к климатическим условиям Севера»[72].

Ичетоги, ичедоги, ичетоки, ичитоги, ичетыги, чедыги (Картотека ДРС) — «мягкие кожаные, атласные, бархатные или чамчатные чулки — сапожки (без каблуков), сверх которых обычно обувались башмаки»[73]. В изучаемых нами текстах зафиксирована только первая форма: «Тритцат(ь)-шестеры ичетоги барановые» (Тобол., 1633 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 210 об.). И. С. Вахрос полагает, что данное наименование заимствовано из тюркских языков Поволжья, т. е. у народностей, которые были предками современных татар[74], ср.: казан.-татар. čitək < *əč-itək, бараб.-татар. išik 'weiche Tatarenstifel', а также уйгур., чагат. ätük 'Stiefel', туркм. ādik 'сапог', казан.-татар., тобол.-

татар. itək, хакас. ödik, бараб.-татар. ütük, шор. üdük 'stiefel', 'Gefass' и др. (см. Räsänen, с. 52).

Ступни: «Дватцатеры коты белые, десятеры башмаки кривые и ступни телятинные красные» (Тюмен., 1699 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 523), «Десять паръ обувей же ступней» (Тюмен., 1727 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1741, л. 43 об.). Внутренняя форма этого слова прозрачна, оно представляет собой лексикализованную форму множественного числа существительного *ступень* ('ступня' → 'подошва'), ср. значения *ступни* в словаре В. И. Даля (т. 4, с. 349): вост. 'лапти с большой головой (передами) без обутника и запятника (без бочков и задка), босовики, туфли для обувки в доме, для выхода во двор и пр.', сев., вост. 'берестовые и шелужные лапти', арханг., олон., перм. 'выступки, род женских башмаков', ср. в.-лужиц. stupjeń, н.-лужиц. stupeń 'войлочный башмак' (Фасмер, т. 3, с. 788). Слав. *stǫpъnь м. р., *stǫpьnja ж. р. 'ступни' → 'подошва' (→ 'вид обуви, состоящей первоначально из подошвы и передка').

Лексикализация формы множественного числа, сопровождавшая метонимический ('ступня' → 'обувь') или синекдохический ('подошва' → 'обувь') перенос слова,— не единственное возможное объяснение происхождения старорусской формы *ступни*. Данная лексема могла явиться результатом упрощения начальных звуков др.-рус. *въступни* 'вид низкой обуви' после падения редуцированных. Подобное упрощение отмечается, например, в наших текстах: *вставка* и *ставка* 'вставленный в оправу драгоценный камень'. Древнерусское наименование обуви *въступни* образовано с помощью суффикса *-ьнь- от въступати*[74].

Бутылы: «Бутылы красноярлю коленные» (Тобол., 1746 г., ГАТОТ, ф. 661, № 83, л. 130). Указание на то, что слово *бутылы* — сибиризм, мы находим в словаре В. И. Даля (т. 1, с. 146). В Сибири этим словом называли грубые просторные крестьянские сапоги. Однако наименование *бутылы* в речи сибиряков не выступало как уточняющее слово (уточняющий синоним) по отношению к слову *сапоги*, так как сапогами сибиряки называли только щегольские, сшитые по ноге из черной мягкой кожи[75]. Следовательно, на сибирской почве произошло сужение значения у слова *сапоги*, ср.: «Сапоги телятинныя черные немецкия новыя» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 312), «Сапоги ношеные юфтяные» (Тобл., 1749 г., Там же, № 98, л. 75) и др.

Особый вид сапог называло слово *уледи* и его словообразовательный вариант (собственно производное) *уледницы*, которые в нашей выборке представлены верхотурскими при-

мерами: «Шестеры уледи дубленные тритцат(ь) алтынъ, трои уледницы сыромятные десять алтынъ» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 6, № 32, л. 155 об.), «Двои уледи дубленные (Верхотур., 1637 г., Там же, л. 151), «Двои уледницы дубленныхъ» (Верхотур., 1637 г., Там же, л. 178 об.) и др. О распространении в Сибири в XVII в. этого слова свидетельствуют деловые памятники, относящиеся к г. Мангазее (уменьш. *уледишка* — Цомакион, с. 529) и Илимскому острогу («10 уледи красные по полтине уледи» — Илим., 1649 г., ЦГАДА, ф. 494, оп. 2, № 1, л. 43). В Сибирь слово (и реалия) пришло из севернорусских говоров.

Определяя слово *уледи* как 'сапоги, обычно с высокими голенищами, без каблуков и подметок, с острыми загнутыми вверх носками', И. С. Вахрос замечает, что в старину эта обувь была лыжной [77].

Самодийским заимствованием является слово *пимы*, которые генетически связано с севернорусскими говорами, куда слово попало из ненец. pĭwa 'сапог', pimie, pime 'штаны', нганасан. faĕmn 'зимний сапог' (Фасмер, т. 3, с. 262). О севернорусском и сибирском характере слова *пимы* свидетельствуют Опыт (с. 158), Словарь-дневник (с. 144: pĭmĭ 'лопарские башмаки'). Аналогично Опыту словарь В. И. Даля приводит пометы, свидетельствующие о распространении слова в архангельских, пермских и сибирских говорах, при этом в качестве первого значения в этом словаре дается 'сапоги из оленьих шкур шерстью наружу' и как второе — 'валенки, катанки (войлочные), обшитые кожей или холстом' (Даль, т. 3, с. 11; см. также: Подвысоцкий, с. 122).

В исследуемой письменности зарегистрированы оба отмеченных значения: 1) «Покрали ... пимы (!) лосиные с шерстью ценою тритцат(ь) копеекъ» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 516), «Двои пимы оленьи тритцать алтынъ две ден(ь)ги» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 242); 2) «Одне пимы войлошны обшиты кожей ..., а другие пимы не обшиты» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 35, л. 35 об.), «Онъ бесовъ унес ... двои чюлки суконныя цена тридцать копеек, черки белыя новыя да пимы войлашныя валеныя цена тридцать копеек» (Чаус., 1735 г., ГАНО, ф. 105, № 2, л. 5).

Севернорусские *пимы* 'сапоги из оленьих шкур шерстью наружу' в Сибири сохранились только на Севере, «где русские, живя бок о бок с местными народами: ненцами, эвенками и др., используют наиболее приспособленную к местным условиям обувь, одежду и т. п. аборигенов края», более известно *пимы* в сибирских говорах (повсеместно) как обозначение валенок [78].

Судьба наименований обуви, отмеченных западносибирской деловой письменностью XVII — первой половины XVIII в., в современных говорах Западной Сибири оказалась неодинаковой. Показательны в этом отношении говоры Новосибирской области, знающие в современном употреблении, кроме лит. *обувь*, только *пимы* 'валенки' и *бутúлú* (также *бутúли*). Это последнее слово в данных говорах употребляется для обозначения вида легкой обуви, но наиболее широко известно как наименование высоких кожаных сапог, удобных для охоты, рыбной ловли. Как видим, и *пимы*, и *бутылы* в этих говорах обозначают распространенные реалии, но если первое слово является диалектным наименованием общераспространенной реалии, то слово *бутылы* называет специфический вид обуви. Именно актуальность реалии способствует сохранению наименования. Сохранение слова *пимы* следует объяснить, видимо, его давней и повсеместной на протяжении многих веков в Сибири традицией употребления. Зафиксированные в говорах Новосибирской области слова *хоты* 'женская обувь из мягкой кожи типа полусапожек', 'высокие расшитые сапоги, сшитые из мягкой кожи', *ступúц* 'берестяные лапти', *бледи* 'вид парадной обуви', *чúркú* 'род мягкой кожаной обуви' являются устаревшими, в диалектологических текстах они употребляются исключительно при характеристике прошлого Сибири. То же самое, видимо, можно сказать и о слове *ичúги* 'кожаная мягкая обувь с голенищами без каблуков, на мягкой подошве'.

* * *

Подводя итоги рассмотрению наименований одежды и обуви в западносибирской деловой письменности XVII — первой половины XVIII в., следует отметить следующее. Как и среди наименований построек, значительную часть данной лексической группы составили общенародные для того времени слова. Вместе с тем значительно число слов локально ограниченных, среди которых специально должны быть выделены слова севернорусского распространения. Более значительна эта группа слов среди названий женских головных уборов, рукавиц, обуви. По сравнению с лексикой, рассмотренной в предыдущей главе, в кругу наименований одежды и обуви может быть отмечен ряд заимствованной лексики, употребление которой связано и с традицией ее распространения в «материнских» говорах, и с заимствованием из местных языков уже в сибирский период.

Изучаемая письменность фиксирует как вариантные отношения в лексике, так и специфические лексико-семантические группы. Особенностью вариантов и лексико-семантических групп является то, что их появление в речи русского населения XVII—XVIII вв. объясняется «столкновением» различных речевых стихий: литературно-общенародной и народно-диалектной (народно-диалектная речь при этом звучала в устах выходцев из различных территорий Русского государства). Среди вариантов отметим *живот — животы*, *пожиток — пожитки*, *кунтыш — кунтуш*, *верхник — верхнак*, *подобрусник — подубрусник*, *вареги — вариги*, *чарки — черки — чирки* и др. Привнесение в говоры слов с одинаковым значением приводило к появлению конкурирующих лексических единиц (см. хотя бы наименования мелкого и домашнего имущества и наименования рукавиц). Дальнейшая судьба этих конкурирующих единиц в западносибирских говорах была различной. Наблюдения показывают, что из двух наименований для одной и той же реалии утратиться в современных говорах могло как локально ограниченное для XVII—XVIII вв. слово (ср. *верхник* и *запан*), так и общенародное слово (ср. *вареги* и *исподки*). Выяснение причин утраты какого-то одного наименования требует специального рассмотрения, однако уже сейчас можно сказать, что, видимо, легче утрачивалось слово, не получившее в XVII — первой половины XVIII в. в Западной Сибири широкого распространения (ср. *верхник* для названия фартука, *борошень* для обозначения мелкого домашнего имущества). Слова же, широко употребительные в то время, и особенно такие, которые поддерживались широкими словообразовательными связями (например, *опояска*, *исподки*), видимо, были наиболее устойчивыми в формирующихся лексических системах. Утрата слова в говорах имела место не только как следствие возникновения конкурирующих отношений среди лексики, пришедшей в говоры из различных источников (литературно-общенародного языка, лексических систем различных «материнских» говоров), но и под влиянием производных или однокоренных образований (ср. более употребительное в современных говорах *верхонки*, а также известное говорам лит. *варежка* в отличие от утраченных частично или полностью слов *верхницы*, *вареги*).

В целом же утрата большинства наименований одежды и обуви объясняется внелингвистическим фактором: утратой самих реалий. Многие из рассмотренных слов употребляются в современной диалектной речи как историзмы.

Сохранение слов из лексики XVII — первой половины

XVIII в. из числа рассмотренных в данной главе наименований связано с сохранением и актуальностью самих реалий. Как правило, наименования исчезающих реалий либо утрачивались говорами, либо становились историзмами. Однако в ряде случаев слово сохранялось, в частности тогда, когда оно получало другое значение, т. е. становилось наименованием другой (хотя и функционально похожей) реалии, ср. *зипун, дубас.*

Глава III

ЛЕКСИКА ПРОМЫСЛОВ

В данной главе мы рассматриваем три лексические группы: а) лексика судоходства; б) лексика рыбного промысла и в) лексика охотничьего промысла. Включение лексики судоходства в круг слов, обозначающих предметы и понятия, связанные с промыслом, оправдано тем, что сами средства водного передвижения играли очень важную роль в рыбном (в первую очередь) и охотничьем промыслах.

* * *

Как и в большинстве случаев, деловая письменность не дает развернутых описаний реалий, позволяющих четко (только на материале этих описаний) определить значение соответствующего слова. Пожалуй, одним из немногих исключений в нашей выборке является описание речного плоскодонного судна дощаника[1]: «Дощаникъ длиною от конца до конца тринадцати сажен(ь), в ширину по *бете* полтрети сажени, а вышина в дощанике от *матицы* до *матицы* три аршина, а исподние *кокоры* слать кокора от кокоры в шесть вершков, а верхние кокоры слать кокора от кокоры в полтора аршина, а *порубни* к дощанику бит(ь) в красную груску в аршин по красному гвозью, а конопат(ь) и смола и гвоздье мое, подрятчиково, да на тот дощаник заделат(ь) восем(ь) *гребей*, девятое *кормовое*, десятое поносное, восем(ь) шестов, лотку набойную, а на дощанике кровля крыт(ь) двойным тесом и выдорожит(ь) от заднего *корга* до переднего *кружила*, а в задней *шакше* заделат(ь) двери и лесницы и на

дощанике очагъ, а в *ол(ь)яле* в дощанике два забора, а доспет(ь) тот дощаникъ самым добрым мастерством безохул(ь)но, чтоб сверху кани, а сысподи течи не было» (Тюмен., 1721—1728 гг., ГАТОТ, ф. 47, № 3697, л. 8).

Само наименование *дощаник*, называющее речное плоскодонное (весельное и парусное) судно[2], широко употребительно в деловой письменности и других регионов Западной Сибири: «Да у них же с судна с дощаника мерою з девяти сажен(ъ) посаженные взято» (Сургут., 1650 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 85, л. 19 об.), «Да у него ж у Луки з дощаника мерою с одиннадцати сажен(ъ) посаженные пошлины взято» (Сургут., 1650 г., Там же, л. 23—23 об.), «80 дощаников новых и старых, 5 каюков, 6 паузков, 15 лоток набойных, 53 лотки малых, обласс остяцкой, 3 маток кочевых» (Тобол., 1666 г., Там же, оп. 1, ч. 2, № 488, л. 407), «По вешней полой воде у купецких людей на дощанике в работе прибыл» (Тобол., 1737 г., ГАТОТ, ф. 661, № 42, л. 537), «Для починки одного дощаника и при немъ навоска и для делания новой завозни» (Чаус., 1747 г., ГАНО, ф. 104, № 2, л. 4) и др. Наши тексты знают и вариант *дощеник*: «Контайшины посланны Экре, Тасурхай да Дегтуй поехали отъ Имыша озера на Тару горою на лошадяхъ, не дождався приходу кованных дощеников» (Тобол., 1713 г., Пам. сиб. ист., кн. 1, № 122, с. 526), «Покупаетъ оную пен(ъ)ку у пріезжих разных людей на дощаниках и на барках» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 471), «... которой пріехал на дощеникахъ из Иркуцка» (Чаус., 1749 г., ГАНО, ф. 105, № 16, л. 174 об.) и др. Кроме того, для сибирской местности данное наименование засвидетельствовано томскими (Палагина, с. 47) и мангазейскими (Цомакион, с. 124) деловыми памятниками. Словарь В. И. Даля (т. 1, с. 477) дает данное слово без областных помет, но в Опыте (с. 50) оно указывается как тобольское и архангельское (с отличными значениями), а в Дополнении (с. 43) — как волжское. Добавим к этому, что наименование судна (лодки) *дощаник* отмечено также в костромских[3] и архангельских говорах (СРНГ, вып. 8, с. 168). В современных записях диалектной западносибирской речи данное наименование для речного судна чаще всего встречается при характеристике прошлого Сибири, а в ряде современных говоров оно сохранилось в качестве наименования дощатой лодки (см., например, Новосиб. сл., с. 134).

В Сибирь слово *дощаник* пришло, видимо, с первыми землепроходцами северорусами. Данное слово (соответственно и сама реалия) широко бытовало на Русском Севере

в XVI—XVII вв.: холмогор., устюж. (АХУ, кн. 2, с. 369, 1262), двин. (ПСРЛ, т. 35, с. 154), арханг.[3]

Павозок: «6 павосков, 5 каюков, 15 лоток набойных, 26 лоток малых» (Тобол., 1666 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 2, № 488, л. 407), «80 дощаников новых и старых, 5 каюков, 6 павосков, 15 лоток набойных» (Тобол., 1666, Там же), «К дощеникам и павоскам изготовить удобного лесу и на перекрышку береста» (Чаус., 1747 г., ГАНО, ф. 104, № 1, л. 17), «Для починки одного дощаника и при немъ павоска и для делания новой завозни» (Чаус., 1747 г., Там же, № 2, л. 4) и др. Древнерусские памятники слово *повозокъ* (и *паузъкъ*) регистрируют начиная с XIV в. (Срезневский, т. 2, с. 855, 889—890) — 'род судна с мелкой осадкой', см. также записи Рич. Джемса: povez (паузъ) 'перегрузочное судно, лихтер' (Словарь-дневник, с. 75). Данное слово в форме *паузок* Б. А. Ларин, рассматривая диалектные различия в лексике русского языка XIV—XVI вв., отмечает как северное[4].

Словарь В. И. Даля (т. 3, с. 5—6) так объясняет это слово (варианты *павозка*, *паузок*, *паузки*): «большая, разгрузная лодка, об одном прямом парусе, водым. до 300 и бол. пудов; они держатся, для помощи, по речным мелководьям, или (*на Печоре*) идут вниз с грузом, а вверх порожнем, при каюках, для паужения на мелях». О широком распространении данного слова в северорусских говорах свидетельствует целый ряд лексикографических работ[5].

В современных говорах Западной Сибири это слово продолжает жить: том. *павозок* 'большая лодка' (Том. сл., Доп., ч. 2, с. 63).

В. И. Даль (т. 2, с. 180), приводя в своем словаре слово *коч* (*коча*), отмечает обозначение этим словом в Сибири большого палубного парусного судна и специально оговаривает: «Сибирские кочи вышли из употребления». Действительно, Картотека СРНГ не располагает современными западносибирскими свидетельствами о бытовании этого слова. Однако красноярские (туруханские) говоры до сих пор знают его в качестве обозначения палубного как мореходного парусного, так и речного плоскодонного парусно-весельного судна. Вот что пишет об этом судне К. С. Бадигин: коч — «древнейшее судно северных мореходов, по конструкции почти не отличалось от лодьи, но значительно меньше размеров .... Сибирский коч XVII в. представлял собой большую лодку с одним парусом и веслами, судно не было приспособлено к плаванию при волнах и во льдах»[6], ср.: «Коч, да дощаник, да дищо кочевое в

ход не годились, ... те дощаники и днище кочевое, и коч были на сухом берегу ставлены для починки» (Тобол., 1666 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 2, № 488, л. 424), «6 кочей, 112 дощаников новых и старых, 13 каюковъ, 8 навосков, 8 лоток набойных, 48 лоток малых, 4 струга» (Тобол., 1666 г., Там же, л. 410 об.). О распространении в речи сибиряков в XVII в. формы женского рода *коча* свидетельствует СлРЯ (вып. 7, с. 387). Этот морфологический вариант был, видимо, менее употребительным. На это, в частности, указывает тот факт, что в современных говорах он утрачен (СРНГ, вып. 15, с. 122 отмечает его только в записях XIX в.).

О распространении в Западной Сибири в XIX — начале XX в. каюков свидетельствуют записи диалектных слов: *каюк* обдор. 'парусно-весельная лодка', тобол., том. 'большая крытая лодка'. Именно как обозначение крытого речного грузового судна данное слово известно севернорусским говорам (см. Даль, т. 2, с. 101, также ССРЛЯ, т. 5, с. 898) в отличие от говоров юга России, где словом *каюк* в XIX в. называли долбленую лодку (см. Даль, т. 2, с. 101). Приводимые ниже сургутские примеры XVII в. прямо свидетельствуют, что рассматриваемым словом называлось крытое судно: «С них взято с судна с каюка крытого мерою с пяти сажен посаженные пошлины» (Сургут., 1650 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 85, л. 12), «Взято с судна с каюка крытого мерою с пяти сажен посаженные пошлины» (Сургут., 1650 г., Там же, л. 40), «6 навосков, 5 каюков, 15 лоток набойных, 35 лоток малых» (Тобол., 1666 г., Там же, оп. 1, ч. 2, № 488, л. 407), «2 каюка, 6 лотокъ набойныхъ, 2 струга, 44 лотки малых» (Тобол., 1666 г., Там же, л. 415) и др., ср. также прилаг. *каючный*: «Тринатцат(ь) бечев каючных» (Верхотур., 1637 г., Там же, оп. 5, № 32, л. 164 об.).

В русских памятниках данное слово встречается начиная с XVI в. «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (вып. 7, с. 100) приводит это слово как обозначение, с одной стороны, долбленой лодки (это значение документируется цитатами из южнорусских источников), с другой — морского или речного судна (это значение, видимо, не было в то время локализовано определенными говорами), и, наконец, в воронежских актах *каюк* — это 'выдолбленное из дерева корыто'. По всей видимости, данное наименование было заимствовано именно для обозначения долбленой лодки. На это указывает как возможный источник заимствования тур., крым-татар., казан.-татар. *kajık* 'лодка' (факт распространения рус. *каюк* 'долбленая лодка' в южных говорах начиная с XVII в. соот-

ветствует факту бытования слова *кайык* в тюркских языках: турецком и крымско-татарском), так и производное воронеж. XVII в. *каюк* — 'долбленое корыто'. Обозначение словом *каюк* большого (морского и речного) судна могло произойти под влиянием казан.-татар. *кайык* 'большая лодка, паром' (Радлов, т. 2, с. 93) и вне тюркоязычного влияния — в результате функционального перепоса у южн.-рус. *каюк*.

Старым названием русского деревянного судна является слово *струг*, которое в большинстве словарей квалифицировано как общеупотребительное в прошлом слово. Однако реалии, называемые данным общенародным словом, могли не совпадать. Например, устаревшее к XIX в. на Западной Двине слово *струг* называло «речное судно, гребное и парусное; двинский поднимает 10 т. груз» (Даль, т. 4, с. 340), в иркутских говорах так называли «легкую лодку с острыми концами, поднимающую ниг более трех человек» (Опыт, с. 111). В современных говорах Западной Сибири слово не зафиксировано.

Уже в XVII в., как свидетельствует сибирский материал, слово *струг* имело различные значения. Так, например, Н. А. Цомакион отмечает это слово в маштазейских текстах XVII — начала XVIII в. в качестве общего названия речных судов, ср.: «Да под городом на берегу великого государя струтов: четыре дощаника, четырнатцат(ь) каюков, тринатцат(ь) лодок набойных-павосков...» (Маштаз., 1697 г., Цомакион, с. 492). В приводимых ниже западносибирских примерах XVII в. слово *струг* имеет иное значение — определенное речное судно, при перечислении названий речных судов оно чаще всего соседствует с такими наименованиями, как *лодка*, *лодка набойная*: «6 кочев, 112 дощаников новых и старых, 13 каюков, 8 павосков, 8 лоток набойных, 48 лоток малых, 4 струга, 3 ватаги» (Тобол., 1666 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 2, № 488, л. 410 об.), «2 каюка, 6 лотокъ набойныхъ, 2 струга, 14 лотки малыхъ» (Тобол., 1666 г., Там же, л. 415).

Уменьшительное образование *стружок* отмечено для обозначения небольшого речного судна, возможно лодки, ср.: «Приехалъ в Тобол(ь)скъ в помянутом струшке» (Тобол., 1737 г., ГАТОТ, ф. 661, № 42, л. 333). Долбленую лодку это слово называло, входя в устойчивое словосочетание *однодеревый стружок* (Турин., 1627—1628 гг., Гр. Спб. Мил., т. 2, с. 337). Так же, как и само наименование *струг*, его уменьшит. *стружок* утрачено современными западносибирскими говорами, отмечено оно лишь в фольклорных текстах (см. Том. сл., Доп., ч. 2, с. 210).

Слово *лодка* принадлежит к числу общенародных наименований, широко представлено оно и в западносибирской письменности изучаемого времени. Спецификой употребления этого слова является функционирование лексикализованного варианта *лотка*. Первоначально фонетический вариант *лотка* приобретает характер лексико-фонетического варианта, о чем свидетельствуют формы косвенных падежей: «8 лоток набойных, 48 лоток малых» (Тобол., 1666 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 2, № 488, л. 410 об.) и др. В текстах XVII — первой половины XVIII в. это слово употреблялось для обозначения небольшого речного судна, самостоятельно и в составе словосочетаний *набойная лотка*, *лотка набойница*. Именно подобные словосочетания свидетельствуют об обобщенном характере значения слова *лодка* (*лотка*): «Да у него ж с лотки набойницы крытые мерою с трех саженей посаженные пошлины взято» (Сургут., 1650 г., Там же, л. 18), «15 лоток набойных, 53 лотки малых, облас остяцкой» (Тобол., 1666 г., Там же, л. 407), «Две лотки набойные» (Тобол., 1704 г., Там же, оп. 5, № 746, л. 233) и др.

В текстах Западной Сибири XVII в. отмечено употребление слова *ладья*, которое называет большую лодку: «Да прислана с Нейвы на Ницу с семенным хлебом государева ладья» (Ницин., 1625 г., Гр. Сиб. Мил.), т. 2, с. 319). Данный термин для того времени был общенародным, но на севере, видимо, рано получил распространение акцентологический вариант *лóдья*, который обозначал там парусное озерное или морское судно (см. СРНГ, вып. 17, с. 107; Даль, т. 2, с. 233).

Как известные северным и восточным говорам русского языка В. И. Даль (т. 2, с. 378) приводит *набойница*, *набоина*, *набоинка* 'насада', в олонецких говорах называли словом *набойница* лодку, сшитую из досок, в отличие от долбленой (Куликовский, с. 111). Вместе с тем словами с данным корнем (*набойна*, *набойня*) называли и долбленую лодку с набоями по бортам в одну-две доски (Даль, т. 2, с. 378; Опыт, с. 111). В наших текстах слово *набойница* представлено в сургутской письменности, словосочетание *набойная лодка* (*лотка*) — в тобольской. Последним словосочетанием называлась, очевидно, большая лодка, так как в примерах далее следует специально «лотки малые».

Из современных западносибирских говоров название лодки с набитыми по бокам досками *набойница* известно томским говорам (Том. сл., Доп., ч. 2, с. 4).

Само слово *набой* в исследуемой письменности отмечено в качестве обозначения верхней доски (верхних досок), при-

биваемой для увеличения высоты борта: «Два судна одиодеревые без набой по пяти саженъ печатных судно» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 77).

Широкоупотребительно в изучаемых текстах название лодки, с которой забрасывают невод,— *неводник*: «Тот неводникъ и лотки ветхи» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 746, л. 238 об.) и др. Возможно, назначение неводника в XVII—XVIII вв. было шире, как, например, в современных среднеобских говорах, где данным словом называют большую крытую лодку, используемую для перевозки грузов, ловли рыбы неводом и других целей (см. Том. сл., т. 2, с. 186). Судя по материалам Картотеки СРНГ, слово *неводник* для обозначения большой лодки известно весьма широко в русских говорах Западной Сибири.

Словом *ботъ*, как свидетельствует СлРЯ (вып. 1, с. 302), называлось 'небольшое судно, бот'. Русским говорам Западной Сибири XX в. данное слово известно как наименование выдолбленной из дерева лодки (тобол., том.), т. е. с иным значением, чем лит. *бот*. Надо полагать, что и тобол. XVIII в. *бот* называло долбленую лодку. Слово это представлено у нас единственным примером: «Говорил ей, что де поедемъ в боту по речке Солянке гулять в вершину (Тобол., 1739 г., ГАТОТ, ф. 661, № 51, л. 191 об.), ранее в тексте (на л. 191) об этой реалии сказано: «лодка». Косвенным доказательством того, что слово *бот* в XVIII в. могло называть долбленую лодку, служит его малоупотребительность по сравнению с другими обозначениями долбленой лодки — *облас*, а также значение производного *ботник* (см. ниже).

В качестве исторического лексико-фонетического варианта слова *бот* следует рассматривать *бат*, также называющее в севернорусских, восточных, западносибирских говорах долбленую лодку (см. СРНГ, вып. 2, с. 139). История взаимодействия этих слов заслуживает специального рассмотрения. Оба они, по-видимому, унаследованы из праславянского лексического фонда. При историко-этимологическом анализе данные слова необходимо рассматривать в совокупности значений, засвидетельствованных русскими говорами и инославянскими языками.

Рус. диал. *бат* восходит к праслав. *batъ, ср.: болг. диал. *бат* 'стрела у весов', серб.-хорв. bat 'дубина, колотушка, палка', словен. bât 'дубина; жезл; (деревянный) молоток, колотушка', 'початок', чеш. bat 'палка', польск. bat 'кнут', укр. диал. *бат* 'батог' (ЭССЯ, вып. 1, с. 167; Machek², с. 48). В русских говорах слово *бат* имеет широкий круг значений: калуж. 'прут', волог., олон., арханг., свердл., челяб., оренб.,

касп. 'долбленая лодка', перм. 'небольшая долбленая лодка', волог. 'небольшой плот для одного человека' (мн. ч. *баты*), волог., перм. 'корыто, или колода, из которой поят скот' (см. СРНГ, вып. 2, с. 139; Беляева, с. 35). Из этих значений только 'прут' не известно сибирским говорам, остальные же отмечены в этих говорах, а вот значение 'полый железный конус на длинном шесте, которым ударяют по воде во время рыбной ловли, чтобы испугать рыбу' — специфично для Сибири (енис.). В этом употреблении в говорах Новосибирской области зарегистрировано *бот* (см. ниже), в то время как *бат* здесь обозначает лодку (обычно небольших размеров), выдолбленную из целого ствола дерева.

По происхождению *batъ является отглагольным образованием от *batati 'бить' (Machek², с. 48). Связь с древним значением 'бить' хорошо прослеживается во всех славянских именах, при этом первичным было, видимо, называние орудия действия, хорошо сохранившееся в индославянском лексическом материале. Значение результата действия — 'долбленая лодка', 'корыто' и др. — вторичны, и именно они наиболее широко представлены в русских народных говорах (при несколько обособленных калуж. 'прут', енис. 'полый железный конус...', сохраняющих связь с обозначением данным словом орудия действия).

Известное русским говорам (в том числе современным западносибирским: новосиб., том.) название рыболовного орудия *бот* (например, новосиб. 'приспособление в виде длинной палки с железным наконечником или утолщением, которым вспугивают рыбу и загоняют ее в сеть') восходит к праслав. *botъ, ср. болг. *бит* 'большой деревянный молот', словен. bòt 'дубинка, колотушка, (деревянный) молоток' (см. ЭССЯ, вып. 2, с. 225). Праслав. *botъ — именное образование, соотносительное с глаголом *botati (Там же), которое весьма широко известно в славянских языках с общим значением 'бить, ударять'. Авторы ЭСРЯ (т. 1, вып. 2, с. 177) считают, что сам глагол *ботать* образован от существительного *ботъ*. Согласно другой точке зрения, праслав. *botati соотносительно с *batati (чередование *o* : *a*) (см. Berneker, т. 1, с. 78; Фасмер, т. 1, с. 200). Но в любом случае, как замечает О. Н. Трубачев (ЭССЯ, вып. 2, с. 224), «для данной формы глагола вокализ *-o-* в корне представляется вторичным в сравнении с другими близкородственными формами». При рассмотрении слов *batъ/*botъ, *batati/*botati нельзя не отметить параллелизма форм и значений.

В русских говорах слово *бот*, кроме значения 'орудие для вспугивания рыбы' (широко известно в северно-, южно- и

среднерусских, а также в сибирских говорах), обозначает колокольчик (том.), род маслобойки (пенз.), (см. СРНГ, вып. 3, с. 127—128). Любопытен пример тобол. и том. *бот* 'выдолбленная из дерева лодка', который также вписывается в семантику праслав. *botъ и который, по-видимому, должен быть отделен от лит. *бот* 'род судна', считающегося заимствованием из голландского языка в XVI в.: boot (ЭСРЯ, т. 1, вып. 2, с. 177), ср. также др.-сев.-герм. bat-r, швед. ba°t (Горяев, с. 25). Не лежит ли в основе этого германского слова славянское *batъ/*botъ 'долбленая лодка' (→ герм. 'лодка' с последующим заимствованием в польский bat с XVIII в. и в русский язык в Петровское время — эпоху интенсивных контактов с северо-западом Европы)? Во всяком случае, отношение рус. лит. *бот* к рус. диал. *бот* 'долбленая лодка' не должен оставлять без внимания древний и современный параллелизм.

Косвенным подтверждением того, что тобол. XVIII в. *бот* называло долбленую лодку, является, как уже было отмечено, аналогичное значение у производного от этого слова — *ботник*: «А хто, вделав на Чюбарове городище судна, да продаст лодью или струг или дощанику или одиодеревой стружок, и с плотниками имать з денег, что возьмут найму от судна, с рубля по алтыну, а с лодки и з ботника рублевую пошлину по расчету» (Турин., 1627—1628 гг., Гр. Сиб. Мил., т. 2, с. 337). Данное наименование для долбленой лодки зафиксировано в современных пермских говорах (Беляева, с. 50: *ботник*). Русские говоры Западной Сибири этот термин утратили, что связано, очевидно, с широким бытованием других наименований для данной реалии и, прежде всего, слова *облас* (*обласок*).

Шире, чем только что рассмотренные *бот* и его производное *ботник*, для обозначения долбленой лодки в западносибирских источниках XVII — первой половины XVIII в. встречаем слово *облас*: «80 дощанников новых и старых, 5 каюков, 6 павосков, 25 лоток набойных, 53 лотки малых, облас остяцкой» (Тобол., 1666 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 2, № 488, л. 407), «Облас остяцкой, 5 маток кочевых» (Тобол., 1666 г., Там же, л. 407 об.), «Прибылъ я Енобеков в Уртамской острогъ по Обе реке в обласе, ... у которого облаеа приметы: у кормы с правой стороны сверху отколота» (Чаус., 1749 г., ГАНО, ф. 105, № 17, л. 331) и др. В современных говорах Западной Сибири (тобол., новосиб.) слово *облас* (и *обласок*) имеет то же значение. В словаре В. И. Даля (т. 2, с. 593) читаем: «*Облáс* м. или *облáса* ж. ... арх. речное грузовóе судно, по Сев.. Двине, дл. 4—12 саж., берет

грузу до 2000 п. //*Облас*, ***обласок*** том. челн., бот, ботник, долбушка, однодеревка, дубок». В. И. Даль специально выделил слово *обласок*, видимо, как наиболее характерное для томских говоров именно в этой (уменьшительной) форме, о большей употребительности которой свидетельствует и современный словарь (Том. сл., т. 2, с. 198; ареал распространения слова *обласок* в этих говорах шире, чем слова *облас*). Этимологически слово *облас* связано, видимо, с др.-рус. корнем *обь(ъ)л-* 'круглый', ср. *обьло* 'шар', *обьлыи* 'шарообразный', *обьлѣ* 'вокруг' (Срезневский, т. 2, с. 577) из праслав. *obъlъ < *obvъlъ, ср. рус. *облук* 'край повозки, телеги, саней', серб.-хорв. *о̀блук* 'передняя лука седла', чеш. oblouk 'дуга; арка; свод; изгиб; лука' и т. п. (Фасмер, т. 3, с. 103).

Обобщенным наименованием было старое *судно*, ср.: «У него ж у Семена с судна с лотки набойницы крытой мерою с трех сажен посаженные пошлины взято» (Сургут., 1650 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 85, л. 73), но в одном из примеров словосочетанием *судно однодеревое* названа долбленая лодка: «Два судна однодеревые без набои по пяти саженъ печатных судно» (Верхотур., 1637 г., Там же, № 32, л. 77). Особенностью текстов XVII в. по сравнению с современным языком является употребление формы множественного числа *судна* (пример см. выше, цитата к слову *ботник*).

Слово *завозня* первоначально называло лодку на крупных судах для завоза якоря, затем данным словом стало называться речное судно, выполняющее самостоятельные функции, ср.: в целом ряде говоров этим словом называют большую, обычно плоскодонную лодку для переправы людей, повозок, лошадей и т. п. через реку (вят., яросл., костр., прикам., урал., иркут. – СРНГ, вып. 9, с. 231; см. СлРЯ, вып. 5, с. 150). В нашей выборке слово отмечено для чаусского региона первой половины XVIII в.: «На два дощеника, и на два павозка, и две завозни, и на перекрышку береста» (Чаус., 1747 г., ГАНО, ф. 104, № 2, л. 27).

Локально ограниченным наименованием было, по всей видимости, слово *шняка*, ср.: «Зделать кочь или шняки или в каких судах можно на тое великую реку подятца» (Тобол., 1619 г., Гр. Сиб. Мил., т. 2, с. 251). Для XIX в. это слово в качестве названия парусно-весельной лодки, используемой в рыбном промысле, отмечено В. И. Далем (т. 4, с. 641) в архангельских говорах. В форме *шнека* данное слово широко представлено в русских летописях, начиная с Лаврентьевской летописи, а в Псковской I летописи отмечен вариант *снека* (см. Срезневский, т. 3, с. 453, 1598). Этот древнерусский термин Ф. Миклошич сравнил с др.-швед. snækkia

(Miklosich, EW, с. 341). Возможность заимствования упомянутого термина из древнешведского языка подтверждается преимущественно севернорусским распространением древнерусского слова.

Кроме отмеченного выше слова *набой* в качестве наименования частей речных судов в деловой письменности Западной Сибири XVII — первой половины XVIII в. находим специальные термины *беть*, *матица*, *кокора*, *порубни*, *корга*, *гребь*, *кормовое* (*весло*), *поносное* (*весло*), *кружило*, *шакша*, *ольял* — эти слова представлены в цитированном в начале главы отрывке из тюменского источника 1721—1728 гг. Рассмотрим эти названия.

Словом *беть* называлось бревно, которое кладется и закрепляется поперек судна, с борта на борт (см. СлРЯ, вып. 1, с. 182; в обеих приведенных здесь цитатах речь идет о бети на дощанике). Аналогичную реалию называет слово *беть* и в современных севернорусских говорах: вельск.-помор., карел. (СРНГ, вып. 2, с. 284; здесь же см. *бетать-нашесть* арханг. 'то же'). Из числа современных западносибирских говоров, сохранивших термин *беть*, следует назвать среднеобские старожильческие (см. Том. сл., т. 1, с. 36), носители которых широко занимаются рыбным промыслом и вследствие этого сохраняют в большей степени традиционные виды речных судов (и особенности терминологической лексики), чем, скажем, носители говоров Новосибирской области.

Любопытен пример употребления слова *матица* в тюменском источнике 1721—1728 гг. Это слово имеет здесь разные значения: в одном случае им назван киль судна, в другом — 'верхний брус, который держит кровлю' (т. е. выступает как строительный термин). Что касается обозначения рассматриваемым словом киля судна, то здесь можно привести в качестве сравнения арханг. *матица* 'киль судна, исподний продольный брус, лыз, на котором укреплен весь остов, опруги, стамик и водорез' (Даль, т. 2, с. 308).

Кокора до сих пор существует не только в говорах, в том числе и в западносибирских, но и в литературном языке как специальный термин, обозначающий нижнюю часть ствола хвойного дерева с изогнутым корнем, идущую на постройку деревянных судов (СРЯ, т. 2, с. 89; СРНГ, вып. 14, с. 93). Однако в нашем тексте словом (отмеченная форма множественного числа не позволяет определить род слова) названы готовые детали для низа (днища и бортов?) и верха (кровли) дощаника, ср. зафиксированное только в Сибири слово *кокор*: иркут. *кокор* 'шпангоут плоскодонного судна-карабаса', том. *кокор* 'дугообразная распорка на днище лодки' (СРНГ, Там же).

Относительно слова *порубни* М. И. Белов замечает, что им в современных поморских говорах называют распиленные вдоль на две части толстые стволы деревьев, «идущие по бокам судна на уровне ватерлинии для придания прочности всему каркасу»[7].

Слово *корг* представлено, кроме тюменского источника, тобольским примером: «У тог(о) дощанника коргъ л(ъ)домъ изломано и впред(ь) в ход не годитца» (Тобол., 1666 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 2, № 488, л. 413). Данным термином в архангельских, беломорских, енисейских и красноярских говорах назывались пятевни посовой части судна (СРНГ, вып. 14, с. 312). В связи с тем, что в тюменском источнике встречается словосочетание *задний корг*, более подходит для сравнения значение слова *корг* на беломорских говоров — 'посовая и кормовая части судна, если их пятевни имеют одинаковую форму', ср. также арханг. и иркут. 'вертикальные стойки на носу и корме, к которым прикрепляются доски боковых стенок' (СРНГ, Там же).

В словаре В. И. Даля (т. 4, с. 272) к слову *сопец* 'руль, правило, кормило, стерно...' приводятся пометы «сиб.» и «стар.». Для начала XVII в. это слово отмечается в северно-русских (арханг.) говорах: sopeats 'the rudder' (кормовое весло) (Словарь-дневник, с. 73). Приведем примеры: «Один сопецъ, один парусъ» (Чаус., 1747 г., ГАНО, ф. 104, № 2, л. 6), «Къ сопцам нагужи мерою дватцать семь саженъ» (Чаус., 1747 г., Там же, л. 123), «Два причала и къ сопцу нагужь мерою семпатцать саженъ» (Чаус., 1747 г., Там же, л. 126) и др.

Я. Калима полагал, что *сопец* является финно-угорским заимствованием: из эст. saps, род. п. sapsu 'руль', лив. saps — то же[8].

Рассматриваемые ниже термины *шакша*, *ольял*, *дроги*, *ноги* не отмечены современными записями западносибирской диалектной речи.

Шакша в тюменском источнике 1721—1728 гг. называет род каюты, помещение на судне, ср. *шакша* новг. 'рогожный шалаш на лодке, тихвинке, для бурлаков; срубец на лодке, барке, казенка для варева, кухня...', арханг. 'полуют или полубак на шняке' (Даль, т. 4, с. 619).

Без региональных помет у В. И. Даля приведен термин *ольял* 'будка на барках у льяла, для водолива; казенка' (т. 2, с. 672).

Дроги (мн. ч.): «Варовыхъ веревокъ дрогъ и ногъ тритцать пять саженъ» (Тюмен., 1701—1709 гг., ГАТОТ, ф. 46, № 3692, л. 14), «Одна бичева новая мерой шездесять са-

женъ, два дрога мерою дватцать четыре сажени» (Чаус., 1747 г., ГАНО, ф. 104, № 2, л. 123). А. Подвысоцкий (с. 40) отмечает слово *дрог* для архангельских говоров — 'фал, снасть для поднятия паруса или рея'. Беломор. *дрог* с тем же значением со ссылкой на А. И. Федорова и К. С. Багдина приведено в словаре Н. А. Цомакиои (с. 125).

В цитированном выше тюменском примере 1701—1709 гг. употребляется и другой термин — *ноги* (мн. ч.). Слово это было известно в северных говорах и означало 'ванты (снасти стоячего такелажа, которыми удерживаются мачты с боков)'.

Наименование компаса *матка* в современных говорах Сибири уже утрачено. Так, в Картотеке СРНГ отсутствуют записи этого слова даже для XIX в., между тем этот беломорский термин (см. Даль, т. 2, с. 307) бытовал в Сибири и в XIX в., ср.: «В Сибири в тайгу без матки не ходят, без нее беда, пропадешь» (А. Мельников-Печерский. В лесах). Широко представлено данное название компаса в исследуемых источниках: «Шесть матокъ неметцких малыхъ» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 156 об.), «Пят(ь) маток ставных деревянных рубль, две матки медных малых дватцать алтынъ» (Верхотур., 1637 г., Там же, л. 189), «2 каюка, 6 лоток набойныхъ, 2 струга, 44 лотки малых, 5 маток кочевыхъ» (Тобол., 1666 г., Там же, оп. 1, ч. 2, № 488, л. 415) и др., ср. также: «...da ich denn sein Lager nachm Kompaß (welchen die Russen Matka nennen) ganz anders befand...» (Messerschmidt, кн. 2, с. 153).

В цитатах, приведенных в качестве иллюстраций к слову *сопец*, встречается термин *палуж* 'туж' (см. выше).

Русские говоры Западной Сибири до сих пор сохраняют слово *гребь* для обозначения весла, которым гребут, в отличие от весла, которым правят (см. Том. сл., т. 1, с. 109), ср.: «На дощанике шесть гребей, одна лотка завязная и с веслы» (Чаус., 1747 г., ГАНО, ф. 104, № 2, л. 123), «На тот дощанникъ зделат(ь) восем(ь) гребей, девятое кормовое, десятое поносное» (Тюмен., 1721—1728 гг., ГАТОТ, ф. 47, № 3697, л. 8) и др. В последнем из этих примеров словами *кормовое* и *поносное* названы весла, которыми правят на корме или на носу судна.

В целом приведенный выше материал свидетельствует о тесных связях западносибирской лексики судоходства XVII — первой половины XVIII в. с аналогичной северно-русской лексикой. Эти связи выражаются, во-первых, в том, что часть рассмотренной лексики была в изучаемый период территориально ограниченной и именно севернорусской, откуда и попала в Сибирь; во-вторых, в том, что некоторые

терминны, не будучи территориально ограниченными для того времени, обнаруживают отдельные, характерные для севернорусской терминологии судоходства черты употребления.

* * *

Лексика рыбного промысла представлена в основном наименованиями рыболовных орудий и их частей, а также некоторых видов промысловых рыб.

Для обозначения действия 'ловить рыбу' в наших текстах используются словосочетания *ловить рыбу*, *промышлять рыбу*, *стоять неводом* и слово *удить*: «Осенью на томъ песку стоять неводом и промышляють недел(ъ) по осми и по девяти» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 214, л. 230 об.), «Ловять де они рыбу у запору удою и мордами» (Тобол., 1704 г., Там же, л. 276), «Домовые кр(е)стьяне рыбу промышляють своими малыми неводками» (Тобол., 1704 г., Там же, л. 222 об.), «Крестьяне удами удять ершей и окун(ъ)ков, и чабаковъ» (Тобол., 1704 г., Там же, л. 223) и др.

Словосочетание *рыбная ловля* означало 'угодье, участок, отводимый для рыбной ловли': «С рыбных ловел(ъ), с неводов и съ езов, и с речек, и с озер на рыбных ловцах оброку взято 145 рублев 14 алтынъ 3 де(нег)» (Тобол., 1686 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 2, № 788, л. 148) и др.

Отмеченные выше словосочетания и слова в XVII—XVIII вв. не были локально ограниченными, равно как и слово *тоня* 'одна закидка невода; улов рыбы, получаемый при одной закидке невода': «Весною и осенью бывает на ден(ь) тоней по пяти» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 746, л. 230 об.).

Что касается слова *сад*, то оно стало диалектным ближе к нашему времени. В наших примерах это слово имеет значение 'место для хранения пойманной живой рыбы, обычно загороженный водоем': «Из Иртыша из саду, который имеетца против рыбного ряду, унесли саженыя ево рыбы щуки и окуни, и под(ъ)яски, и палимы... видел, какъ тое ево Сагина рыбу ис тово саду вынимали татары два ч(е)л(о)в(е)ка» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 500), «Покрали у них из саду сажепую всякую белую рыбу» (Тюмен., 1737 г., ГАТОТ, ф. 47, № 4312, л. 2). Отмеченное уменьшительное образование *садок* называло переносное приспособление для хранения живой рыбы: «Для продажи

свежей рыбы саткомъ быть в указанных местах» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 19, л. 2).

Слово *сад* 'специально огороженная часть водоема, куда временно опускается пойманная рыба в целях ее сохранения' широко известно современным русским говорам Западной Сибири[9].

Ез (*ез*): «С рыбных ловел(ъ), с неводом, и съ езов, и с речек, и с озер на рыбных ловцах оброку взято 145 рублев 14 алтынъ 5 де(нег)» (Тобол., 1666 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 2, № 488, л. 148), «Ловятъ де они на тех озерах рыбу летом и зимою запорами и езами» (Тобол., 1704 г., Там же, оп. 5, № 746, л. 293), «Против ево пролубей зимним временем рыбных езовъ и заворов преж сего нихто де не гораживал..., около того своего [illegible] скота огород загородили» (Тюмен., конец XVII — начало XVIII в., ГАТОТ, ф. 47, № 74, ч. 1), «Из пих саду рыбу выпустил и по выпуску де той рыбы ниже саду загородил ез, и ставил котцы, и ловил тое выпускную рыбу воровски» (Тюмен., 1737 г., Там же, № 4312, л. 2) и др.

В число говоров, которым известно слово *ез* 'преграда из свай, кольев, вбитых в дно реки и оплетенных прутьями, с промежутками, в которые вставляются рыболовные снасти: закол', входят северно-, средне- и южнорусские говоры, при этом обращает на себя внимание тот факт, что шире всего данное слово распространено в севернорусских говорах (СРНГ, вып. 8, с. 328).

Слово *езъ* впервые отмечено в Жалованной грамоте польского короля Казимира после 1340 г. (Срезневский, т. 1, с. 821). В XIV—XVI вв. данное слово «преимущественно употреблялось в языке Московской Руси и северных областей Русского государства»[10]. Действительно, данные грамот XIV—XVI вв., относящихся к московской, рязанской, суздальской, муромской, холмогорской местности, позволяют сделать вывод о довольно широком употреблении данного слова в то время (АРГ, с. 190; АСЭИ, т. 3, с. 17, 146, 277, 378, 463, 476; АХУ, кн. 2, с. 45). Учитывая этот факт и сопоставляя его с похожей картиной распространения слова *ез* в современных говорах Европейского региона, можно считать, что и для XVIII в. ареал распространения изучаемого слова в русских европейских говорах был приблизительно таким же, т. е. широким, охватывающим говоры северной, средней и южной части Русского государства.

Рус. *ез* (*езъ*) восходит к праслав. **jězъ*, представленному в большинстве славянских языков: болг. *яз* 'запруда, дамба', макед. *јаз* 'запруда, отводной канал', серб.-хорв. *јâз*

'отводной канал у плотины', 'русло, углубление, канава', 'пруд, мельничная запруда', 'запруда, дамба', словен. jêz 'дамба, плотина', чеш. jez 'запруда, плотина, дамба', словац. (кн., стар.) jaz 'дамба, гать', польск. jaz (диал. jaź) 'мельничная запруда', 'закол, перегородка на реке для задержания и ловли рыбы', укр. *їз, яз* 'запруда речки для ловли рыбы', белорус. *яз* 'учуг (рыболовная снасть)' и др. (см. ЭССЯ, вып. 6, с. 59). Сравнивая эти славянские слова с прус. asy 'межа', В. Н. Топоров вновь подтверждает их связь с балто-славянским названием озера (прус. assaran, лит. ẽžeras, рус. *озеро* — Топоров, т. 1, с. 121).

Материалы Картотеки СРНГ свидетельствуют о том, что слово *ез (яз)* широко было известно в русских сибирских говорах XIX — начала XX вв., сохраняется оно и в современных тобольских, среднеобских и новосибирских говорах.

Котцы: «В том же озере бывает рыба караси, а ловятъ котцами, ...а котцы де они делаютъ сами» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 746, л. 266—266 об.), «Ниже саду загородил ез и ставил котцы, и ловил тое выпускную рыбу воровски» (Тюмен., 1737 г., ГАТОТ, ф. 47, № 4312, л. 2). В словаре В. И. Даля слово *котцы* указывается как сибиризм (со значением 'плетневый перебой через речку для удержания и ловли зашедшей туда рыбы, особ. омулей; легкий учужек, закол, забойка') в отличие от *котец* 'ставная рыболовная мережа, кентер' и *коты* 'ловушка в устьях рек на рыбу; четырехугольная огорожа плетнем, с запоротами', идущих без региональных помет или отмеченных для других регионов (Даль, т. 2, с. 179). В Опыте 1852 г. (с. 91) слово *котцы* в интересующем нас значении указывается как иркутское. Действительно, слово *котцы* 'перегородка из кольев и брусьев в речках для ловли около Байкала рыбы, омулей; почему они и называются котцовыми омулями' приведено в рукописном словарике иркутских областных слов А. И. Сулоцкого, обнаруженном нами в одном из фондов ГАТОТ (см.: ф. 144, № 59, л. 8; рукопись датируется нами приблизительно серединой XIX в.)[11].

Наименование *котцы* (*котец, коты*) праславянского происхождения, но из других славянских только украинский знает слово *котець* как наименование рыболовного сооружения ('камышевая загородь в виде почти сомкнутого круга, стоящая в воде для ловли рыбы') (Гринченко, т. 2, с. 292). В других славянских языках значения сопоставляемых слов группируются вокруг 'помещение для животных', ср. серб.-хорв. *кȏт, кȏтац* 'небольшой хлев для ягнят, козлят, курятник', словен. kótec 'курятник, свинарник', польск.

kojec 'курятник, перегородка в хлеву' при др.-польск. kociec 'клетка, садок', по чеш. kot, kotec 'маленький дом' (Фасмер, т. 2, с. 351—352). Таким образом, сиб. *котцы* можно рассматривать как дальнейшее развитие восточно-славянского названия рыболовного сооружения с данным корнем, но как развитие, коснувшееся в первую очередь не семантической стороны слова, а формальной, ср. на сибирской почве произошла лексикализация формы множественного числа.

Относительно происхождения данного термина рыбного промысла А. М. Рот пишет, что в славянских и германских (например, н.-нем. kote 'хижина из коры деревьев и прутьев') языках корень этого слова восходит к фин.-угор. kot 'домик' (венг. haz, хант. kŏt/kāt/xāt, мок.-морд. kut, мар. kudo, фин. kota 'дом, жилище').

Запор: «В тех озерах в вешнее время в бол(ь)шую воду ловять они рыбу чабаки и окуни мелкие у запору мордами» (Тобол., 1701 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 746, л. 266), «На реке Тоболе ловять рыбу в запоре двумя мордами» (Тобол., 1705, г., Там же, л. 302) и др. В русских говорах XIX—XX в. слово *запор* как наименование рыбозаградительного сооружения, которым рыбаки перегораживают реку, водоем, было известно как северно-, так и южнорусским говорам (см. СРНГ, вып. 10, с. 345). В современных говорах Сибири данное название встречается в их западной части (тобол., том., обь-енис., новосиб.).

Приведенные выше примеры из западносибирских источников XVII — первой половины XVIII в. дают параллельное употребление некоторых наименований для рыбозаградительного сооружения (*ез — котцы, запор — ез*), что, по всей видимости, свидетельствует о различии в самих реалиях, названных этими словами. Во всяком случае, наименование *котцы* обозначало ловушку, которая ставилась на ез, а обозначение словом *котцы* самого рыбозаградительного сооружения — явление, очевидно, более позднее. Вполне вероятно, что слова *ез* и *запор* могли называть подобные в функциональном отношении реалии (рыбозаградительные сооружения), различающиеся устройством. Показателен в этом отношении современный западносибирский материал, который, кстати сказать, не обнаруживает единства в употреблении этих терминов. Сравнением могут служить среднеобские старожильческие и новосибирские говоры.

Говоры Новосибирской области сохранили все три приведенные выше термина. При этом с точки зрения развития форм этих слов следует указать на функционирование в говорах фонематических вариантов *ез/яз*, а также на по-

явление слова *заездка* — по происхождению производного от *езъ* с последующим фонематическим изменением (по-видимому, здесь имела место народная этимология: *ез, заездка — езда, (по)ездка*). Семантика данных терминов совпадает: все они обозначают перегородку на реке из прутьев, кольев, жердей с промежутками, в которые вставляются различные ловушки. Возможно, сами реалии имеют свои особенности, но лингвистический материал не позволяет их установить,— это задача специального (этнографического) исследования. Для нас важно, что функциональных различий у этих реалий нет. Как уже было отмечено, слова *ез* (также *яз, заёздка*), *запóр, котéц* (*котцы*) в новосибирских говорах обозначают перегородку на дне реки, но если первые четыре слова имеют только это значение, то наименование *котец* (*котцы*) многозначно. Кроме обозначения перегородки на дне реки (более позднего в истории слова) или вбитого по кругу частокола на дне озера, слово в новосибирских говорах сохраняет древнее значение — 'сплетенная из прутьев рыболовная ловушка' (ср.: *Котец из прутьев круглый плетут, как морду...; котцы плетутся из прутý, ракита берется, котцами ловят в болотах.*— Новосиб. сл., с. 243). Кроме того, в данных говорах в качестве наименования, синонимичного словам *яз, ез, заездка, запор* и *котец, котцы* (при обозначении рыбозаградительного сооружения), зафиксировано слово *плот*, вторичность употребления которого в сфере рыболовства несомненна, ср. другие значения этого слова в говорах Новосибирской области: 'приспособление из связанных жердей, которыми придавливают погруженный в воду лён для вымачивания' и 'изгородь из жердей'.

В говорах Среднего Приобья отмечена несколько иная картина. Этим говорам не известно наименование *ез*, но в них употребляется его производное *заёздок* 'перегородка в реке для ловли рыбы мордой и подобными орудиями лова' (здесь и далее используется материал Том. сл., т. 1—3). Слово *запóр* обозначает также рыбозаградительное сооружение, аналогично и употребление наименования *котéц* (*котцы*), служащего для обозначения плетеной из прутьев рыбозаградительной стенки с узким горлом. В этих говорах утрачено не только слово *ез* (оно было известно здесь в значении 'рыбозаградительное сооружение' в XVII в.—см. Палагина, с. 47), но и традиция употребления слова *котец* (*котцы*) для обозначения рыболовной ловушки. Наряду с этим данные говоры знают и другие обозначения рыболовной плотины (перегородки на реке) — заимствования из ме-

ступых языков *ма́рамджа*, *таўр*, *тюнёк*. При этом носители говоров сами осознают вариантность приведенных названий (см. соответствующие словарные статьи Том. сл.).

Факт появления новых терминов в системе говоров, располагающих уже давней традицией употребления каких-то наименований, примечателен [12] (ср. новосиб. *плот*, ср.-об. *марамджа* и другие заимствования) и, очевидно, объясняется различными причинами. С одной стороны, новое наименование может появиться для обозначения функционально той же реалии, но с какими-либо отличиями. Например, новосиб. *плот*, которое, обозначая рыболовную плотину из кольев, переплетенных ивовыми прутьями и вбитых в дно реки, сохраняет внутреннюю форму и тем самым точно отображает средствами языка специфику реалии. С другой стороны, появление новых терминов могло возникнуть в результате длительных контактов с аборигенами края, ср. том. *марамджа*, *таур*, *тюнек*, тюмен. *лимас*.

Сак: «Кибасовъ и паплавов, и смолы, и мотни, и саковъ на двацат(ь) на три рубли с полтиною» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 746, л. 240), «Три сака рубль, два сака две гривны» (Тобол., 1704 г., Там же, л. 231). Данное слово — общеславянское название одного из видов рыболовной сети, ср.: болг. *сак* 'рыболовная сеть', словен. sȁk 'рыболовная сеть', чеш., словац., польск. sak 'сак (рыболовный)', в.-лужиц. sak 'сеть', укр. *сак* 'рыболовный снаряд: сак' при серб.-хорв. *сак* 'мешок для сена' (см. Фасмер, т. 3, с. 546; Гринченко, т. 4, с. 97). По своему происхождению рассматриваемый термин в славянских языках является, скорее всего, заимствованным, однако со всей определенностью назвать язык-источник заимствования пока не представляется возможным (ср. Фасмер, там же; Machek [2], с. 536).

В русских говорах Западной Сибири слово *сак* в XIX в. и сейчас обозначает рыболовный снаряд в виде мешка из сети на обруче, прикрепляемый к длинному шесту.

Рыболовный снаряд в виде плетенки из ивовых прутьев, верши называло и до сих пор называет слово *верша* (см. ССРЛЯ, т. 6, с. 1256). В качестве территориально ограниченного наименования этой же реалии областные словари фиксируют термин *мо́рда́*. По свидетельству «Советской сибирской энциклопедии», это орудие лова служит для добычи ходовой рыбы и широко распространено на всех реках Сибири (ССЭ, т. 3, с. 552). Из числа современных западносибирских говоров данное наименование отмечено в тобольских, томских, кемеровских и других говорах. В русские

говоры Сибири слово для обозначения соответствующей реалии пришло из речи севернорусов (так, например, *морда* 'верша, ловушка для рыбы' известно было олонецким, архангельским, вятским, пермским говорам). О северной территории начального бытования слова *морда* в русском языке говорит и тот факт, что оно является финно-угорским заимствованием. В качестве возможных слов-источников заимствования Я. Калима приводит фин. merta, карел. merda, вепск. mérd, эстон. mõrd, 'верша', лив. mõrda, mürda, а относительно происхождения в русском языке формы *морда* (при отмеченной исследователем в русском источнике XV в. форме *мерда*) пишет, что замена передних гласных гласными более заднего ряда при освоении финно-угорских заимствований в русском языке — явление довольно типичное[13].

В нашей выборке слово *морда* представлено примерами из источников первой половины XVIII в.: «В тех озерах в вешнее время в бол(ь)шую воду ловятъ они рыбу чабаки и окуни мелкие у запору мордами, ...а морды делают сами» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 746, л. 266), «Ловятъ де они на той рыбной ловле рыбу летом и зимою пълетецкими мордами по возу и бол(ь)ши» (Тобол., 1704 г., Там же, л. 295), «Ловят рыбу четыр(ь)ми мордами» (Тобол., 1705 г., Там же, л. 301 об.), «...diese Reiser, so die Lateiner nassam nennen, heißen im Kistim-Tatarischen *Sugen*, im Russischen *morda*» (Messerschmidt, кн. 1, с. 227) и др.

В качестве областного со значением 'род рыболовной снасти' слово *самолов(ы)* приведено в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова (т. 4, с. 36), но у В. И. Даля (т. 4, с. 134) и в ССРЛЯ (т. 13, с. 109) оно не сопровождается ограничительными пометами и имеет более широкий семантический объем — называет не только род рыболовной снасти, но и самодействующую ловушку на зверя или птицу. Приведем пример: «Девяти самолововъ, которые у него стояли в реке Тоболе, не крадывали» (Тобол., 1746 г., ГАТОТ, ф. 661, № 83, л. 289).

Для обозначения рыболовных сетей в изучаемых памятниках встречаем такие слова, как *сеть-пущальница*, *бредник*, *невод*. Рассматривая эти наименования, Н. Е. Попова отмечает разную длину данных рыболовных снастей: «Если невод... достигает 20—100 саженей, бредник — 10, то сеть, как правило, не превышает 3—10 саженей и лишь в редких случаях равняется 20 саженям»[14]. Действительно, в наших материалах невод называет наиболее длинную рыболовную снасть, а вот бредники достигали в длину и сорок саженей, ср. *невод*: «Невод длиной в двести пят(ь)десятъ саженъ

на саду, в высоту семь саженъ» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 746, л. 228), *бредник*: «Ловит рыбу бредником шти сажен печатных» (Березов., 1642 г., Там же, оп. 4, № 21, л. 307 об.), «Опъ ловитъ рыбу бредником от д(е)р(е)вни своей в близости по тобол(ь)ным плесам и по заливамъ, а бредникъ мерою сажень двадцати и бол(ь)ши» (Тобол., 1704 г., Там же, оп. 5, № 746, л. 264), «Ловле рыбе бываетъ бредникомъ сорокасаженъным» (Тобол., 1704 г., Там же, л. 286) и др. Отличие бредника от невода — в длине снасти, как уже говорилось, но это отличие было связано и с отличием в назначении реалий: бредник — рыболовная снасть для ловли вброд в мелководных местах. Ряд западносибирских примеров XVII—XVIII вв. свидетельствует о том, что слово *невод* выступало как обобщенное наименование по отношению к слову *бредник*, т. е. семантика первого слова перекрывала семантику слова *бредник*, на это указывают употребления типа «невод бредник»: «Ловятъ они рыбу малыми неводами бредниками тол(ь)ко в вешнее время» (Тобол., 1704 г., Там же, оп. 5, № 746, л. 263), «Промышляют они рыбу малыми неводами бредниками, мерою бредники по двадцати и по пятнатцати саженъ» (Тобол., 1704 г., Там же, л. 267) и др.

Кроме значения 'рыболовная снасть', слово *невод* отмечено нами для обозначения рыбной ловли: «Рыбная ловля с Барневског(о) неводу» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 1095). Современные говоры Западной Сибири располагают литературным словом *невод* в качестве обозначения рыболовной снасти, а значение 'рыбная ловля' у этого слова в свободном (фразеологически не связанном) употреблении не зафиксировано, ср. *том. на неводу быть (работать и т. п.)* 'занимаясь рыбной ловлей' (Том. сл., т. 2, с. 186). Значение 'рыбная ловля' у слова *неводъ* русскими памятниками фиксируется с XIV в., тогда как невод 'большая рыболовная сеть' отмечено уже в Остромировом евангелии (см. Срезневский, т. 2, с. 361). Данный термин является праславянским, в качестве наименования орудия рыбной ловли он известен современным славянским языкам (болгарскому, чешскому, польскому и др.). В. Махек вообще считает этот термин «праевропейским» (Machek[2], с. 398). Возможно, обозначение рассматриваемым термином орудия рыбной ловли вторично. Первоначально слово могло употребляться для обозначения места рыбной ловли определенным способом (ср. лат. vadus, м. р., vadum, ср. р. 'мелкое место, мель', 'дно, глубь', 'мелководье': piscis, qui in vado vivit; 'воды; море' при vado II 'переходить вброд'

и vado I 'идти, отправляться; направляться и т. д.' — Дворецкий, с. 1054), а затем на основе переноса по смежности (*vodъ, на основе которого возникло *nevodъ) — для обозначения орудия рыбной ловли. Связь понятий движения и воды сохранили славянские *brodъ, *bresti и их производные. У слова nevod на славянской почве произошло обособление значения, оно сохранилось в сфере рыбного промысла. Глагол *voditi (итератив к *vesti), утратив традицию употребления в данной сфере, сохранился лишь для передачи движения. Памятники древнерусской письменности сохранили *водецъ* 'рыболовная снасть' (СлРЯ, вып. 2, с. 251), которое явно указывает на вторичность формы *невод*, где *не-* представляет собой отрицательную частицу, употребляемую по мотивам табу (Фасмер, т. 3, с. 56). Возможно, что семантика сев.-рус. и сло. *вожъ* 'лоцман' может свидетельствовать о древнем употреблении слов с этим корнем в кругу специальной лексики рыболовства.

Слово *сеть* встречаем в составе таких словосочетаний, как *переметная сеть* и *сеть пущальница*. Первое из них называло сеть, которая ставится поперек реки (водоема) и закрепляется на кольях (см. Даль, т. 3, с. 67), второе — также закрепляемую неподвижно сеть, ср. арханг. *пущальница* 'рыболовный невод, длиною около ста сажен; его ставят на отмелях на два кола, вколоченные в дно реки' (Опыт). Возможно, в наших текстах оба отмеченных словосочетания называли одну и ту же реалию: «Ловятъ де они на том озере рыбу летом малыми сетми переметными» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 746, л. 291 об.), «Сеть рыболовная пущал(ь)ница, полтина» (Верхотур., 1637 г., Там же, № 32, л. 19 об.), «Сет(ь) малая пущал(ь)ница» (Верхотур., 1637 г., Там же, л. 263 об.) и др.

Близкими по значениям были, по-видимому, слова *дель*, *мережа*. Первое из них широко известно в восточнославянских языках, где этим словом обозначалась часть невода, сети, полотнища сети, ср. ст.-рус. *дель* 'часть, доля', 'часть невода' (СлРЯ, вып. 4, с. 209), укр. диал. *дель*, *диль* 'полотно рыбачьей сети вообще' (ЭССРЯ, вып. 5, с. 10). В русских говорах *дель* как наименование сети (реже части сети) отмечено во владимирских, беломорских, архангельских, пермских, донских и других европейских говорах, т. е. на диалектологической европейской карте отсутствует четкий ареал распространения данного слова, а это, бесспорно, связано с тем, что слово *дель* по употреблению в прошлом было общенародным.

В западносибирской письменности изучаемого времени словом *дель*, *дель* называется сетчатая ткань для невода,

ср.: «Триста три сажени делей неводных» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 15—15 об.), «Пятнатцат(ь) сажен делей неводных» (Верхотур., 1637 г., Там же, л. 162), «Пятьдесят сажен делей неводных» (Тобол., 1633 г., Там же, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 36), «Триста сажень делей неводных» (Тобол., 1682 г., Там же, оп. 5, № 259, л. 98 об.), «Тритцат(ь) пят(ь) делей неводных» (Тюмен., 1653 г., Там же, № 99, л. 23 об.) и др. В этом значении слово *дель* известно в современных омских, тюменских, томских, кемеровских и новосибирских говорах. В говорах Новосибирской области у данного слова произошло расширение значения: оно здесь обозначает также саму рыболовную сеть.

Слово *мережа* севернорусским говорам известно как название рыболовного снаряда в виде корзины, сплетенной из прутьев, или сетки, натянутой на обруч [16]. Слово это праславянского происхождения и для XV—XVII вв. отмечается в новгородских, онежских [17], псковских и двинских [18] памятниках. В говорах XIX—XX вв. изучаемое слово, кроме целого ряда севернорусских говоров, регистрируется и в некоторых южнорусских [19]. Между тем в XIV—XVII вв., а также в начале XVIII в., по свидетельству Н. Е. Поповой, данное слово употребляется «в памятниках письменности различного территориального происхождения, относящихся преимущественно к севернорусской территории (Псков, Устюг, Владимир, Северная Двина) или территории Сибири (Мангазея, Туринский и Пелымский уезды)» [20].

В нашем примере слово *мережа* не называет рыболовный снаряд, но так же, как и слово *дель*, обозначает сетчатую ткань невода: «А неводного заводу походит у них весною и осенью покупки мережь по тысяче по двести саженъ» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 746, л. 228), «Покупаютъ новые мережи и строятъ новой неводъ, а старых мереж иному лету походит малое число» (Тобол., 1704 г., Там же, л. 230), «Десят(ь) саженъ мереж неводных» (Тобол., 1735 г., ГАТОТ, ф. 661, № 35, л. 35 об.) и др. В связи с данным словоупотреблением обращает на себя внимание следующее значение к слову *мережа*, приведенное В. И. Далем с пометами «сев.», «пост.»,— 'рыболовная сеть в полотнищах без отделки' (Даль, т. 2, с. 631). Именно это значение получило дальнейшее развитие, преобразовавшись на сибирской почве в 'лоскутья невода, употребляемые в домашнем быту' (Дополнение, с. 113),— одно из значений данного слова в сибирских говорах XIX—XX вв.

Таким образом, для обозначения сетчатой ткани невода

рассматриваемая письменность фиксирует общенародное *дель* и локально ограниченное *мережа*. Первое слово, судя по нашей выборке, в западносибирских деловых источниках XVII—XVIII вв. встречается чаще.

Велико число отмеченных употреблений слова *прядено*. Оно имело широкое значение 'пряжа', называя как пряжу для изготовления шелковых, шерстяных, льняных и тому подобных тканей, так и нитки для вязания сети, невода: «Семьдесятъ мотов прядена неводиново пинежских дватцат(ь) одинъ рубль сорокъ, девят(ь) мотов прядена обметново четырнадцать рублев дватцать три алтына две деньги» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 11), «Прядена руковишного на гривну мотъ прядена неводи(ново)» (Верхотур., 1637 г., Там же, л. 206—206 об.), «7 мотовъ прядена неводного» (Тобол., 1625 г., Материалы, с. 24), «Полтора мота прядена неводного тросучново» (Тобол., 1633 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 32 об.), «Прядена шерстяного арщин 83» (Тобол., 1716—1719 гг., Пам. сиб. ист., кн. 2, № 39), «Четь пуда прядена неводного» (Тобол., 1682 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 295, л. 100 об.), «Восем(ь) мотовъ прядена изъгребнова» (Тюмен., 1717 г., ГАТОТ, ф. 47, № 527, л. 3), «Прядена ленного десять мотов (Тюмен., 1725 г., Там же, № 1739, л. 53 об.) и др.

Др.-рус. *прядено* 'прядиво, пряжа' отмечено в текстах начиная с XIV в. (Срезневский, т. 2, с. 1716). В старорусский период памятники письменности употребляют кроме него лексические единицы *пряжа* и *прядиво*: «От пряжи восмъ денегъ» (РИБ, т. 37, с. 11), «Дано старцу Давыду 5 алтынъ, что он давалъ отъ прядива на сети» (РИБ, т. 2, с. 295). В западносибирских текстах XVII — первой половины XVIII в. помимо слова *прядено* находим только малоупотребительное слово *пряжа*, ср.: «Два пуда пряжи неводной» (Тобол., 1633 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 177), «С вином лагушки не достала, а достала пряжю в мотах и той пряжи выдавала восем(ь) мотов» (Чаус., 1735 г., ГАНО, ф. 405, № 2, л. 143 об.) и др. Как видно из примеров, слова *пряжа* и *прядено* употреблялись для обозначения одних и тех же реалий.

В словообразовательном отношении рассматриваемая пара конкурирующих лексических единиц характеризуется отсутствием — наличием суффикса, а также противопоставлением по грамматическому роду, но непосредственными словообразовательными связями эти лексические единицы не обладают. Ср. *пряжа* ⟨*prędja — отглагольное существитель-

ное от *prędti, *prędo[n], а существительное *прядено* по происхождению является субстантивированной формой краткого причастия страдательного залога прошедшего времени от *прясть, пряду* (*prędti, *prędo[n]). Слово *прядено*, судя по материалам словаря В. И. Даля (т. 3, с. 533), известно архангельским говорам, где имеет значение 'пряжа'. В XVII в. *прядено* было также характерным для северно-русских говоров — это слово представлено в записи Рич. Джемса: prádana 'yarne (шерсть)' (Словарь-дневник, с. 78), в то время как в южнорусской и московской деловой письменности мы встречаем слово *пряжа*[21]. Возможно, что слово *прядено* в XVII — первой половине XVIII в. было ограничено территориально, употребляясь в севернорусских и сибирских говорах. В современных западносибирских говорах данное наименование, видимо, утрачено, по среднеобские говоры знают слово *прядево* 'кудель для пряжи' (Том. сл., Доп., в. 2, с. 139).

Слово *матня* в наших текстах обозначает конусообразный мешок в средней части невода, куда собирается пойманная рыба: «Три матни два рубли четыре гривны, два сада» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 746, л. 229), «Гибасовъ и наплавов, и смолы, и матни, и саковъ на двадцат(ь) на три рубли с полтиною» (Тобол., 1704 г., Там же, л. 240) и др. Слово это широко известно в современных русских говорах Западной Сибири, ССРЛЯ (т. 6, с. 1298) приводит его без ограничительных помет.

Для обозначения веревок, с помощью которых тянули сети, неводы, встречаем слова *бечева, конат*, а слово *тетива* (*титива*) имело значение 'веревка, на которой держится повод'. Это последнее слово в данном значении является областным, из числа западносибирских материалов XIX—XX вв. укажем *тетива* — тобол. 'канат, на который надет повод', южн.-сиб. 'веревка у невода, к которой привязывается сеть', том. 'веревка невода сети', ср.: «Прядена скани к тому неводу и на бечевы и на три рубли лыкъ на канаты и на титивы четыре сажени» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 746, л. 234—234 об.) и др.

Судя по материалам Картотеки СРГС, в русских говорах Сибири широко известны слова *наплав, наплавок* '(большой) поплавок у сети или невода'. Слово *наплав* и его уменьшительное *наплавок*, видимо, издавна входили в круг специальной лексики (ср. в ССРЛЯ, т. 7, с. 384: *наплав* спец. 'поплавок'), в связи с чем трудно говорить о локальной ограниченности этих слов. В тобольском источнике начала XVIII в. находим слово *наплав*: «Две тысячи на-

плавовъ четыре рубли» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 746, л. 234 об.), «Поводковъ х кибасамъ и наплавамъ шесть пуд пен(ь)ки» (Тобол., 1704 г., Там же, л. 244) и др.

Слово *кибас* в русских говорах наиболее употребительно в качестве названия грузила невода или сети (арханг., вят., беломор., печор., волог., костр., урал.— СРНГ, вып. 13, с. 193, здесь см. о распространении данного обозначения в современных тобольских, томских, нарымских говорах). В некоторых севернорусских и сибирских говорах у слова *кибас* появляется новое значение — 'поплавок' (СРНГ, там же). Однако в наших примерах в последнем значении отмечено слово *наплав*; употребляясь в текстах рядом с ним, слово *кибас* скорее всего имеет значение 'грузило', ср. «Конопля на веревки на вяски кибасовъ и наплавов полшести пуда» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 746, л. 288 об.), «Восмь тысячъ кибасов по гривне» (Тобол., 1704 г., Там же, л. 229) и др.

Рассматриваемое слово является заимствованием из финно-угорских языков, при этом форме в данном виде (*кибас*) слово обязано, видимо, контаминации двух слов: 1) *кивес* из олон. kives (kivekse-), вепс. kivez, фин. kives 'senkstein an der unterleine des fischnetzes' (kivi 'камень')[22], ср. рус. диал. (олон., онеж., урал.) *кивес* 'грузило невода или сети' (СРНГ, вып. 13, с. 196); *кибас* из люд. kubas 'zeichen am netz oder an der fischreuse', карел. kubaš 'netzeichnen', фин. kuvas 'schwimmholz am netz'[23], ср. рус. диал. (арханг., беломор., олон., псков. и др.) *кубас* 'поплавок' (СРНГ, вып. 15, с. 378; здесь же см. арханг., олон. *кубас* 'грузило у невода').

Слово *шах* русским говорам было известно и как название рыболовного снаряда[24], и как наименование приспособления, на котором сушили невод, ср. тобол. *шах*, *шахи* 'колья, на которых развешивается невод для просушки' (XIX в.). Именно это последнее значение отмечено у слова *шах* (*шахи*, мн. ч.) в тобольском источнике начала XVIII в.: «Тысяча шаховъ, что вешаютъ невод, полтина» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 746, л. 236 об.), «Смолы и веселъ, и шаховъ, на чем развешиваютъ неводы, на три рубли на восмь гривень» (Тобол., 1704 г., Там же, л. 238 об.) и др. М. Фасмер (т. 4, с. 415) предполагает заимствование этого слова из персидского языка (šāx 'сук') через посредство тур., чагат., таранч., вост.-тюрк. šaχ 'ветвь'. Ср. также азерб. *шах* 'ветка, ветвь', 'рог животных' (Шипова, с. 415; см. также Абаев, т. 3, с. 12—13).

В качестве наименований различных орудий, используемых в рыбном промысле, встречаем лексические единицы *пешня*, *острога*, *коза*: «Острога железная рыболовная, ...пешня восмь алтынъ две ден(ь)ги» (Верхотур., 1673 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 158), «Коза железная рыболовная ж изломана шесть алтынъ четыре деньги» (Верхотур., 1673 г., Там же, л. 2 об.) и др. Словом *коза* назван вид светца, используемый при ночном лове рыбы. Первые два термина известны в современном литературном языке, а слово *коза* известно лишь говорам, в частности, в современных среднеобских и новосибирских говорах оно отмечено в том же значении, что и зап.-сиб. XVII в. *коза*.

Изучаемые источники интересны тем, что они свидетельствуют о распространении в русских западносибирских говорах того времени лексики, обозначавшей специфические реалии Сибири, но с течением времени вошедшей в русский литературный язык. В частности, такими словами были многие названия рыб. Примером может служить слово *нельма*. При толковании его ССРЛЯ (т. 7, с. 980) не дает ограничительных помет, но еще в XIX в. распространение этой лексической единицы было связано с определенной территорией, ср. *нельма* 'сибирская рыба из рода лососей, Salmo nelma' (Даль, т. 2, с. 522)[1], ср.: «А рыба бывает в улове: пел(ь)мы и стерляди, и яи, и плотицы» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 746, л. 221 об.). В этом же тобольском источнике встречаем другие наименования рыб: «Рыба в том озере: щуки пебол(ь)шие, плотицы и окуни, и сырки» (л. 222), «Крестьяне удами удят ершей и окун(ь)ков, и чабаков» (л. 223), «Рыба в озерах: щуки, пел(ь)мы, под(ъ)яски, сырки, плотки да окун(ь)ки» (л. 223 об.), «В промыслу рыбы бываетъ: щуки, ерши, окуни, чебаки» (л. 258). В приведенных примерах отмечены такие названия рыб, как *ерши*, *нельма*, *окуни* (*окуньки*), *плотицы* и *плотки*, *подъязки*, *стерляди*, *сырки*, *чабаки* и *чебаки*, *щуки*, *яи*. В некоторых других западносибирских текстах встречаем также название рыбы *муксун*: «Кужма рыбы сухие мукеуповъ» (Верхотур., 1637 г., Там же, № 32, л. 44), «Покрали... рыбы соленой: осетра да мукеупов, щукъ и язей пуда с три» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 528).

Разумеется, далеко не все из числа приведенных названий рыб в XVII—XVIII вв. имели локально ограниченное распространение. Кроме отмеченного выше слова *нельма*, такими, по всей видимости, были *сырок*, *муксун*, *чебак/чабак*, *плотица/плотка*. Так, слово *сырок* (из хант. sarə̑ɣ)

'вид лосося' в XIX в., по свидетельству В. И. Даля (т. 4, с. 376), бытовало в томских и сургутских говорах. В нашей выборке оно отмечено в верхотурских и тобольских источниках: «Сто сырковъ да пятдесять муксуповъ рыбы сухие» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 52).

Давая определение слову *муксун* (Varietas salmonis eperlani), САРазб (т. 3, с. 890) отмечает, что данная рыба «водится в реках сибирских». Относительно происхождения слова *муксун* нет единого мнения. М. Фасмер считал его заимствованием из греческого языка (μουξουνι: μυξων 'Schleimfisch, Rotzfisch')[26], М. Рясянен считает рус. *муксун* заимствованием из якут. muksun (Räsänen, с. 343). Известный специалист в области ихтиологической терминологии А. С. Герд относительно этого наименования пишет: «...слово *муксун* первоначально заимствовано русскими на Оби, по-видимому, именно из соседних ханты-мансийских диалектов. Отсюда оно прежде всего попало на Печору, а через торговцев рыбой, русских и коми, с Печоры и низовьев Оби оно проникает в XVII в. в тексты деловых документов, составленных на Севере»[27].

Наши тексты фиксируют вариантные формы *чабак* и *чебак*, которые являются заимствованием из тюркских языков (Горяев, с. 409; Räsänen, с. 99), ср. др.-тюрк. čabaq 'мелкая рыба' (ДТС, с. 135). В нашей выборке, кроме отмеченных примеров, это слово зарегистрировано в тюменском источнике XVII в.: «Два воза рыбы: чабаков и карасей» (Тюмен., 1699 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 290), «Взеты на тюменской покупки три волочюги рыбы щукъ и чебаков» (Тюмен., 1699 г., Там же, л. 337). Что касается наличия разных гласных в первом слоге (*а* : *е*), то подобные случаи нередки при фонематическом варьировании слова (ср. *чарки*: *черки*: *чарки*).

Наименования *плотица*, *плотка* являются, по-видимому, праславянскими образованиями, во всяком случае, они широко известны в славянских языках[28].

В целом анализ лексики рыбного промысла свидетельствует о том, что использование большинства лексических единиц этой группы не было территориально ограниченным для рассматриваемого времени: они имели общенародный характер, но употреблялись, по-видимому, прежде всего в профессиональной речи. Последнее в большей степени относится к наименованиям орудий рыбной ловли и их частям. Что касается той части лексики, которую можно квалифицировать как локально ограниченную, то здесь надо иметь в виду широкий ареал распространения многих из

этих слов (т. е. бытование на севере, юге и в средней полосе Русского государства того времени), ср.: *ез*, *шах* и др. Меньшую, но весьма показательную (с точки зрения определения «материнских» говоров для формирующихся русских говоров Западной Сибири XVII — первой половины XVIII в.) часть составляет лексика с более узким ареалом распространения в русских европейских говорах, так как это — северорусская по происхождению (территории предшествующего функционирования) лексика, например: *морда*, *кибас*, *пущальница*. Собственно сибирские лексические инновации представлены незначительным числом, и, как правило, это названия рыб, ср. *сырок*, *муксун*. Что касается термина *котцы*, на сибирский характер которого указывают многие словари, то следует учитывать его соответствие в украинском языке, а этот факт может свидетельствовать о том, что сибирские говоры лишь сохранили данный термин, утраченный русскими «материнскими» говорами.

* * *

Среди названий пушных зверей, промышляемых в Западной Сибири XVII — первой половины XVIII в., находим и общенародные слова, и областные. Последние, как правило, называют определенные виды животных, т. е. эти наименования носили уточняющий характер, при этом уточнение могло идти по признаку 'особенности меха (шкурки) животного' или по признаку 'возраст животного'. Например, наряду с общенародным словом *лисица*, называющим само животное и его шкурку, встречаются наименования лисы *белодушка* и *сиводушка*.

Белодушка 'шкурка животного (чаще лисы) с белым мехом на передней части шеи, груди': «Семь лисиць белодушекъ» (Тобол., 1739 г., ГАТОТ, ф. 661, № 51, л. 131), «Десять лисиць белодушекъ» (Тобол., 1739 г., Там же, л. 230). Данное наименование животного и его шкурки известно и в современных русских говорах Сибири, том. *белодушка* 'вид лисы: лиса с белой грудью' (Том. сл., т. 1, с. 32). По данным Картотеки СРГС, в XIX в. в тобольской местности рассматриваемым словом могли называть лисицу и куницу, в енисейской местности — белку. Слово *белодушка* образовано при помощи сложения прилагательного *бел(ый)* и существительного *душка*, ср. ст.-рус. *душка* 'мех с шеи, груди животного' (СлРЯ, вып. 4, с. 392). В нашей выборке отмечено прилагательное *душчатый* 'изготовленный

из меха с шеи, груди животного': «Не явилось женской епанечки голевой, цветом голубая, мех лисей черевей, полы чернобурые, воротникъ душчатый чернобурой же» (Тобол., 1739 г., ГАТОТ, ф. 661, № 47, л. 422).

В современных старожильческих говорах Томской и Кемеровской областей слова *белодýшка* и *сиводýшка* выступают как синонимы [29] — 'вид лисы с белой грудью'. В западносибирских источниках XVII — первой половины XVIII в. наименование *сиводушка* также встречается (очень часто употребляется прилагательное *сиводушчатый*), но значило ли оно то же, что и слово *белодушка*, судить на основании наших контекстов нельзя. Отношения слов *сиводушка* и *белодушка* могли быть и другими. Например, В. И. Даль так описывает сиводушку: «...северная сибирская порода красной лисы; по цепе между красною и чернобурою; у нее душка, горло темносивое, брюхо такое же или еще темнее» (т. 4, с. 181). Наши примеры: «Десять лисиць сиводушекъ» (Тобол., 1682 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 259, л. 30 об.), «Унесли три лисицы, в том числе две красные, а трет(ья) сиводушка» (Тобол., 1738 г., ГАТОТ, ф. 661, № 47, л. 430), «(Взял) лисицу чалу сиводушатую» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 147 об.), «26 лисицы красны сиводощъчаты (!)» (Тобол., 1666 г., Там же, оп. 1, ч. 2, № 488, л. 375) и др.

Как видим, оба рассмотренных наименования характеризовали лисицу (ее шкурку) в зависимости от окраски шкурки. Вид небольшой лисы (шкурку такой лисы) называло слово *корсак/корсок* — «Дватцат(ь) три корсока два рубли» (Тобол., 1633 г., Там же, ч. 1, № 44, л. 111), «6 шуб лисьих красных из корсаки, 8 одирков горностал(ь)ных» (Тарск., 1634 г., Там же, оп. 3, № 39, л. 7). По происхождению слово является тюркизмом, ср. тур., казан.-татар., бараб.-татар., чатат. *карсак* 'карсак, степная лисица' (Радлов, т. 2, с. 206; Räsänen, с. 238—239). Русская письменность данное наименование фиксирует с XVI в. (см. СлРЯ, вып. 7, с. 344: *корсакъ* и *корсокъ*). В форме *корсок* это слово известно современному литературному языку.

Лисицу, не достигшую зрелого возраста, обозначали словом *недолись* (Даль, т. 2, с. 513; ср. камч. *недолиса* 'невзрослая лиса' — Камч. сл., с. 110). Слово *недолись* образовано по модели: сложная приставка *недо-* + основа + нулевое окончание. Слова, образованные по этой модели, называли молодых животных и шкурки этих животных: *недолись*, *недособоль*, *недопесок* (суффикс *-ок*), *недокунь*: «Сорокъ куницъ и недокуней, ...сто песцов и недопесков

белых, ...сорок соболей и недособолей, ...тритцат(ь) лисицъ и недолисей сиводушчатых» (Тобол., 1682 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 259, л. 23 об., 26, 26 об., 34) и др. Слова, входящие в данный круг наименований, отмечаются исключительно в памятниках сибирского происхождения XVII в.[20]

По названной выше модели образованы варианты *недорость* и *недоросль*, являющиеся обобщенными наименованиями молодого животного (и его шкурки): «Ярецъ рыжей недорость рубль» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 94 об.), «Пять бобров красных недорослей» (Верхотур., 1637 г., Там же, л. 73). О былой продуктивности данной словообразовательной модели могут свидетельствовать аналогичные образования от названий рыб, ср. том. *недоязок* 'подъязок' (Том. сл., т. 2, с. 187). Наименования с приставкой *недо-* широко представлены в записях западносибирской диалектной речи XIX в., но в современных говорах, по-видимому, продуктивность этой модели утрачена.

Из двух вариантов *горностай* и *горносталь* 'горностай; шкурка, мех горностая' в нашей выборке наиболее употребителен первый: «Два горностая» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 166), «Сто горностаевъ» (Тобол., 1682 г., Там же, № 259, л. 26), «13 выдръ, 2 росомаки, 475 горностаевъ» (Нелым., 1598 г., РИБ, т. 2, № 63, с. 143) и др.; «Шестнатцать горъностателей, одна лосина делашая» (Тобол., 1749 г., ГАТОТ, ф. 661, № 98, л. 79). Напротив, только основа *горностал-* встречается у прилагательных, образованных от этих слов (*горносталь/-ай*): *горностальй, горностальный*. До сих пор нет удовлетворительного объяснения происхождения слова *горностай* и соотношения славянских вариантов **gornostalь* и **gornostajь*. Суди по этимологии О. Н. Трубачева (**gornostalь* <др.-сакс. **harmenes-tagl-/*harmenes-tail-* собственно 'хвост горностая' — ЭССЯ, вып. 7, с. 48), более древней признается форма на *-ль* (ср. словен. *gránoselj* 'ласка (зверок)', чеш. диал. *chranostyjl* 'горностай *Mustela erminea*' — ЭССЯ, там же). Но, может быть, праслав. **gornostajь* (<**gornostaj[ь]-jь*) по происхождению является отыменным прилагательным? В таком случае **gornostajь* — исходная форма, ср. объяснение В. И. Абаева: «Слав. gorno-staj (рус. *горностай*) из gorno-staj представляет, возможно, скрещение на славянской почве германского (др.-в.-нем., др.-сакс.) harmo 'ласка' со скиф. staj 'рысь'» (Абаев, т. 3, с. 144).

Слова *горностай* и *горносталь* широкоупотребительны в русских памятниках XI—XVII вв. и, надо полагать, не имели локального ограничения[21]. В русском языке XIX в. вто-

рое из этих слово уходит из литературного языка, становится областным, известным на Севере и в Сибири (см. Дополнение, с. 319; СРНГ, вып. 7, с. 51). Из числа современных сибирских говоров следует отметить тобольские и среднеобские, т. е. говоры тех территорий, где у русского населения сохраняется традиционный охотничий промысел.

Наряду с общеупотребительным *бобр* рассматриваемые тексты фиксируют слова *ярец* 'годовалый бобр; шкурка такого бобра' и *кошлок* 'молодой морской (?) бобр; шкурка такого бобра'.

Ярец: «Ярец рыжей сорок алтынъ» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 166), «Десят(ь) ярцов и кошлоковъ» (Тобол., 1633 г., Там же, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 105), «Бобръ да кошлокъ карп. 4 бобра да ярецъ, да 4 кошлока рыжи» (Тобол., 1666 г., Там же, ч. 2, № 488, л. 375), «Взято бобръ да ярецъ рыжи, приемная цена рубль с полтиною» (Тобол., 1669 г., Там же, оп. 5, № 107, л. 1), «Десять бобровъ и кошлоковъ, и ярцов вешних» (Тобол., 1682 г., Там же, № 259, л. 37 об.), «16 бобръ да ярецъ» (Тар., 1634 г., Там же, оп. 3, № 39, л. 6) и др. Рассматриваемое слово образовано с помощью суффикса *-ец* от корня *яр-*, ср. рус. церк.-слав. *яра* 'весна', родственное авест. *yārə* 'год', греч. ὥρα 'время года, пора', гот. *jēr* 'год', лат. *hōrnus* 'этого года' (Фасмер, т. 4, с. 559). В русских говорах известны и другие названия животных (а также птиц) весеннего выводка и молодых (обычно годовалых) с корнем *яр-*: моск. *подъярок* 'ягненок', олон. *ярица*, хакас. *ярата*, новосиб. *поярки*, моск. *ярка* 'молодая овца', свердл. *перярок* 'молодая курица', *ярыш* 'заяц весеннего (летнего) выводка' [32].

Кошлок: «Два кошлока рубль шестнатцат(ь) алтынъ» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 109), «Три кошлока рыжих три рубли» (Тобол., 1633 г., Там же, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 31 об.), «7 кошлоковъ да ярецъ карихъ, ...да 10 ярцовъ, да 7 кошлоков рыжихъ» (Тобол., 1669—1670 тт., Там же, оп. 5, № 107, л. 14 об.) и др., а также уменьшительное (уничижительное) образование: *кошлочишко* — «Одиннатцат(ь) кошлочишков малых худых» (Тобол., 1633 г., Там же, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 134), *кошленок* — «4 лоскута бобровых, кошленокъ» (Тар., 1634 г., Там же, оп. 3, № 39, л. 6). Слово *ярец* и *кошлок* различались по значению: первое из них называло молодого (годовалого) бобра весеннего выводка, второе — по-видимому, молодого морского бобра, ср. данные якутской письменности начала XVIII в.: «95 бобров морскихъ, въ томъ числе и кошлоки»

(Якут., 1713 г., Пам. сиб. ист., кн. 1, с. 512), а также определение к слову *кошлак* в САРазб (т. 3, с. 366): «Молодой камчатский бобр». В современных говорах Западной Сибири слово *кошлок* так же, как и *ярец*, не известно. Этимологически *кошлок*, видимо, связан со славянским корнем koš- (košьl-), представленном в рус. диал. *кошева* 'сани', *кошель* 'кузов, мешок', *кошла* 'ловушка для птиц', *кошлотый* 'взлохмаченный', *кошлы* 'нерасчесанные, спутанные волосы' (СРНГ, вып. 15, с. 151). *Кошлок* первоначально, видимо, называло вообще детеныша животного, ср.: *кошлёнок* твер. 'детеныш выдры', вят. 'медвежонок', твер., псков. 'птенец ласточки' (СРНГ, там же), с точки зрения словообразовательных связей ср. *телок — телёнок*, с точки зрения семантических связей ср. яросл. *кошелеватый* 'медлительный, нерасторопный (о человеке)' — моск., яросл., олон., арханг., краснояр. *кошелиться* 'медленно делать что-либо'; новг., перм., вят. *кошлы* 'о неповоротливом, неловком, нерасторопном человеке' и др. (Там же, с. 143, 146).

В качестве наименования шкурки молодого песца встречаем слово *горшик*: «Три горшика песцов голубых поротых» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 90). Данное слово в говоры Сибири было привнесено, очевидно, выходцами с Русского Севера, ср. арханг. *горшик* 'маленький, еще не выходящий из норы песец; также шкура, мех из него' (Подвысоцкий, с. 103). Картотека СРГС содержит сведения о бытовании этой лексической единицы в тобольских, березовских, енисейских говорах XIX в.

В западносибирских текстах рассматриваемого времени обычным является упоминание об ирбисе[33] (*ирбиа, ирбис*), ср. Irbyschi, Irbysch у Д. Г. Мессершмидта: «Irbyschi, oder Pardertiere» (Messerschmidt, кн. 1, с. 179). О том, что ирбиса отличали от барса, свидетельствуют сибирские письменные источники: «...барс да ирбис, 2 розсомаки» (Том., 1638 г., МИРМО, с. 126), в этих же источниках находим слово *ельбарс*: «...прислано де к тебе, ко государю, от Коптайши челом ударить наперед сего с прежними Коптайшиными послы в прошлом во 146 году наручи, да барс, да 2 ельбарса, 7 бобров, 3 кошлока» (Тобол., 1640 г., МИРМО, с. 199). Похожие в звуковом отношении формы отмечены и письменностью первой половины XVIII в.: *инбись* — «...сума съ рысями, и съ инбисями, и съ куницами, и съ волками» (Тобол., 1714 г., Пам. сиб. ист., кн. 2, № 16, с. 51); *ильбис* — «Звери: соболи, черево и хребетъ белые, маралы, зверь ильбисъ» (1721 г., Там же, № 75, с. 293). Кроме того, в русском переводе челобитной ламы Дани Мерген-лан-

зу царю Михаилу Федоровичу встречаем слово *ельбаз*, которое издатели склонны, видимо, объяснять опиской (помета «так в тексте!»): «...послал к тебе, государю, дани своей — шишак золочен, наручи, куяк, ирбиз, ельбаз, барс, 100 соболей с хвостами и с пупки» (1637 г., МИРМО, с. 76). Однако скорее всего рус. *ельбаз* — параллельное заимствование (наряду с *ельбарс*, см. ниже).

Из перечисленных слов в СлРЯ отмечены первые два: *ирбизъ* 'снежный барс; шкура этого животного' (вып. 6, с. 248 — 1640 г.), *елбарсъ* 'тигр' (вып. 5, с. 44 — 1640 г.). СРНГ (вып. 12, с. 207) фиксирует лишь слово *ирбис* со ссылкой на словарь В. И. Даля — 'сибирский барс, Felis irbis'. О распространении ирбиса (Leopardus unica) известно, что он населяет горы Центральной и Средней Азии и изредка встречается на Южном Алтае и Тыву-Туве (ССЭ, т. 2, с. 972—973).

Слово *ирбис* в русский язык могло прийти как из монгольских, так и из тюркских языков, ср.: 1) монг. irbis 'пантера, леопард'; 2) алт. irbis 'барс', телеут., лебед. irbis 'рысь', тувин. irbiš 'барс' (Севортян, т. 1, с. 346; Räsänen, с. 206), др.-тюрк. irbiš 'рысь, леопард', irbiz 'леопард' (ДТС, с. 211). Появление слова *ильбис* в русских говорах Сибири могло произойти под влиянием этого же тюркского слова, но с сонантом *l*: тобол.-татар. ilbis 'тигр', ср. кумык. ilwis 'дьявол' (Севортян, там же). Что касается отмеченного нами рус. диал. XVIII в. *инбись*, то это слово может рассматриваться как окказиональный вариант, возникший на русской почве в результате мены сонантов у слов *ирбис/ильбис*.

Слово *ел(ь)барс* в русских сибирских говорах XVII в. являлось тюркским заимствованием: хакас., вап.-тюрк. jolbars 'Panther, Leopard', казах. aolbars 'Tiger', таранч. jolbas, кирг. jolbors, казан.-татар. julbars, также karat. il-bars, ilbirs (Räsänen, с. 206). Таранч. jolbas вполне могло быть заимствовано русскими сибиряками как *ельбаз*.

В качестве обозначения шкурки зайца встречаем слова *заячина* (*зайчина*) и *ушканина*: «Пятьсот заячин белых и вешних серых» (Тобол., 1686 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 283, л. 11), «Семь зайчинъ деланных» (Тюмен., 1725 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1739, л. 44), «Тысяча ушканин» (Тобол., 1697 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 374, л. 5 об.), «С ушканин и клею, и сохатин взята десятая пошлина за перекупъ и за промысел» (Тобол., 1697, Там же, л. 6) и др. Наименование *ушканина* было территориально ограниченным, оно образовано от диалектного названия зайца *ушкан*, отмеченного в XIX в. в архангельских, оренбургских и сибирских

говорах (см. Даль, т. 4, с. 526), а в наше время бытующего в говорах Томской области (Том. сл., т. 3, с. 207).

Как видим, среди наименований лишь эти два слова (*зая(й)чина*, *ушканина*) были специальными названиями шкурки меха пушных зверей и тем самым сближались с группой слов, обозначавших шкуры и кожи крупных диких животных (см. ниже). Как правило, при наименовании шкурок пушных зверей происходил метонимический перенос названий самих животных (*лисица*, *недолись* и т. п.).

В качестве обобщающего наименования шкурок пушных зверей выступало словосочетание *мягкая рухлядь*: «Достал(ь)ная ясашная и поминочная и неокладная мягкая рухлядь и русские товары остались в Тобольску в г(о)с(у)д(а)р(е)ве казне» (Тобол., 1667 – 1670 гг., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 167, л. 13) и др. Что касается слова *мех*, то оно отмечено в исследуемых текстах со значением 'одна шкурка пушного зверя', ср.: «Пят(ь) десят(ь) мехов заяч(ь)их черев(ь)их» (Тобол., 1682 г., Там же, № 259, л. 30 об.), «Пят(ь) мехов белых хрептовых и черевных» (Тобол., 1695 г., Там же, № 363, л. 36) и др.

Лексема *пух* в нашей выборке употребляется со значением 'меховая (чаще бобровая) опушка': «Шуба горностал(ь)я с пухом — восемь рублев, две шубы горностал(ь)и без пуху и без рукав — двенатцат(ь) рублев» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 73), «Пух шапошной женской» (Тобол., 1695 г., Там же, № 363, л. 50 об.), «Покрали ... шубу китайчатую на исподне овчином, пух бобровой» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 398) и др.

Целый ряд слов называл отдельные части шкурки меха. Данные словаря В. И. Даля (т. 4, с. 591) свидетельствуют о распространении в севернорусских говорах названия брюшной части шкурки меха – *черевея*, которое мы находим в западносибирских источниках первой половины XVIII в.: «Мех черевеа заечей» (Тобол., 1742 г., ГАТОТ, ф. 661, № 64, л. 418), «Две черевеи бобровых» (Тюмен., 1736 г., ГАТОТ, ф. 47, № 4311, л. 3). В последнем источнике наряду с лексемой *черевея* употребляется ее словообразовательный вариант *черевезь*: «Две черевези бобровых» (Тюмен., 1736, Там же, л. 74 об.). В обследованных западносибирских текстах XVII и конца XVI в. мы отметили только слово *черевезь*, чаще всего представленное в виде лексикализованного варианта *черевесь*, ср.: «2 куницы, да 41 бобръ, да 32 черевези» (Пелым., 1597 г., РИБ, т. 2, № 62, с. 141), «415 бобровъ, 320 черевесей бобровыхъ,

13 выдръ» (Пелым., 1598 г., Там же, № 63, с. 143), «Три лоскутишка черевеси бобровой» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 90), «Пят(ь) фунтов черевеси бобровой» (Тобол., 1633 г., Там же, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 107), «Дватцать четыре фунта черевеси бобровой, а той у нег(о) черевеси по таможенной оценке на двенатцать рублевъ» (Тобол., 1697 г., Там же, оп. 5, № 374, л. 4) и др. Между тем о типичности употребления лексической единицы *черевея* наряду с *черевезь* в языке сибирских деловых памятников конца XVI—XVII в. пишет Н. Е. Попова[35].

В изучаемых источниках широко употребляется прилагательное для обозначения признака, соотносительного с понятием 'брюшная часть шкурки меха', но это — прилагательное, образованное от слова *черево — черевий*, ср.: «Одиннатцать шубенок черевьих ушканьих» (Тобол., 1695 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 363, л. 5) и др. Слово *черево* для обозначения брюшной части шкурки (собственно 'брюшко животного') не было диалектным, единственный случай его употребления в этом значении[36] в нашей выборке приходится на документ, представляющий собой, по-видимому, переписанную московскую грамоту: «Звери: соболи, черево и хребеть белые маралы, зверь ильбисы» (1721 г., Пам. сиб. ист., кн. 2, с. 293)[37]. В отличие от общенародных *черево* и *черевий* слова *черевея* и *черевезь* (*черевесь*) были территориально ограниченными: *черевея* в русские говоры Сибири пришло из северорусских говоров, а *черевезь* (*черевесь*), по всей видимости,— сибирское лексическое новообразование. Это последнее слово послужило исходной базой для создания другого сибирского слова — *подчеревесь* 'часть меховой шкурки ниже брюшка животного': «2 фунта подчеревеси бобровых» (Тар., 1634 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 3, № 39, л. 6).

Перенос названия части тела животного на соответствующую часть шкурки меха был традиционным. Так, например, затылочная (головная) часть шкурки названа словом *чемер*: «2 черевеси бобровых, чемэр лисей серой» (Тобол., 1669—1670 гг., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 167, л. 10 об). Данное слово продолжает праслав. *češegъ (ЭССЯ, вып. 4, с. 52); среди значений этого слова в восточнославянских языках находим рус. диал. (вят.) 'вихор на голове' (Опыт, с. 256), укр. *чемер* 'хохол' (Гринченко, ч. 4, с. 450). Словари русского языка не отмечают данное слово в качестве обозначения части шкурки, не представлен этот лексико-семантический вариант и в Картотеке СРНГ, где находим лишь южн.-сиб. *чемéр* 'головная боль, мигрень', зап.- и

южн.-сиб. *чéмер* 'болезнь лошадей', а также зап.-сиб. *чёмер* 'черт'. По всей видимости, *чемер* 'часть меховой шкурки' можно рассматривать как местную лексико-семантическую инновацию, рано утраченную западносибирскими говорами.

Шкурку, снятую с убитого зверя не чулком, а с помощью надреза на боку, называло слово *пластина*[28]: «Две пластины собольи» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 108 об.), «Пластина белья» (Верхотур., 1637 г., Там же, л. 148) и др.

Для обозначения небольших кусков, частей меховых шкурок встречаем слова *лоскут*, *лоскутишко*, *объедок*, *шашка*, ср.: «Волчонокъ молодой да об(ъ)едокъ волчей» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 40 об.), «Две шашки хвостовых» (Верхотур., 1637 г., Там же, л. 114).

В современных словарях западносибирских говоров отсутствуют такие наименования частей шкурки меха, как *черевея*, *чередзь* (*чересь*), *подчеревесь*, *чемер*, а также вторично употребляемые в этой сфере слова *шашка*, *объедок* (последние два слова наряду с *лоскут* не входили в круг специальной лексики пушного промысла XVII в.). Подобное отсутствие может объясняться как недостаточной изученностью всего массива современных говоров Западной Сибири, так и самим фактом утраты данных наименований. В этом последнем отношении показательны детально исследованные томскими диалектологами среднеобские старожильческие говоры, словари которых также не приводит указанных наименований. Связано это, очевидно, с двумя факторами. С одной стороны, утрата данных терминов происходила в результате их вытеснения словами литературного языка и разговорно-просторечными, употреблявшимися для обозначения соответствующих частей шкурки меха (грудь, брюхо и др.). С другой стороны, со временем сам охотничий промысел перестал играть ту роль, какую он играл еще в XIX в., когда был одним из основных занятий русского населения Сибири. Этот внелингвистический фактор способствовал утрате многих из ранее известных специальных терминов охоты.

Для обозначения шкуры и выделанной кожи крупных диких животных встречаем слова *медведно*, *лосина*, *сохатина*, *оленина*, *ровдуга* (и варианты), *ирха*. Слова *лосина* и *оленина* были общенародными. Сложнее, видимо, обстоит дело со словом *медведно*: «...возить товары лосины и олешины, медведны, также бобры и розсомаки» (Верхотур., 1706 г., Пам. сиб. ист., кн. 1, № 70, с. 287), «Пят(ь) пуд кости мамонтовой, два медведна морские белые, десять рос-

сомакъ» (Тобол., 1697 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 374, л. 5 об.), «Унесли два медведна да два волка неделаные» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 548), «Унесли ис поземной светелки два медведна» (Тобол., 1743 г., Там же, № 69, л. 160), «В горнице пожитков: ...медведно черное ветхое» (Тюмен., 1736 г., ГАТОТ, ф. 47, № 2427, л. 2 об.) и др.

С. С. Волков убедительно показал, что слово *медведно* в XII—XIV вв. было распространено на северо-западе восточнославянской территории (древнейший пример употребления этого слова относится к XIII в.— в Новгородской берестяной грамоте № 65)[39]. В XVI—XVII вв. оно являлось общенародным: «...нет никаких оснований относить его в эту пору к диалектным», и лишь в конце XVII — начале XVIII в. происходит замена слова *медведно* и его варианта *медведна* словосочетанием *медвежья кожа*[40]. В западносибирском материале рассматриваемое слово зафиксировано и в текстах первой половины XVIII в. Лексема *медведна* 'медвежья шкура' словарем В. И. Даля (т. 2, с. 312) отмечена как характерная для сибирской местности.

Диалектное название лося *сохатый*[41], широко известное и в современных говорах Сибири, послужило базой для создания слова *сохатина* 'шкура лося': «Полтора пуд(а) клею, двацать сухотинъ (!) серых» (Тобол., 1697 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 374, л. 5 об.—6), см. также цитату, иллюстрирующую слово *ушканина*.

Широкоупотребительным в исследуемых памятниках было название выделанной вроде замши кожи животных, представленное тремя лексико-фонетическими вариантами: *ролдуга*, *ровдуга* и *рогдуга*. Первый вариант (*ролдуга*) в нашей выборке представлен исключительно в текстах XVII в.: «Две ролдути олен(ь)и» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 172), «Рукавицы ролдуж(ь)и — гривна, ролдуга оленья — двацать алтынъ» (Верхотур., 1637 г., Там же, л. 216 об.), «Двацат(ь) четыре одеяла заечинных, два шюка ролдуги» (Тобол., 1697 г., Там же, № 374, л. 6 об.) и др. Вариант *ровдуга* представлен примерами конца XVII — первой половины XVIII в.: «Ровдугъ оленьих пятнатцат(ь)» (Тобол., 1695 г., Там же, № 363, л. 5), «Зипун..., у рукавовъ на запясье опушено ровдугой, шуба баранья поношеная, опушена полы и кругъ подолу ровдугой» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 112), «Рукавицы теплые ровдугой крыты» (Тобол., 1738 г., Там же, № 47, л. 167) и др. Вариант *рогдуга*, по нашим материалам, отмечен лишь в деловой письменности первой половины

XVIII в.: «Рукавицы теплые: испод заечиной, покрыты рогдугой..., рукавицы теплые, покрыты сукном темнолазоревымъ, испод заечиной, надолонки рогдужные» (Тобол., 1735 г., Там же, № 35, л. 283), «Рукавицы овчинные крыты рогдугой» (Тобол., 1738 г., Там же, № 47, л. 399) и др.

Само слово *ровдуга* (*ролдуга*) пришло в Сибирь из севернорусских говоров, где оно имело значение 'выделанная вроде замши кожа животного' и образовано, как считает А. И. Попов, от названия одной карельской местности [42]. Слова *ровдуга*, *ровдужий*, *ровдужный* были типичными для деловой письменности Русского Севера XVII в.[43] Что касается варианта *рогдуга*, зафиксированного сибирской письменностью и современными сибирскими говорами (о последнем свидетельствуют материалы Картотеки СРГС), то появление его обусловлено результатом действия межслоговой ассимиляции. Об употреблении рассматриваемых лексико-фонетических вариантов в Сибири XVII—XVIII вв. свидетельствуют сибирские летописи (*рогдуга*)[44] и мангазейские памятники того времени (*ровдуга*) (Цомакион, с. 424—425), ср. в Опыте 1852 г. (с. 191) данное слово указывается как сибирское. О севернорусском распространении изучаемого слова свидетельствует целый ряд лексикографических работ (см. Подвысоцкий, с. 147: *ровдуга*, *ровдюга*; Беляева, с. 543: *рогдуга*).

Слово *рол(в,г)дуга* вместе с такими наименованиями, как *замша* и *ирха*, входило в лексико-семантическое объединение слов, обозначающих выделанную под замшу кожу животного, следовательно, общим семантическим признаком у этих слов является 'мягкость выделки и бархатистость поверхности кожи'. Что касается слова *замша*, то это заимствование XVII в. из польского языка (ЭСРЯ, т. 2, вып. 6, с. 48—49; польск. *zamsz*) носило общеупотребительный характер и выступало, очевидно, конкурирующей лексической единицей по отношению к *рол(в,г)дуга*, ср. прилаг. *замшеный*: «Рукавицы лосиные замшены» (Тобол., 1746 г., ГАТОТ, ф. 661, № 83, л. 101 об.). Слово *замша* имело, видимо, обобщенное значение, т. е называло кожу определенной выделки любого животного (см. СРЯ, т. 1, с. 752; Ожегов, с. 196), в то время как *ролдуга* (*ровдуга*, *рогдуга*) — замшу, выделанную из шкуры оленя и лося, а *ирха* — замшу, выделанную из козлиной или овчинной шкуры [45].

Специального замечания требует объем значения слова *ролдуга* (и его вариантов) в русских говорах Сибири. Первоначально, видимо, в русском языке оно имело довольно

широкое значение, о чем свидетельствуют словари Срезневского (т. 3, с. 127: 'выделанная оленья, лосиная или иная шкура') и Даля (т. 4, с. 98: 'ирха, баранья, козья, оленья шкура, выделанная в замшу, то же в Сибири; оленья, лосиная замша'). В нашей выборке слово *рол(в, г)дуга* или не имеет определений, позволяющих уточнить семантику этого слова, или имеет (редко) определение *олений*. Уточняет семантику сибирский диалектный материал, представленный в Картотеке СРГС. Этот материал, относящийся к XIX—XX вв. и охватывающий исключительно Восточную Сибирь, свидетельствует о том, что рассматриваемое слово в XVII—XVIII вв. в Сибири могло иметь значение 'выделанная под замшу оленья или (реже) лосиная шкура'.

В русских говорах Сибири XIX в. было отмечено такое название шкуры старого, убитого осенью оленя, как *одындра* (см. Даль, т. 2, с. 656). В наших текстах встретилось прилагательное, образованное от этого слова: «Чюлки одындрепы якутские» (Тобол., 1740 г., ГАТОТ, ф. 661, № 55, л. 261).

В одном из примеров мы встретили прилагательное *дымленный*, которое характеризует доху, сшитую из оленьей шкуры: «(Унесли) даху алешную дымленную» (Тобол., 1742 г., ГАТОТ, ф. 661, № 64, л. 30). В связи с этим примером можно привести сиб., камч. *дымёнина* 'прокопченная над дымом оленья шкура', камч. *дымёнка* — то же (СРНГ, вып. 8, с. 293).

Близкими в семантическом отношении, видимо, были территориально ограниченные слова *постеля* и *нюк*. Первое из них служило обозначением целой оленьей шкуры, служащей для подстилки (ср. арх. *постель* — Даль, т. 3, с. 345): «Постеля оленья — десят(ь) алтын» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 3, л. 41 об.), «Постеля оленья вешняя» (Верхотур., 1637 г., Там же, л. 49 об.). Форма *постель* 'оленья шкура, на которой спали промышленные люди' отмечена в мангазейских памятниках XVII в., где зафиксировано и слово *нюк* 'постель из оленьих шкур; оленьи шкуры, которыми в зимнее время покрывается чум' (Цомакион, с. 274, 370). О том, что оба эти слова обозначали постель из оленьих шкур, свидетельствует и словарь А. И. Подвысоцкого. В нашем примере слово *нюк*, употребляясь в контексте со словом *одеяло*, также обозначает постель, но из выделанной оленьей шкуры: «Дватцать четыре одеяла заечинных, два нюка ролдути» (Тобол., 1697 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 374, л. 6 об.), ср. в связи с этим значение хантыйского слова ӈнк — 'кожа', которое, возмож-

но, и стало источником заимствования рус. *нюк* (Фасмер, т. 3, с. 92).

Шкурку с голени оленя, лося, лошади в Сибири и на Урале называли словом *кис* (мн. ч. *кисы*): «Четыре киса оленевых — два алтына четыре деньги» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 1 об.— 2), «Патнатцать кисов оленьих плохих» (Верхотур.,1637 г., Там же, л. 151), «Дватцать три киса олен(ь)их и конинных» (Верхотур., 1637 г., Там же, л. 162) и др. По происхождению данное слово является заимствованием из коми-языка, ср. коми лит. *кыс* 'шкурка с голени животного', 'обувь из этой шкурки' [46]. Слово это до сих пор продолжает употребляться в северной части западносибирских говоров, располагая там в ряде случаев и производными, ср. том. *кысо́вый = кы́сачий = кысо́вый* 'сделанный из шкурок с ног оленя, лося, лошади, коровы' (Том. сл., т. 2, с. 80, 121) и др. Само слово *кыс/кис* (мн. *кы́сы/ки́сы*) в западносибирском регионе неоднозначно. Наряду с исконным значением 'шкурки с ног оленя и т. д.' это слово здесь употребляется для обозначения обуви, сшитой из такой шкуры (тюмен. *кисы*). По-видимому, перенос с материала на сам предмет, который изготавливается из этого материала, для данного слова не является сибирским семантическим новообразованием, так как это же употребление отмечено и для северорусских говоров (см. СРНГ, вып. 16, с. 206).

Существительное *сорок* употреблялось в значении «40 меховых шкурок», например: «Два сорока куниць и недокуней» (Тобол., 1697 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 374, л. 27). В деловой письменности Сибири XVII в. данное слово — весьма обычно при подсчете количества сданных (принятых) шкурок, оно отмечено томскими [47], мангазейскими (Цомакион, с. 474), илимскими [48] источниками.

Сеть для ловли пушных зверей называло слово *обмет*, в наших примерах речь идет о сети для ловли соболей: «Обмет соболей — сорокъ алтынъ» (Верхотур., 1637., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 138), «Полтрет(ь)я обмета собольи» (Верхотур., 1637 г., Там же, л. 151 об.), ср. также восточносибирский пример: «Полпуда предена обметочно(г)» (Илим., 1649 г., ЦГАДА, ф. 494, оп. 2, № 1, л. 17). Описание этого орудия охоты приведено у Я. В. Стефановича: «Сеть аршина два ширины и неопределенной длины с маленькими колокольцами..., место, куда скрылся зверек..., окружают обметами на расстоянии 2—3 сажен» [49]. Данное слово вошло в систему литературного языка в качестве специального термина (см. СРЯ, т. 2, с. 746).

Наименования орудий и предметов охотничьего промысла не многочисленны в исследуемых западносибирских источниках XVII — первой половины XVIII в. По существу, список ограничивается словами *слопец*, *обмет*, *натруска*, *калып*.

Слопец 'род ловушки на птиц': «Оные татары без насъ из злобцов выняли сорокъ ... глухарей, ... и слопцы приломали» (Тюмен., 1725 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1744, л. 16). К севернорусскому и восточному *слопец* (также *слоп*) наряду с другими значениями В. И. Даль (т. 4, с. 223) приводит 'род ловушки на мелких зверей, убойная плаха с поедью, наживой и с насторожкою, плашка'. Данное наименование ловушки зарегистрировано севернорусскими источниками XVI—XVII вв.[50] Сужение значения произошло в современных пермских говорах — *сопец* (!) 'приспособление для ловли глухарей' (Беляева, с. 582). Рассматриваемая лексема *слопец* в XIX в. была отмечена в тобольских говорах Патканковым и Зобининым, известна она и современным говорам, например, том. *слопец* 'ловушка на разных зверей и птиц, состоящая из двух заборико̀в и насторожки между ними' (Том. сл., т. 3, с. 147).

Лексическая единица *натруска* получала в словаре В. И. Даля помету «вост.», свидетельствующую, скорее всего, о ее распространении в восточной группе севернорусского наречия, и определяется этим словарем как 'ремень, к которому привешаны все необходимые принадлежности охоты' (Даль, т. 2, с. 486), но в западносибирской письменности рассматриваемого времени это слово известно со значением 'пороховница': «Двенатцать натрусок деревянных с костьми» (Тобол., 1633 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 44, л. 179 об.), «Унесъ воровски у него Лаврентьева винтовку да натруску деревянную окованную железомъ» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 664, № 29, л. 79), «Две натруски пороховые оправленныя(!) железомъ новые» (Тобол., 1738 г., Там же, № 47, л. 307), «Дватцать натрусок простых» (Тюмен., 1653 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 99, л. 47), «Натруска деревянная кованная» (Тюмен., 1736 г., ГАТОТ, ф. 47, № 4311, л. 74 об.), «(Украли) винтовку с натрускою деревянной» (Чаус., 1747 г., ГАНО, ф. 104, № 3, л. 3) и др. В Картотеке СРГС *натруска* 'пороховница', как правило, характеризует уже историю сибирских говоров, в том числе западносибирских: оно чаще встречается в диалектологических записях XIX — самого начала XX в. Возможно, что для рассматриваемого времени это слово было известно шире, чем отмечено в словаре В. И. Даля, ср. укр.

натруска ист. 'посудина (рог), из которой насыпали порох на полочку старой винтовки; рог-пороховница' (СУМ, т. 5, с. 217).

Калып: «79 копей, 70 косъ, 16 калыповъ, 4 топора, напарья большая» (Тобол., 1709 г., Пам. сиб. ист., кн. 1, № 89, с. 386). По свидетельству СРНГ (вып. 13, с. 5), лексические единицы *калыб* и *калып* 'железная форма для литья ружейных пуль' имеют преимущественное распространение в сибирских говорах, исключение составляет единственный пример из архангельских говоров XIX в. Ранее, в XVII в., данный термин отмечен вятскими источниками (см. СлРЯ, вып. 7, с. 39). По происхождению данное слово является историческим тюркизмом, ср. тур., ойрот. kalyp 'Form, Modell, Leisten, auf denen man etwas arbeitet', тур. 'Betrug', тараич. kelip 'Kugelform', якут. *χalyp* 'халыпь ружейная', сойон. χalyp 'крышка', которые в свою очередь были заимствованы из араб. qālab <греч. (см. Räsänen, с. 226)[31].

Подводя некоторые итоги изучения лексики промыслов в западносибирских источниках XVII — первой половины XVIII в., необходимо отметить следующее. В подавляющем большинстве своем лексика, территориально ограниченная для этого времени, в русские говоры Западной Сибири пришла из севернорусских говоров. Однако связи современной западносибирской и севернорусской лексики объясняются не только происхождением первой от последней. Эти связи в целом ряде случаев могут быть объяснены дальнейшей судьбой общенародной для XVII—XVIII вв. лексики в современных говорах европейской части Русского Севера и Западной Сибири. Это направление в изучении русских говоров Сибири должно стать предметом специального исследования.

Что касается непосредственного состава рассмотренных в главе лексических групп, то особо следует отметить вариантность лексических единиц (ср. *дощаник/дощеник*, *пряжа/прядено*, *чабак/чебак*, *черевея/черевезы/черевець*), возникшую как в результате «столкновения» различных лексических систем русского языка (общенародной и диалектной или различных диалектных систем), так и ввиду отсутствия твердых норм в рамках каждой из существующих в то время форм русского языка, еще только формирующегося в качестве национального. Подобным комплексом причин, видимо, может быть объяснено и появление в речи русского населения Западной Сибири того времени конкурирующих лексических единиц (ср. *бат — облас*, *морда — верша* и др.). Особо должны быть отмечены случаи лексических и семан-

тических новообразований. К числу первых относятся образование новых слов на базе уже существующих в русском языке (*недолись*, *недособоль* и др., *черевезь*, *подчеревесь*) и заимствование из местных языков (*ирбис*, *ельбарс* и их варианты). К числу вторых — «материнская» лексика, изменившая свою семантику в русских говорах Сибири (ср. *облас*).

Различной оказалась судьба рассмотренных терминов в современных говорах этого региона. Многие из терминов судоходства известны и в современных западносибирских говорах. Как правило, это наименование судов (*дощаник*, *павозок*, *набойница*, *неводник*, *бот*, *облас/обласок*). В ряде случаев произошло изменение значения, как это, например, имеет место в случае с новосиб. *дощаник*: несмотря на утрату реалии, распространенной в прошлом, слово продолжает жить в говорах, обозначая другую реалию. Сохранению слова, видимо, способствовала «прозрачность» его внутренней формы. Утраченное говорами слово в отдельных случаях могло закрепиться в фольклоре (*струг*). В целом же сохранение терминов судоходства (и названия судов, и названия их частей) в большей мере характерно, видимо, для тех говоров, носители которых продолжают широко заниматься рыбным промыслом и использовать традиционные средства речного передвижения. Эти же причины сохранения и утраты лексики актуальны и для других рассмотренных лексических групп.

Глава IV

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ

В качестве обозначения ровной местности, равнины в западносибирских текстах XVII — первой половины XVIII в. встречаются слова *тундра*, *ялань*, *лань*.

Тундра: «(Межа) до первого бояраку, а з бояраку на тундру» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 68 об.). Данное слово вплоть до начала XVIII в. оставалось местным географическим названием, употребляясь в письменных источниках, относящихся к северу европейской части России и Сибири[1]: «В достоинство (научного.— *Л. П.*) географического термина это слово было возведено

в середине (XVIII.— *Л. П.*) века Ломоносовым и Крашенинниковым»[2].

В русские говоры Сибири XVII в. слово *тундра* пришло из севернорусских говоров (известно также в форме *трунда* — Даль, т. 4, с. 442), где, по мнению М. Фасмера, оно является заимствованием из финно-угорских языков: фин. tunturi 'высокая безлесная гора', саам., кольск. tundar, tuoddar 'гора', саам., норв. duoddâr 'широкая гора без леса' (Фасмер, т. 4, с. 120). Такой путь слова[2] (финн.-угор.→ → сев.-рус.→ сиб.) подтверждается значением соответствующих диалектных слов, располагающим признаком 'безлесный рельеф местности' (финн.-угор. 'гора'→ рус. 'равнина' в связи с отсутствием гор на севере России); ср. сибирский материал XIX—XX вв.: *тундра* — сиб., алт. 'сухая енис. 'равнина из зыбуна на оледенелой почве', камч. 'луг, поле', также камч. *тундра*, *трунда*, *трундра*, торфяное болото, плистый перегной, луг, степь' новосиб. *тру́нда*, *ту́ндра*, 'торф', 'слой преющих листьев и мха в лесу', 'трясина'.

В литературный язык географический термин *ту́ндра* вошел с измененной (расширенной и обобщенной) семантикой — в качестве обозначения той географической зоны, которая занимает южную часть арктического пояса Земли и характеризуется суровым климатом, безлесьем, обилием мхов и лишайников (см. ССРЯ, т. 15, с. 1132; Мурзаевы, с. 231).

Яланъ: «Чрезъ частой березникъ вытямъ на круглую яланъ, а с той яланя до бол(ъ)шова болота» (Тюмен., 1690 г., ГАТОТ, ф. 47, № 2236, л. 1), «Ехали де назадъ съ Тобола реки отъ Спаские заимки, по правую де сторону дороги отъ Уя речки, видели де самку с бол(ъ)шею горские яланя» (Исет., 1701 г., Пам. сиб. ист., кн. 1, № 35), «Об(ъ)явил, имеетца де ево, Кислицына, с сосед(ъ)ми сенные покосы на яланя» (Тобол., 1737 г., ГАТОТ, ф. 661, № 42, л. 115); уменьшит. *яланца*: «По той речке вверхъ до вершинъ як и до малой яланцы и до ел(ъ)нику» (Тюмен., 1694 г., ГАТОТ, ф. 47, № 2234, л. 1). С начальным *я-* слово фиксируется в других западносибирских источниках того времени: томских (Палагина, с. 51; МИРМО, с. 223), кузнецких (Чигрик, с. 102). Наряду с формой *яланъ* западносибирская письменность XVII в. фиксирует *еланъ*, например: «Размежевать ... Мурашну еланъ от речки Невьи по речке Еибарке» (Тюмен., 1653—1654 гг., Гр. Сиб. Мил., т. 2, с. 538). Эта последняя форма в СлРЯ (вып. 5, с. 44) иллюстрируется только сибирским материалом, но в XVII—XVIII вв. она, очевидно, была распространена и в европейских говорах. Так, в словаре

В. И. Даля слово *елань* дается как известное московским, рязанским, тамбовским ('обширная прогалина, луговая или полевая равнина') и сибирским говорам ('то же, возвышенная, голая и открытая равнина; лысина, плешина'— Даль, т. 1, с. 518; также *ялань* твер., тамб., владим., перм. 'ровное безлесное место, луг, окруженный лесом и открытый ветрам и солнцу'— Даль, т. 4, с. 676). О разветвленной семантике и широком ареале распространения данного слова в русских европейских говорах свидетельствует «Словарь русских народных говоров» (вып. 8, с. 336—337).

Обширные материалы из западносибирских говоров XIX—XX вв. содержит Картотека СРГС, при этом слово *ела́нь* (редко *яла́нь*) называет чистое и ровное место в лесу, лесную поляну (тобол., тюмен., том., кемер., новосиб.). Второй из цитированных выше западносибирских примеров (Исет., 1701 г.), возможно, находит прямое соответствие в г.-алт. *елань* 'поляна среди леса на горе' или кашп. 'ровный возвышенный луг'.

Примеров с начальным *я-* в Картотеке СРГС всего два, причем они даны как варианты к *елань*: *елань/ялань* — г.-алт. 'поляна среди леса на горе', зап. и юж.-сиб. 'поляна в лесу'. На базе значения 'чистое ровное место' развились все остальные значения рус. диал. (в том числе и сиб.) *елань/ялань*. Вторичность значений у новосиб. *ела́нь* 'вырубленный участок леса, используемый под пашню', 'сырое низменное место', алт. поле, пашня и др. несомненна.

На первичность значения 'чистое ровное место' у *елань/ялань* указывают данные тюркских языков, откуда слово было заимствовано русскими говорами (Преображенский, с. 251; Шилова, с. 131, 435), ср. др.-тюрк. jalaŋ 'голый, нагой' (ДТС, с. 227), алт., телеут., кюэрик., лебед. jалан (Радлов, т. 3, ч. 1, с. 157), алт. jalaŋ 'поле, долина, равнина', татар. диал. арткары жалан 'дальнее поле' при более распространенном слове с начальным *а-* в других тюркских языках (см. Севортян, т. 1, с. 134—135; Рясянен, с. 181—183). Относительно алтайского и татарского диалектного слова Э. В. Севортян пишет: «Поскольку формы йалан или жалан (тат. диал.) являются в тюркских языках одиночными, можно думать, что начальное *й-/ж-* в них не исконное, а вторичное» (Севортян, т. 1, с. 135).

Сибирские диалектологи считают, что слово *елань* в Сибирь было привнесено из европейских говоров[4]. Наши примеры с начальным *я-* могут свидетельствовать о влиянии тюркских слов типа алтай. jalaŋ на произношение сиб. *ела́нь* (> *яла́нь*). Что касается такого значения, как 'при-

горок, возвышение', у сиб. *елань* (СРНГ, вып. 8, с. 337), то оно могло как развиться на диалектной русской почве, так и прийти из тюркских языков, ср. чагат. alaŋ 'пригорок, холм на равнине' (Севортян, т. 1, с. 135).

Лань: «От Сактинского станца до станца Крутых лошков 45 верстъ по долгой лане» (Чаус., 1750 г., ГАНО, ф. 105, № 19, л. 33). Весьма примечательно, что этот единственный пример из деловой письменности подтверждается также редким для современного сибирского материала словом из новосибирских говоров: *лань* (ж. р.) 'сенокосный участок' (Новосиб. сл., с. 270). Скорее всего такая малоупотребительность ранее и сейчас термина *лань* связана с его южным распространением в русских говорах европейской части России, ср. юж., воронеж., тул. *лан* 'поле, нива, пашня; большая засеянная полоса, около десятка десятин' (Даль, т. 2, с. 236). В СРНГ (вып. 16, с. 254) также приведено существительное, только мужского рода, с твердым исходом основы: *лан* тул., воронеж., зап., юж., юж.-урал. 'поле, пашня, нива', юж., дон., тул., кур., калин., иркут. 'участок пашни', орлов. 'участок поля', брян. 'участок луга'.

Заимствованное из европейских языков в средневековую эпоху (ср. ср.-в.-нем. lēhen 'лен, ленное поместье', ср.-лат. laneus — Brückner, с. 306; Фасмер, т. 2, с. 122), слово lan широко известно западно- и восточнославянским языкам, где основным значением также является 'поле, нива', ср. ст.-чеш. lán 'надел земли' (Gebauer, т. 2, с. 204), чеш. lán 'поле, нива', мн. ч. (поэтич.) lany; словац. lan 'то же', в.-лужиц. и н.-лужиц. łan 'то же', польск. łan 'надел земли; поле, пашня', кашуб. łano, упр. *lan* (Nitsche, с. 122), ср. также др.-рус. *лан*ъ: «А не подобе у тую землю никому уступатися, а ни с лану чиньиу никому давати» (1403 г., Картотека ДРС).

Если согласиться с южнорусским происхождением (а оно сомнений пока не вызывает) сибирского слова *лань*, то следует обратить особое внимание не только на фонетическое изменение слова, но и на семантическое. Возможно, что здесь имело место влияние географического термина *елань* (*ялань*).

Целый ряд слов в западносибирских текстах XVII — первой половины XVIII в. отмечен для обозначения неровного рельефа местности (возвышенности и низины).

Слово *камень* в западносибирских источниках рассматриваемого времени употреблялось как апеллятив и как топоним. В первом случае, кроме общенародного значения 'камень', это слово называло утес, скалу, гору (горы),

ср. «И он де, Якунька, ехал до того места на лошади 2 дни да на лыжах шел через камень 10 дней» (Тобол., 1648 г., МИРМО, с. 332) и др. В обследованной деловой письменности весьма обычно (если не единственно возможно) обозначение этим словом Урала, например: «Сидорко Ивановъ явил, что с ними идутъ черес Камень к Руси» (Верхотур., 1637 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 32, л. 70 об.), «А Зайсанъ озеро, черезъ которое прошла Иртышъ река выше Камня не въ близкомъ же разстоянии и вес(ь)ма в пустыхъ местахъ» (Тобол., 1719., Пам. сиб. ист., кн. 2, № 39). Широкое распространение слова *камень* в данных употреблениях подтверждается целым рядом других источников того времени: том. *камень* 'утес, скала' (Палагина, с. 48)[5], мангаз. *камень* 'горный хребет' (Цоманов, с. 170—180), енис. *камень* — то же, краснояр. *Саянский Камень* (МИРМО, с. 390, 383).

Семантический архаизм *камень* 'гора, цепь гор'[6] отмечен в современных тобольских, алтайских, среднеобских говорах. В Сибирь данный географический термин пришел из речи носителей северорусских говоров (см. современный диалектный материал, приведенный в СРНГ, вып. 13, с. 22—23).

Для обозначения возвышенности, небольшого холма в исследуемых памятниках встречается слово *бугор*: «Смежно з д(е)р(е)внею Мартьяшево з бугра по конецъ колка на две березы граненые» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 123 об.), «От того столба прямо на верхний бугоръ» (Тюмен., 1695 г., ГАТОТ, ф. 47, № 49, л. 1), ср. также антропоним *Бугоръ*, отмеченный для сибирской местности XVII в. (Тупиков, с. 67). Как считает О. Н. Трубачев, *бугор* — праславянское образование с суффиксом *-ъr-/-r-* от основы **bug-* этимологически тождественное латыш. baĩgars 'возвышенность, холм' (ЭССЯ, вып. 3, с. 79). Данная лексема известна, по-видимому, только восточнославянским языкам: белорус. *бугор* 'узгорак, пагорак, невялікая гара, высокае месца', диал. 'пясчаны узгорак', укр. *бугор* (ЭСБел, т. 1, с. 398), чеш. buhor 'курган' заимствовано из русского языка (Малько, с. 10).

В качестве наименования небольшого холма слово *бугор* не было локально ограниченным в XVII—XVIII вв. (см. СлРЯ, вып. 1, с. 344; САРазб, ч. 1, с. 327), но очень рано в Сибири оно получило значение 'курган (могильный холм)'[7]. По крайней мере, уже сибирские источники первой трети XVIII в. фиксируют производные *бугрованье* (от глагола *бугровать* 'раскапывать курганы с целью добычи из

них ценностей'), *бугровщик* (о человеке, занимающемся «бугрованием»): «А другие ездять безъ отпусковъ и безъ проезжихъ въ степь для бугрованья древних могильныхъ вещей» (1720 г., Пам. сиб. ист., кн. 2, № 66), «Die Mogilen-Gräber oder *Bugrowschiki*, welche bis zum 24 huius auf meine Ankunft gewartet, waren nunmehre alle fort, so daß ich von mogilischen Kuriositäten nichts erhalten konnte» (Messerschmidt, кн. 1, с. 328).

Современные говоры Западной Сибири географический термин *бугор* сохранили для обозначения возвышенности, холма (Новосиб. сл., с. 45; Богданов, с. 56). В ряде говоров семантика слова расширилась, так, например, в говорах Новосибирской области данное слово называет сугроб, снежную гору, а также участки нерастаявшего снега.

Слово *курган*, возможно, также называло небольшой холм, возвышенность и выступало синонимом к слову *бугор*, ср.: «На курганъ, а с кургану на колокъ таловой, на серед тог(о) колку» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 123 об.), «З березника на колокъ и на курганъ» (Тобол., 1683 г., Там же, л. 125). Впрочем, приведенные контексты не могут служить основанием для определения значения рассматриваемого слова, а слово *курганъ* в XVII в. не было однозначным. Так, например, в Белгородской и Брянской отказных книгах XVII в. этим словом называется возвышенность, холм (см. Южн. отк., с. 34, 44), а в пермской письменности того же века — по-видимому, яма с водой («(Межа) на две ямы, на глубокие курганы» — Полякова, с. 25). Неоднозначно слово *курган* и в современном языке, ср.: орлов., ряз. 'остров', волог., арханг., беломор., сев.-двин., енис. 'яма на дне реки, омут' и т. д. (СРНГ, вып. 16, с. 114—115) и совр. лит. холм, гора при истор. 'высокая насыпь над древней могилой', 'земляная насыпь в степи для пограничного надзора' (СРЯ, т. 2, с. 201).

Увал: «А межа ... а другую сторону от увал(а) по речке Ясне на кривую сосну» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 8 об.), «А межа пашенной и непашенной земле с верхнюю сторону от увалу и от городища вниз до мокрово болотца» (Тобол., 1683 г., Там же, л. 89). В русских говорах Западной Сибири слово *увал* имеет следующее распространение: зап.- и южн.-сиб. 'пригорок, возвышенность', южн.-сиб. 'холмистое возвышение', тобол. 'невысокая, но значительной длины возвышенность, с постепенным склоном', 'пологий склон от междуречной возвышенности', ом. 'берег реки', г.-алт. 'отдельная протяжная пологая возвышенность', 'ровный склон горы' (о новосиб. *увал*. см. ни-

же). География термина *увал* на европейской диалектологической карте весьма широка: от ивановских говоров до архангельских, при этом в целом ряде говоров (двинских, пинежских, мезенских, некоторых онежских, ивановских, пермских) это слово означает 'холм', 'косогор', 'обрыв, осыпь', и более редко встречается значение 'большая выбоина на дороге, ухаб' (в вологодских говорах)[8]. Иными словами, одна и та же лексема в говорах связана с противоположными значениями 'верх' ↔ 'низ'. Ср. в связи с этим инославянский материал: серб.-хорв. uvala 'ложбина; карстовая яма', 'воронка' (Schütz, с. 42), чеш. uvál 'широкая лощина, долина' (Малько, с. 78). Наличие противоположных значений можно отметить для целого ряда географических терминов. Показательна в этом отношении семантика рассмотренного выше слова *курган*, у которого в пермских источниках XVII в. и в современных енисейских говорах появляется значение 'яма (с водой или на дне реки)' (см. выше).

Надо полагать, семантические изменения у слав. *uvalъ ('низина, ложбина' → 'холм, косогор') произошли на русской почве. Н. И. Толстой пишет, что в севернорусских говорах «семантический переход произошел по линии 'низ' → 'верх', как можно судить по этимологии слова (от *valъ, *valiti)»[9].

Интересный материал дают говоры Новосибирской области, где слово *увал* объединяет значения как с семантическим признаком 'верх', так и с семантическим признаком 'низ', т. е. кроме инновационного севернорусского значения сохраняет древнее славянское: новосиб. *увал*, 'низкое место', 'яма', 'крутой берег реки'.

Производным от только что рассмотренного слова было *подувалок*: «От той березы к подувалку до мокрого ложку..., по ложку в подувалокъ ж прямо к Кривому озеру» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 229). В словаре В. И. Даля и в современных западносибирских словарях это слово отсутствует, а в словаре местных географических терминов фиксируется известное в бассейне р. Енисея *подувалье* 'межгорная долина' (Муравьевы, с. 176). Утрату термина *подувалок* определенным образом можно связать с наличием противоположных значений у слова *увал*, от которого он образован. Показателен в этом отношении аналогичный термин том. *подугорье* 'место под горой' (Том. сл., Доп., ч. 2, с. 94), образованный от более определенного в семантическом плане слова *гора*.

Баярак, боарак, боярак, болрок, буярак: «Довелось съ Верхотурья до Турипска по бол(ъ)шой летной дороги, по которой ставлены поверсные столбы для проезду его губерпа-

торского, по грязем и по болотам и баяракам мостить мосты самые добрые» (1713 г., Пам. сиб. ист., кн. 2, № 8), «По болоту до мостового боараку, а от боярака (!) по липовому колку до яру прямо к Тоболу реке» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 120), «В бояраке нашел он лежащие два колеса» (Тобол., 1742 г., ГАТОТ, ф. 661, № 64, л. 157), «В лотке к берегу к глубокому бояроку приставили» (Тобол., 1735 г., Там же, № 29, л. 366 об.), «Не дошед до города вереты за три между буяраками ... постигли их з затылу неведомые воровские люди» (Тобол., 1735 г., Там же, № 35, л. 255).

Судя по материалам «Словаря русского языка XI—XVII вв.», ранние примеры употребления слова *бояракъ* (и его вариантов) 'овраг, яр, рытвина' относятся к XVI в. (см. [illegible]). В форме *баиракъ* оно встречается в Назпрателе (л. 18 об.).

О распространении в русских говорах Сибири XIX—XX вв. рассматриваемого слова свидетельствует Картотека СРГ: тобол. *бера́к* 'овраг, узкая долина с крутыми боками, лог', ом. *байрак* 'узкий овраг', ом. *бера́к*, *буера́к*, *бура́к* 'овраг', *бара́к* 'овраг, ручей в овраге', низкое заболоченное место между буграми', новосиб. *бера́к* 'крутая гора, обрыв', 'промоина в берегах оврага', *бара́к* 'крутая гора, обрыв', 'ручей в лесу'. Среди современного сибирского диалектного материала выделяется новосибирский, где (так же, как и в примерах из «Словаря») в семантике слова объединены противоположные значения — явление очень распространенное среди географических терминов. Что касается приведенных [illegible] примеров из текстов XVII—XVIII вв., то [illegible] весьма [illegible].

[illegible] ср. тур., турк., крым.-татар. *bayır* (*beyr*) 'холм', башк.-татар. *bayraq* 'склон с горы, возвышенность', чагат., турк. *bair* 'бугорок, холм, бугор' (Радлов, т. 4, [illegible]). Непосредственным словом-источником заимствования слав. *bajrak* является, вероятно, тюрк. (какое именно?) *bajyr-aq*, представляющее собою уменьшительное от *bajyr* (например, тур. *bajır*)[illegible], ср. также карач. *bajrak* 'гора, вагоры' (ЭСБал, т. 1, с. 280), турк. *bajrak*, монг. *bajrag* 'песчаный холм, возвышенность' (ЭСРЯ, т. 1, вып. 2, с. 214). Славянскими языками было заимствовано, по всей вероятности, и само тюрк. *bajyr*

(тур. и др.), и его уменьшительное образование. Так, с одной стороны, мы имеем болг. *байр* (и *бъйр*) 'холм', диал. 'холм, поросший лесом', 'горный лес', 'вершина горы' и др. знач. (Григорян, с. 8—9), серб.-хорв. bàjir, bàir, bàer 'берег' (Schütz, с. 81), словен. bâjar 'пруд', польск. bajoro, bajor, диал. bajura, bajoro 'лужа, пруд', укр. *байоро*, *байура* 'большой, глубокий пруд' Nitsche, с. 205), белорус. диал. *ба́юр* 'пру́д, озеро', *ба́юр* 'сугроб снега', *ба́ер* 'низина, которая весной затопляется и куда одновременно с водой заходит рыба; рыбный садок' (Яшкин, с. 18, 22). Наряду с этим ср. болг. *байра́к* 'берег' (со ссылкой на М. Фасмера), польск. диал. bajrak 'чаща, заросли', 'овраг' (Nitsche, с. 52), укр. *байрак* 'ліс у яру (овраге), в долині або яр, порослий лісом, чагарником'[11], белорус. *байра́к* 'сухое рэчышча у яры', 'месца, якое заросло бур'янам, пустазеллем' (Яшкин, с. 10).

Как видим, особенностью русского языка является то, что ему известно заимствование только уменьшительного тюркского слова. Видимо, процесс заимствования в славянских языках шел двумя путями: из турецкого языка bajır (болг., серб.-хорв., словен., польск., укр., белорус.) и из караимского, туркменского уменьшительное на -aq (болг.?, польск., укр., белорус., рус.). Не исключено, что последнее заимствование шло с востока и в польский язык (и болгарский) попало благодаря посредству русского языка. Бросается в глаза фонематическая (частично — фонетическая) вариантность русского заимствования. Эту вариантность следует отнести, по-видимому, на счет влияния слов из различных тюркских языков (ср. караим. bajrak, турецк. *буйрат*). В украинском, белорусском, польском (и болгарском) языках регулярность первого гласного (*а*) в bajrak, по всей видимости, объясняется влиянием слов (более раннего заимствования?) baj(ı)r.

Крутой обрывистый пойменный берег в наших текстах называется словом *яр*: «Та руда подле Туру реку въ яру и нынѣ въ водѣ» (Верхотур., 1746 г., Пам. сиб. ист., кн. 2, № 30), «От Тобола реки съ яру прямо на липовый колок, а с того колка на мостовой боракъ на вершину» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 118 об.). В XVIII в. слово *яр* обозначало не только крутой гористый берег, но и возвышенное, видное, открытое место[12].

Рассматриваемое слово известно большинству славянских языков, ср. укр. *яр* 'овраг', белорус. *яр* 'то же', польск. jar 'овраг' (Nitsche, с. 57), чеш. jar 'канава, борозда' (ред.), 'ручеек', 'канава вдоль шоссе, водоотвод' (Малько, с. 23), болг. *яр*, серб.-хорв. jap, словен. jâr. Большинство ученых

считает, что слав. jar является заимствованием из тюркских языков: «Заимствованное (у печенегов, половцев?) яръ широко распространилось на восточнославянском юго-западе»[13]. Тюркские слова приведены у М. Рясянена: туркм. jār 'овраг', чагат., тарапч. jar 'крутой берег, крутой склон', турец. 'склон, овраг' (Räsänen, с. 188).

Уменьшительное *ярок* в наших текстах имеет значение 'овраг', ср.: «По озеру Старицкому з глубоково ярку до речки Комелевки» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 36). Как видим, наши тексты XVII в. не свидетельствуют о сохранении у производящего (базового) слова *яр* единства противоположных значений ('высокий берег' ↔ ↔ 'овраг'), которое было характерно для этого слова исторически и которое, по словам Б. А. Ларина, является доказательством древности этого слова[14]. Современные говоры Западной Сибири знают, судя по материалам Картотеки СРГС, слово *яр* лишь как название крутого, обрывистого (подмываемого) берега.

Общенародным в рассматриваемое время было слово *лог*, обозначавшее широкий овраг. Отмечены также словосочетания *кочкорный лог* (т. е. лог, покрытый кочками) и *пролевной лог* (лог, заливаемый водой): «С того колка на моховое болото, а с мохового болота на кочкорный лог» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 37 об.), «По пролевному логу на ерек» (Тобол., 1683 г., Там же, л. 92).

Среди слов, зафиксированных деловой письменностью Западной Сибири XVII—XVIII вв. для обозначения рельефа местности, особую группу составляют названия заболоченной территории.

Общераспространенным было слово *болото*, которое употреблялось и как обобщающее название, и для наименования некоторых разновидностей болота, ср.: «А за оными к пашне годными землями залегли займища и болота» (Чаус., 1749 г., ГАНО, ф. 105, № 17, л. 397 об.) и др.

О том, что рассматриваемое слово обозначало определенные разновидности заболоченной местности, свидетельствуют терминологические словосочетания: а) *водяное болото*, *мокрое болото* (*болотце*) 'болото, затопляемое водой': «По осиновым колкам и водяному болоту» (Тюмен., 1664 г., ГАТОТ, ф. 47, № 2229, л. 1), «Залегли согры и болота мокрые» (Чаус., 1749 г., ГАНО, ф. 105, № 17, л. 396 об.), «От той одинакой осины через мокрое болотцо» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 229); б) *глухое болото* 'заросшее непроходимое бóлото (?)': «В гору до бол(ъ)шихъ глухих болотъ» (Тобол., 1683 г., Там же, л. 27); в) *кочковатое болото* 'болото с кочками': «По кочковатому болоту

до черног(о) колка» (Тобол., 1683 г., Там же, л. 117); г) *моховое болото* 'болото с мхом вместо растительности': «С лугу прямо на моховое болото» (Тобол., 1683 г., Там же, с. 36), ср. у В. И. Даля (т. 1, с. 110): *моховик, мшина* — «если мох глушит растительность»; д) *грязное болото*: «По другую сторону от той поскотины в верхъ по Кармаку до болота грязного» (Тюмен., 1677 г., ГАТОТ, ф. 47, № 75, л. 1).

Рассматривая различные наименования болота, В. И. Даль отмечает, что словом *зыбун* называется болото, «если жижа заросла корой, наплавным слоем» (Даль, т. 1, с. 110), ср.: «С тех сосенъ столбомъ прямо на болото зыбун» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 264, л. 10 об.). Современное литературное *зыбун* (наименование болота) в ряде русских говоров Западной Сибири имеет диалектные варианты: *зыб, зыбина* (томск), *зыбь* (тобол., том.) (см. СРНГ, вып. 12, с. 27—33; Картотека СРГС).

Особые виды болота (болотистой местности) назывались севернорусскими по происхождению (территории предшествующего употребления) словами *ляга* и *согра*, а также словом с широким ареалом распространения — *займище*.

Как севернорусское (без более дробной локализации) в значении 'непросыпная лужа, лыва, бакалдина, колдобина, ямина с водой; омут в реке' и сибирское в значении 'мочижина с лывами, болото, менее топкое, чем согра, вогра' слово *ляга* отмечено в словаре В. И. Даля (т. 2, с. 285). Примеры из западносибирских текстов рассматриваемого времени: «По острову с верхнего конца на низъ до нижния ляги» (Тюмен., 1670 г., ГАТОТ, ф. 47, № 2231, л. 1), «А с того озерка по ляге на Кривое озеро» (Тюмен., 1726—1728 гг., Там же, № 2247, л. 11).

Употребление данного слова в севернорусских говорах свидетельствует о том, что оно было привнесено в Сибирь выходцами с Русского Севера. В русских сибирских говорах словом *ляга* называют заболоченное место, образуемое от разлива воды (в связи с чем вода в ляге держится меньше, чем в обычном болоте). Об этом свидетельствуют материалы Картотеки СРГС: *ляга* — тобол. 'лог', 'продолговатое сырое место между кустов, на котором растет трава', 'сырое место, болото', зап. и юж.-сиб. 'мокрое, болотистое место', том. 'низкий заболоченный луг, где косить траву можно' (также том. *ляг* 'лог'), алт. 'пространство, залитое водой, не такое топкое, как болото'. Севернорусское значение 'небольшое озеро' сохраняется у новосиб. *ля́га*, которое имеет также значение 'низкое заболоченное место', 'болото', 'участок су-

ши на заболоченном месте', 'прибрежный луг' и некоторые другие. Показательно, что и в первом из двух приведенных примеров XVII в. речь идет о прибрежной полосе.

В севернорусских говорах слово *ляга*, называющее, как правило, лужу, яму, заполненную водой, отражает, вероятно, «процесс „микронизации" подобно переходу *баγно* 'болото' → *баγно* 'лужа'»[15], ср. польск. łęg 'болотистый луг, лес' (Nitsche, с. 79), а также славянские продолжения слова *lo^{n}gъ (связанного с чередованием гласного корня с *lęgъ): польск. łąg 'низменное место, болото', чеш. luh 'болотистое место, заросшее лесом, кустарником', н.-лужиц. łuh 'болотистая низменность', др.-рус. *лугъ* 'лес, дубрава; болото', укр. диал. *луги* 'мокрая, заболоченная низменность', полесск. łuh 'болотистый луг'[16]. Славянский материал указывает на то, что сиб. *ляга* (также том. *ляг*) в отличие от севернорусского слова более последовательно сохраняет древнее значение славянского слова.

Особый вид болота называется словом *согра*, которое В. И. Даль приводит с пометами «волог.», «перм.», «арханг.», «сиб.» и с указанием на характерное для Сибири значение — 'болотистая равнина, с кочкарником, ельником, вереском и ёрником всякого рода; плохой кривульный лесок, с можжевелом и вереском, по болоту; заваленная дрязгом долина в бору' (Даль, т. 4, с. 259 — в иркутских и томских говорах), ср. перм. XVII в. *согра* 'низкое сырое место, заросшее ельником, чаще в пойме реки', 'поросшее небольшим ельником угодье' (Полякова, с. 42).

В изучаемых нами документах слово *согра* называет низменную заболоченную местность: «При той пахотной земли урочища: речка Камышенка, леса березовые, а за оными к пашне годными землями к Барабинской степи залегли согры и болота» (Чаус., 1749 г., ГАНО, ф. 105, № 17, л. 398), «Залегли согры и болота мокрые» (Чаус., 1749 г., Там же, л. 396 об.), а также: «Переехав той деревни в согре с теми мешками остановились» (Чаус., 1749 г., Там же, № 16, л. 171 об.), «На одинакую граненую березу, а с той березы через согру на две граненые сосны» (Тюмен., конец XVII — начало XVIII в., ГАТОТ, ф. 47, № 60, л. 1).

Приведенные примеры свидетельствуют о противопоставлении значений слов *болото* и *согра*, хотя в полной мере те данные деловой письменности Западной Сибири, которыми мы располагаем для XVII—XVIII вв., не позволяют точно квалифицировать значение второго из них. Думается, что здесь может помочь обращение к значению слова *согра* в «материнских» (севернорусских) говорах, где оно обозна-

чало тайгу, дебрь, и к его значению в сибирских говорах XIX—XX вв., где очень часто им называют болотистую местность в лесу (см. ниже). Наконец, принимая во внимание этимологию слова *согра*[17], можно заключить, что рассматриваемой лексической единицей и в XVII—XVIII вв. называли болото, поросшее кустарником, деревьями, заболоченное место в лесу. Разумеется, значение слова для того времени здесь мы указываем в самом общем виде, так как следует учитывать, что и тогда слово *согра* могло иметь междиалектное семантическое варьирование, как это, например, наблюдается в современных западносибирских говорах: *сбгра* — тобол. 'травянистое болото в лесу; вообще низкое сырое место', зап.- и юж.-сиб. 'болотистый кочковатый луг', юж.-сиб. 'долина в бору', алт. 'заболоченный участок', г.-алт. 'топкое, зыбкое место около реки (в отличие от болота не имеет открытой воды)', поэтич. 'заболоченная кочковатая низина, поросшая лесом или кустарником', 'лес на болотистом месте', 'низина, заполненная водой и грязью' и др. О том, что в семантическом объеме слова *согра* доминирующим был и остается признак «лесистость» (редуцировавшийся в ряде случаев в признак «травянистость»), свидетельствует иркут. *сбгра* 'лесистая сопка', не имеющая ничего общего со значением 'болото', но сохраняющая семантический признак «лесистость».

Вероятно, близким по значению слову *ляга* было слово *займище*, которое в западносибирских текстах XVII—XVIII вв. употребляется как название местности, непригодной под пашню, ср.: «От того ел(ь)ника по бол(ь)шому болоту, по займищу, по бол(ь)шому ол(ь)ховнику» (Тюмен., 1686 г., ГАТОТ, ф. 47, № 2234, л. 2), «А от той озерники до ... край займища вприм(ь)» (Тюмен., 1738 г., Там же, № 2250, л. 81), «За оными к пашье годными землями залегли займища и болота, а за оными займищами боры сосновыя» (Чаус., 1749 г., ГАНО, ф. 165, № 16, л. 397 об.) и др.[18] С одной стороны, данные современных сибирских говоров позволяют предположить, что и ранее словом *займище* в этих говорах называли прибрежную местность, заболоченную в результате разлива реки (в половодье), тогда как слово *ляга* обозначало местность с застоявшейся после разлива, дождей водой. Вместе с тем словом *займище* в тюменской и тобольской местности «называются заросшие камышами и травой безлесные очень водянистые болота, которые простираются на многие десятки верст» (СРНГ, вып. 10, с. 107). Из числа русских европейских говоров данное наименование болота отмечается в пермских, оренбург-

ских и тамбовских (СРНГ, там же). Обращает на себя внимание широкое распространение слова *займище* в иных значениях в калужских, северо-двинских, вятских и других севернорусских говорах.

Г. П. Князькова, проследившая историю данного географического термина в XVIII—XIX вв., пишет, что в основе семантического объема слова «лежала идея 'пространство, место на земле, занятое чем-либо'», а значение 'место, заливаемое водой во время половодья' «являлось ... одной из конкретизаций общей идеи»[19]. В XVIII в. это слово не было локально ограниченным, ср. *займище* 'место, занимаемое водой', (САРазб, ч. 2, с. 581), и стало таковым позже, по-видимому не ранее XIX в.[20]

Для обозначения возвышенности на низкой, заболоченной местности в рассматриваемых текстах встречаем лексические единицы *веретея, веретия*: «Сенные покосы через две веретеи до озера и до ерку вниз по болоту» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 87 об.), «Вниз по Иртышу до бокалды на бол(ь)шой кустъ и на березовую веретею» (Тобол., 1683 г., Там же, л. 10), «Не доходя проезжие дороги, которая лежитъ за ево Ермаметовымъ дворомъ, на веретее Слизъ Прасолова озера» (Тюмен., 1677 г., ГАТОТ, ф. 47, № 2233, л. 1 об.), «От того логу через березовую веретию до болота» (Тюмен., 1725 г., Там же, № 2245, л. 24) и др.

Слово *веретея* начиная с XIV—XV вв. известно севернорусским памятникам[21], соответственно и севернорусским говорам, откуда скорее всего и попало в русские сибирские говоры; вторым возможным путем могло оказаться проникновение этого слова из уральских говоров[22].

Основное значение, даваемое слову *верете(и, ь)я* «Словарем русских народных говоров», — это 'возвышенное сухое место на низменности: среди болот и сырых мест в лесу, на берегу реки и т. п.', при этом слово *веретея* данный словарь отмечает для широкого круга севернорусских говоров (вят., сев.-двин., перм., волог., арханг. и др.) (см. СРНГ, вып. 4, с. 138—140).

Что касается попыток дать этимологию слова *веретея (-ия, -ья)* в интересующем нас значении, то существует несколько объяснений происхождения этого слова. Так, например, В. А. Никонов сближает с фин. vierre-rteen 'склон, берег'[23]. Действительно, определенные основания для такого сближения есть: с одной стороны, это — близость семантики севернорусского диалектизма и финского слова, с другой — севернорусские говоры заимствовали довольно большое чис-

ло названий различных явлений природы, в частности наименований рельефа местности (*согра*, *пауна*, *курья* и др.). Наряду с подобным объяснением существуют и другие. Н. И. Толстой вслед за Ф. Безлаем вост.-слав. *веретье* сближает со словен. vrétje, rétje 'источник, ключ', иногда 'место, где несколько источников, ключей' и так объясняет семантический переход: 'ключ, родник' → 'низкое топкое место на болоте' → 'возвышенное место на болоте' и т. д.[24] Свои соображения относительно этимологии рассматриваемого термина высказал Ф. П. Филин, который, отмечая отдаленность связи этого слова с тул. *веретье* 'грубый холст, которым покрывают что-либо от дождя или на котором сушится зерно' (в отличие от Н. И. Толстого, считающего эту связь близкой), считал, что «прасдавянская древность этого слова (географического термина *веретея*.— *Л. И.*) несомненна»[25].

Специально этимологией интересующего нас слова занималась Ж. Ж. Варбот, которая предполагает, что слав. *vertьje (> рус. диал. *веретье*) вместе с возможным вторичным вариантом *vertьja (> рус. диал. *веретья*), принадлежащие к одному этимологическому гнезду с глаголом *vьrtěti, являются производными от *vertь[26], при этом русская диалектная форма на *-ия* появилась в ряде говоров фонетическим путем из *веретея* (*vertěja), *веретéя*[27].

Особую и довольно обширную группу лексики составляли названия водных массивов.

Для обозначения старого русла, небольшого речного или озерного рукава употреблялось, по всей видимости, слово *ерек* (ср. *ерик*, *еричек* юго-зап. у В. И. Даля): «Межа темъ сенным покосамъ по ереку вверхъ и на лайду» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 70), «По пролевному логу на ерек..., а в другом месте за еркомъ сверху смежно с с(ы)номъ боярским а Григор(ь)емъ Кляшиковым по логу» (Тобол., 1683 г., Там же, л. 92), также топоним: «Речка Ерекъ» (Тобол., 1683 г., Там же, л. 93 об.). Бесспорно, этимологически данное слово связано с терминами *яр*, *ярок*, рассмотренными выше, ср.: словац. jarok 'ров, канал, желоб, ручей', укр. *ярóк* — то же, серб.-хорв. jâрак 'канава, ров, ручей' и др. СГНГ (вып. 9, с. 26—27) фиксирует в качестве географического термина лишь *éрик* с вокализмом *и* в суффиксе, наши же тексты последовательно дают написание *ерек*, причем беглость гласного в суффиксе (*ерек/ерком*) свидетельствует о правильности употребления писцом *е* в суффиксе. Единственный пример из современных говоров, подтверждающий существование лексемы

ерек,— это название в олонецких говорах травы (*ерек*), растущей возле рек (см. СРНГ, вып. 8, с. 368 — разрядка наша.— *Л. П.*). Для XVII в. географический термин *ерикъ*, *ерекъ* 'небольшой речной или озерный рукав' фиксируется воронежскими актами [28].

Курья: «С плеса и с кур(ь)и Федотко Козловъ с товарыщи оброку платят три алтына две ден(ь)ги, и на то плесо и на кур(ь)ю г(о)с(у)д(а)рева денежного оброку прибавлено вновь один алтынъ четыре ден(ь)ги» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 441), «Та ево пашенная и заложная земля у плоской курьи» (Тобол., 1683 г., Там же, л. 989 об.), «Н(ы)не владеет онъ Ларион рыбною ловлею курьею, а та курья на Тоболе реке, ..а ловле рыбе бываетъ бредникомъ сорокосаженъным какъ бываетъ прибылая вода в вешнее время, а летомъ, как вода убудетъ, и зимою ловли рыбной не бываетъ, потому что воды в той курье не бываетъ» (Тобол., 1704 г., Там же, № 746, л. 286), «До бору, а подле боръ до малой курьи и от курьи к Пышме речке» (Тюмен., 1670 г., ГАТОТ, ф. 47, № 2231, л. 2 об.) и др.

В цитированных примерах слово *курья* называет речное угодье: 'залив или рукав реки, временами пересыхающий' (см. третий из приведенных примеров). В современных говорах Западной Сибири данное слово имеет преимущественно подобное значение (тобол., том., кемер., новосиб. и др.), но в ряде говоров оно неоднозначно. Так, например, на территории Новосибирской области этим словом называют не только продолговатый залив реки или озера, далеко вдающийся в берег, но и продолговатую узкую ложбинку (см. Новосиб. сл., с. 263). На неоднозначность слова *курья* в Сибири XVIII в. указывает дневник Д. Г. Мессершмидта: «...in einer Kuria oder kleine Sinu...» (Messerschmidt, ч. 2, с. 57), «...aufm nordlichen Ufer der Kuria...» (Там же, с. 46), «Umb 4 Uhr lagen wir ganz in Westnordwest und hatten eine Kurja oder Lucke, an welcher eine Zadinka angebauet [war]...» (Там же, ч. 4, с. 134). В связи с отмеченным Д. Г. Мессершмидтом «Kurja oder Lucke» ср. тобол. *курья*, *курейка* 'лужайка, затопляемая весной'.

Данное слово известно русским памятникам начиная с XIV—XV вв. и является отражением в языке контактов славян с финно-уграми [29]. География данного слова в древнерусском языке охватывает северную территорию Московской Руси: слово встречается в текстах, написанных на территории распространения новгородских, двинских, важских, архангельских, холмогорских, пермских говоров (см. Срезневский, т. 1, с. 1378—1379; АХУ, кн. 2, с. 63; АСЭИ, т. 3,

с. 313; Полякова, с. 25; Картотека ДРС). В наши дни слово *курья* также известно на Европейском Севере (см. Мурзаевы, с. 126), откуда оно и пришло в свое время в сибирские говоры.

Отмеченное западносибирской письменностью *протока* 'рукав реки, связь двух водоемов' в словаре В. И. Даля (т. 3, с. 519) дано как сибирское. Современный литературный словарь приводит это слово (наряду с *проток*) без ограничительных помет (ССРЛЯ, т. 11, с. 1474). По всей видимости, существительное мужского рода *проток* следует рассматривать как общенародное в XVII—XVIII вв., а слово женского рода — вторичное (сибирское) новообразование. Во всяком случае, только слово мужского рода встречаем в литературных источниках XVII в. и в местной письменности того же времени, созданной в европейской части Русского государства: «Блиско Кулерского протоку» (В-К II, с. 187), «Къ протоку къ Смешному да на подол по протоку» (Елецкая отказная книга 1642 г. — Юж. отк., с. 90), перм. XVII в. *проток* 'поток из болота, из озера в реку' (Полякова, с. 37).

Именно слово мужского рода представлено в большинстве других славянских языков: в.-лужиц. prětok 'проток', чеш. průtok — то же, польск. przetok (диал.) 'узкий водоем между двумя берегами', болг. *прòток* 'пролив', словен. pretȇk 'проток; мель', укр. *перетік* 'протекающий ручей', *протік* 'канал, проток' (Nitsche, с. 191), и только в сербохорватском находим образование женского рода preteka 'отводная канава' (Nitsche, с. 191).

В сибирском дневнике Д. Г. Мессершмидта регулярно отмечается слово мужского рода (Protok), однако в ряде случаев на женский род указывают приводимые автором потамонимы, ср. хотя бы: «Wir wancierten [kamen] bis auf den Abend zu an die Protok [Verbindungskanal], Jagodnaja genennt» (Messerschmidt, ч. 1, с. 133).

Тобольские примеры: «От тех столбов по Карачинской протоке и вверхъ по протоке» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 107), «Подле Гасву протоку» (Тобол., 1683 г., Там же, л. 837) и др.

Словом *прорва* в тобольском источнике начала XVIII в. также назван, по-видимому, рукав реки, проток: «Три озера небол(ь)шие да на реке Туре две прорвы, и в тех озерах и в прорвах домовые кр(е)стьяне рыбу промышляют своими малыми неводками» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 746, л. 222 об.). Именно значение 'проток' для тобол. *прорва* в XIX в. отметили Патканов и Зобнин (см. Карто-

теку СРГС). Отличие в значении слов *проток(а)* и *прорва*, по всей видимости, было в том, что прорва — проточный лишь весной (в половодье) рукав реки (см. Даль, т. 3, с. 506). Сохранившееся в современных среднеобских говорах слово *прóрва* имеет значение, 'проток' и 'прорытое водой место, овраг' (Том. сл., Доп., ч. 2, с. 135).

Близким по значению к словам *протока*, *прорва* было слово *исток*. Этот географический термин называл рукав, соединяющий два водоема, чаще всего озеро и реку: «С Кривого озера на истокъ, а истокъ из озера палъ в реку Вагай» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 22), «Вверхъ по Иртышу до межи до истоку озера Казачия да впрямъ на волокъ» (Тобол., 1690 г., Тобольский краеведческий музей. Выпись с переписных и писцовых книг, столбец), «Вверхъ по реке Иртышу озеро Абалацкое с истыком (!) и на реке Иртыше с курьею» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 746, л. 221 об.), «От островного истоку по озеру к Пышме, а вниз по Пышме реке до другово истоку и до озера Калачика» (Тюмен., конец XVII в., ГАТОТ, ф. 47, № 66, л. 1), «Против истоку на горе поселился, а против сво двора на Туре реке на усть истоку, где мел(ъ)ницы его Филатковы построены» (Тюмен., конец XVII в., Там же, № 74, л. 1) и многие другие.

В современных говорах Сибири слово *истóк* известно широко: том., кемер., сиб. 'рукав, соединяющий два водоема', енис. 'рукав небольшой реки', новосиб. 'узкое место реки' и т. п. В отмеченном для XVII в. значении слово, видимо, в тот период не было локально ограниченным (см. данные АСЭИ, т. III; АРГ; Юж. отк.; СлРЯ, вып. 6).

Значение 'залив, вдавшаяся в берег часть реки' было характерно для нескольких слов. В тобольской письменности начала XVIII в. встречаем *залевъ* и *залив*, а в чаусской письменности первой половины того же столетия — *забока*.

Слово *залевъ* 'залив, заводь' фиксируется старорусскими текстами с XVI в., а слово *залевъ* 'залив реки, озера, моря' в словаре иллюстрируется источником 1721 г. (см. СлРЯ, вып. 5, с. 230, 232). В нашей выборке оба эти слова отмечены в одном и том же тобольском памятнике 1704 г.: «Он ловитъ рыбу бредником от д(е)р(е)вни своей вблизости по тоболным плесам и по заливамъ, а бредникъ мерою саженъ дватцати и бол(ь)ши» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 746, л. 264). «Темъ де бредникомъ рыбу ловятъ они в вешнее время на своей данной вотчине от д(е)р(е)вни вблизости в прибылую воду по залевамъ» (Тобол., 1704 г., Там же, л. 285 об.). Последний пример позволя-

ет уточнить значение слова — 'залив, образующийся в результате разлива воды в половодье'. Диалектный словарь свидетельствует о том, что в XIX—XX вв. *залёв* известно лишь пермским, уральским и сибирским говорам: перм., урал., сиб., амур., якут. 'залив реки или озера', урал., сиб. 'места реки между двумя близко лежащими запрудами' (мн. ч. *залёвы*), перм., г.-алт. 'весенний или летний (от дождей или таяния снега) разлив реки' (СНРГ, вып. 10, с. 195).

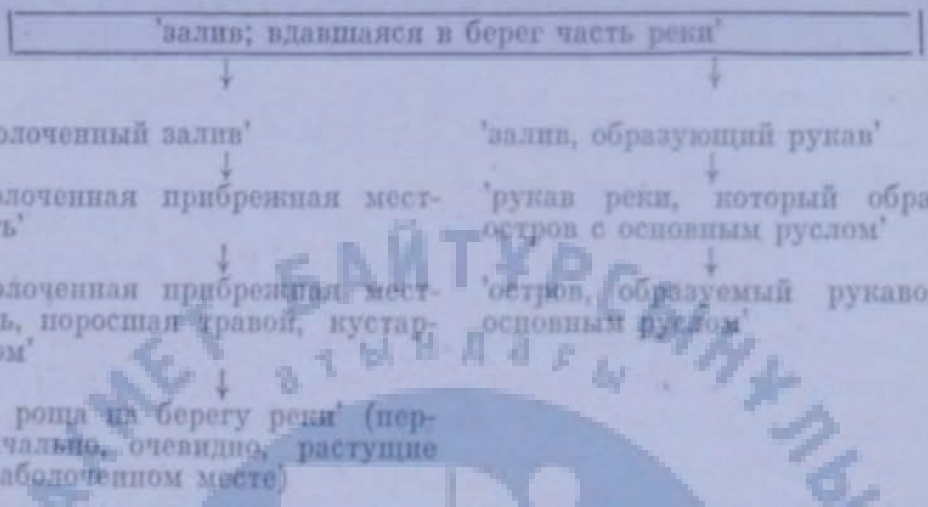
По происхождению географический термин *залив* (и его вариант *залива*) является севернорусским диалектизмом, который начиная с 20-х г. XVIII в. становится достоянием литературного языка[30].

Забока: «Приплыв в Чаусску и пристал в забоку» (Чаус., 1747 г., ГАНО, ф. 104, № 3, л. 20), «Тётка моя поутру привезла в лотке в забоку з дочер(ъ)ю своей... запасу калочей хлеба» (Чаус., 1747 г., Там же).

Как сибиризм это слово приводится в словаре В. И. Даля (т. 1, с. 553) и в СРНГ (вып. 9, с. 263—264). Судя по данным последнего словаря и Картотеки СРГС, рассматриваемое слово имеет широкий ареал распространения в сибирских говорах и довольно широкую сеть значений. Так, например, в Западной Сибири этим словом называют залив, вдавшуюся в берег часть реки (здесь же целый набор значений, развившихся на основе этого значения, см. ниже), лес, растущий на берегу реки, и некоторые другие реалии, связанные с представлением «берег». В связи с этим следует выделить данные украинского языка, где словом *бок* называют берег: ст.-укр. *бокъ* 'бок', 'берег, край, сторона' (Тимченко, т. 1, с. 117—118); укр. *бік* 'бок, часть тела', 'бок, сторона предмета', 'берег, сторона реки, озера' (Гринченко, т. 1, с. 64). В качестве семантической и словообразовательной параллели к сиб. *забока* можно привести рус. диал. (сев.-рус. и сиб.) *забéрега* 'низкий луговой берег', 'прибрежная часть реки или озера' и др., *забéрег* 'низкий луговой берег; займище, пойма', 'прибрежная полоска земли', 'очистившаяся ото льда часть реки или озера у берега' и др. (СРНГ, вып. 9, с. 251—252), чеш. (редк.) zábřeh 'место на берегу, за берегом' (Малько, с. 87).

Исходя из внутренней формы слова (букв. «то, что находится за боком [= берегом, краем, стороной чего-либо]»), можно говорить о параллельном образовании у этого географического термина таких значений, которые связаны с кругом значений исходного слова (*бок*). В данном случае речь идет об употреблении слова *забока* для названия:

а) края, обочины, ср. рус. *бок* 'сторона'; б) склона горы, ср. серб.-хорв. диал. bȏk 'склон, откос', чеш. bok 'склон'; в) различных географических реалий, так или иначе связанных с берегом. Что касается слова *забока* как географического термина, то набор значений у него весьма многообразен, и связь этих значений можно представить следующим образом:



Слово *плесо* называло участок реки между двумя излучинами: «С плеса и с кур(ь)и Федотко Козловъ с товарыщи оброку платят три алтына две ден(ь)ги, и на то плесо и на кур(ь)ю г(о)с(у)д(а)рева денежного оброку прибавлено один алтынъ четыре ден(ь)ги» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 441), «Вниз по Пице реке два плеса» (Тобол., 1704 г., Там же, № 746, л. 220 об.) и др. В словаре Э. и В. Мурзаевых отмечено, что *плёс, плёсо* в Сибири — это всякое тихое глубокое место на реке со спокойным течением, высокая отмель (Мурзаевы, с. 173). Литературный словарь форму среднего рода указывает как областную в отличие от формы *плёс* (ССРЯИ, т. 9, с. 1380, 1387). Широко известное в современных сибирских говорах *плёсо* еще в XIX в. не было диалектным (см. Даль, т. 3, с. 124). В более раннее время слово среднего рода было, по-видимому, даже более употребительным, чем *плес*, ср.: перм. XVII в. *плесо* (Полякова, с. 33), белгор., кур., орлов. XVII в. *плесо* при новосил. XVII в. *плес* (Юж. отк., с. 324 — Указатель слов), а также упоминаемый в северодвинском источнике XV в. топоним *Плесо* (АСЭИ, т. 3, с. 32).

Праславянский характер термина *плёсо* (*pleso) подтверждается многочисленными славянскими примерами: укр. *плёсо* 'широкое, не искривленное место на реке', чеш. pleso 'горное озеро', 'глубокое место в реке', (диал.) 'озеро, пруд, сто-

ячая вода', словац. pleso 'горное озеро', 'водоворот', н.-лужиц. (стар.) ploso 'глубокое озеро, глубина, бездонное болото', польск. ploso 'островок из сплетенных водных растений на озере или пруде', (диал.) 'озеро', 'глубокое место в реке', plessy (мн. ч., диал.) 'горное озеро в Карпатах' (Nitsche, с. 167, 199, 208; Малько, с. 47).

От слова *плес(о)* было образовано *приплесок*, отмеченное в XVII—XVIII вв. в северных и сибирских говорах. Так, в беломорской письменности XVII в. И. А. Елизаровским зафиксировано слово *приплесток*, при этом исследователем отмечается: «В Северном поморье термин "приплесток" имеет два значения: 1) наносный песок, образованный прибоем волн; 2) путь для пешеходов в Поморье между захолустными селениями, обычно бывшими раскольничьими, где отсутствуют дороги и где сами жители этих селений прежде не находили нужным строить грунтовые дороги, признавая только водный путь»[21]. Отмечено данное слово, правда, без толкования и в словаре Е. Н. Поляковой — перм. XVII в.: «И нам волно каменье ломати ... и на Кондасе и на Белом камени и на Белой пашне в горе и на приплесках будет в чьей и в деленой земле будет каменье» (Полякова, с. 36). Значение в нашем примере из тобольского источника первой половины XVIII в. устанавливается довольно определенно 'прибрежная песчаная полоса': «И усмотрели против Орженного двора на приплеске в реке стоит сулел четероуголь(ь)пая в полведра неведомо с чемъ» (Тобол., 1738 г., ГАТОТ, ф. 661, № 47, л. 222).

Лайда: «Межа темъ сеннымъ покосомъ по ереку вверхъ и на лайду» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 70). Картотека СРГС не содержит материалов, которые указывали бы на распространение этого слова в современных западносибирских говорах, в то время как среди восточносибирского материала мы находим и современные данные (ср. якут. *лáйда* 'сточное озеро'). Все западносибирские свидетельства о бытовании данного слова на изучаемой территории распространения русских говоров охватывают XIX в.: *лáйда* березов. 'отлогое место близ берега реки, во время большого разлива поднимаемое водой', тобол. 'речные поёмные берега, низы, пойма, поём, поречье, урема', 'небольшое продольное озеро в окрестностях Тобольска', бараб. 'сор'. Как видим, на территории Западной Сибири в XIX в. рассматриваемым словом называли а) озеро и б) низкую местность, заливаемую водой в половодье. Оба эти употребления слова *лайда* были характерны и для северорусских говоров, ср.: олон. *лáйда* 'середина озера, широкое водное простран-

ство' (СРНГ, вып. 16, с. 247) и арханг. *лайда* 'иловатая прибрежная мель, обнаженная отливом' (Даль, т. 2, с. 235).

Рассматривая происхождение географического термина *лайда*, М. Фасмер (т. 2, с. 451) неоправданно отделяет оба круга значений (*лайда* как название водного пространства и *лайда* как название отмели, низины) и связывает вслед за Я. Калимой первое употребление с вепс. *laid* 'середина озера, широкое водное пространство', второе — с фин. laitó (род. п. laidon) 'мелкий, неглубокий', эст. laid 'маленький остров, отмель' [32].

Утрата слова *лайда* словарем западносибирских говоров может быть, очевидно, объяснена тем, что здесь существовало достаточно большое количество географических терминов (общенародных и территориально ограниченных) с аналогичным значением, получивших уже в ранние периоды заселения этого региона большое употребление, ср.: *займище*, *ляга*, *ляда* и др.

Для обозначения озера, кроме самого термина *озеро* и его уменьшительных *озерко*, *озеринка*, мы встречаем слово *бакалда* (*бокалда*). Это последнее слово, по мнению В. И. Даля (т. 1, с. 39), образовано в результате метатезы по смежности из *калдоба*. В СРНГ (вып. 2, с. 58) в качестве основного значения к слову *бакалда* приведено 'небольшой залив, озеро, яма, которые наполняются только во время весеннего половодья' (владим., перм., костр., нижегор., ряз., волж., рост., астрах. и др.). Нет сведений о бытовании этого географического термина на территории Сибири и в словаре Э. и В. Мурзаевых. В одном из наших примеров слово *бакалда* поясняется словосочетанием *мокрое озерко*, ср.: «С тое же речки Араскулки на бакалду на мокрое озерко, а с того озерка прямо по высокой веретье на речку Ясную да устья» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 5), «От Ефтезерского истоку вниз по Иртышу до бокалды на большой кусть» (Тобол., 1683 г., Там же, л. 10)[33]. В последнем примере, возможно, рассматриваемым словом назван сильно вдавшийся (во время половодья) в берег залив. Наши тексты фиксируют однокоренной топоним: «Д(е)р(е)вня Бакалдина на реке Исете» (Тобол., 1683 г., Там же, л. 1103 об.).

Отметим термины, обозначавшие верхнюю или нижнюю часть географического объекта.

Вершина 'верховье, исток реки': «От той ямы последняя межа вверхъ по речке и до вершины» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 230), «Говорил ей, что де поедемъ в боту по речке Солянке гулять в вершину» (Тобол., 1739 г., ГАТОТ, ф. 661, № 51, л. 191 об.).

Устье 'устье реки': «С устья речки Боровой да по той речке вверхъ до вершины до бол(ь)шого болота» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 21 об.).

Изголовь (и *изголова*?) 'конечная часть какого-либо географического объекта': «С верхнево конца с ызголови того острова и на низ по тому острову» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, с. 78), «Имелися де у него ... собственные ихъ самоловы на реке Иртыше под Ермаковой перекопью на верхней изголовѣ» (Тобол., 1739 г., ГАТОТ, ф. 661, № 51, л. 411). В первом из цитированных примеров слово *изголовь* обозначает мыс на верхней оконечности острова. Подобное же словоупотребление фиксирует СлРЯ (вып. 6, с. 139) в письменности XVII в. Во втором примере из тобольского источника 1739 г. данное слово (возможно, его морфологический вариант *изголова*) употребляется для наименования речного мыса[11], и в качестве сравнения здесь можно привести значения слова в кировских и свердловских говорах: киров. *изголовь* 'развилка рек, речной мыс', свердл. *изголовь* 'место, прилегающее к речному мысу' (СРНГ, вып. 12, с. 119).

В современных говорах Томской области (см. Том., сл., Доп., ч. 1, с. 176) сохранился данный термин, но употребляется он для обозначения верхней части географического объекта: *йзголовь* 'начало чего-либо'. С одной стороны, в данном словоупотреблении можно отметить расширение значения, так как слово употребляется по отношению к географическому объекту, не связанному с водным объектом (ср. обозначения этим словом в XVII—первой половине XVIII в. мыса, части острова). С другой стороны, томское слово обозначает только верхнюю, начальную часть географического объекта, т. е. можно отметить своеобразное сужение семантики слова. Это сужение, по всей видимости, связано со значением слов с корнем *голов-*, точнее, с наиболее характерным направлением семантического развития данных слов ('голова' → 'верхний'). Показательны в этом отношении некоторые значения том. *головá* 'та часть снопа, в которой находятся колосья' (синоним *вершина*), 'верхний сноп в суслоне' (Том. сл., т. 1, с. 101), новосиб. *голóвка* 'верхушка снопа', 'передняя часть саней, передок', 'верхняя часть хомута', 'верхняя часть мотовила' (Новосиб. сл., с. 98).

Особый географический объект называло слово *перейма*: «Та ево пашенная и заложная земля подле переймы» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 817 об.), «С озера и с перейму (!) и с истокомъ Ивашко Опонев с товарыщи оброку платят семнатцать алтынъ, и на то озеро и на перей-

му и на истокъ г(о)с(у)д(а)р(е)ва денежного оброку прибавлено три алтына две ден(ь)ги» (Тобол., 1683 г., Там же, л. 440 об.), «Они ж владеют Подборным озеромъ с переймою» (Тобол., 1704 г., Там же, № 746, л. 271) и др. Большинство словоупотреблений рассматриваемой лексемы свидетельствует о том, что перед нами форма женского рода, поэтому в записи «с озера и с перейму и с ыстокомъ» *перейму* является, возможно, ошиской.

Данное наименование не известно современному литературному языку, не фиксирует его и Картотека СРГС. В наше время это слово известно в северной части Европейской России: в Беломорье, на побережье арктических морей, на Новой Земле, Мурманском берегу словом *перейма* называют «низменный перешеек обычно наносного происхождения, связывающий с материком небольшие полуострова», в то время как на р. Мезень и п-ове Канин это «перешеек между двумя озерами, или проток, соединяющий два озера, плотина поперек реки, закол на реке, вообще — перехват, поперечина» (Мурзаевы, с. 170). Как видим, внутренняя форма слова (ср. *пере-* и глагольный корень *-им-*: *имать*[33]) способствовала обозначению словом как перешейка, так и протока, соединяющих какие-либо географические объекты (озера, острова, остров и берег моря, берега). В западносибирских текстах слово употребляется рядом с наименованиями рыболовных угодий, поэтому вполне естественно предположить, что в тобольской местности оно могло обозначать проток.

Кроме русских говоров, данный географический термин для обозначения узкого водоема между двумя берегами находим в говорах польского языка — *przejma* (Nitsche, с. 190).

Особо в кругу слов, связанных с наименованиями водных географических объектов, стоит слово *задёвы* (мн. ч.): «Тѣхъ старыхъ мереж годитца малое число для того, что те неводы от воды гниют и задевами дерет» (Тобол., 1704 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 746, л. 228), «(Неводы) от мокроты гниют, а водою разносит, и задевами деретъ» (Тобол., 1704 г., Там же, л. 230). В наших контекстах слово встречается в форме множественного числа, а это затруднит определение рода слова. СлРЯ (вып. 5, с. 180) приводит лишь ст.-рус. *задева* 'пень, коряга на дне водоема; то, что задевает невод' (со ссылкой на северорусский источник XVII в.). В русских говорах отмечены две формы, имеющие, как правило, северорусское и сибирское распространение,— м. р. *задёв* (*задёв*) и ж. р. *задёва* (*задёва*) 'коряги, пни, камни на дне реки, мо-

ря и т. п., за которые могут зацепиться во время ловли рыбы рыболовные снасти', ср.: том., кемер *задёв*, курган., тюмен., тобол., сиб. *задёва*, том. *задёва* (СРНГ, вып. 10, с. 48—49).

Широкое распространение в современных сибирских говорах имеет слово *волок*, которое, в частности, в западносибирских говорах, по свидетельству Картотеки СРГС, обозначает 'междуречное пространство, заросшее лесом', 'путь от одной стоянки или ночевки обоза до другой' и некоторые другие значения. Н. А. Цомакион, подробно рассматривая историю значения слова *волок* для сибирской местности, пишет, что в XVII—XVIII вв. данное слово не ощущалось как областное, хотя оно бытовало в это время преимущественно в севернорусских и сибирских говорах [7]. В наших примерах словом *волок* названа определенного вида дорога ('пространство между двумя реками, где нужно переволакивать лодки'): «Межа Селковской д(е)р(е)вне в верхную сторону реки Иртыша ... по водоку и по сосновому мысу» (Тобол., 1683 г.; ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 72), «Вверхъ по Иртышу до межи до истоку озера Казачия да впрямъ на волокъ на чертакъ Аншъ речку и вверхъ по речке» (Тобол., 1690 г., Тобольский краеведческий музей, Выпись с переписных и писцовых книг, столбец), «Не дошед до Барабы, на волоку идя по избушкам и тое данную свою покормежную утерял» (Тобол., 1746 г., ГАТОТ, ф. 661, № 83, л. 127), «Наехавъ дорогою на волоку на пустом месте грабили жену мою» (Тюмен., 1721 г., ГАТОТ, ф. 47, № 1738, л. 1 об.) и др.

Отмеченное западносибирскими источниками XVII—XVIII вв. значение у слова *волок* сохранилось в современных среднеобских старожильческих говорах (см. Том. сл., Доп., ч. 1, с. 70), в то время как говоры Новосибирской области отмечают другое значение: 'любое чужое село' (Новосиб. сл., с. 71). Это последнее значение восходит к обозначению словом *волок* поселения на дороге, по которой перетаскивали суда. Подобное употребление данного слова в СлРЯ (вып. 3, с. 6) отмечено для енисейской местности, мангазейские тексты XVII в. фиксируют также *волок* 'таможенная застава на волоке' (Цомакион, с. 70). Эти примеры как будто свидетельствуют о том, что *волок* в качестве наименования для населенного пункта является сибирской семантической инновацией. Вместе с тем в говорах Северной Житомирщины украинского языка отмечено *вблок* (стар.) 'хутор' (Лысенко, с. 14). Вполне возможно, что укр. диал. и сиб. *волок* как обозначения поселения — независимые образования.

То же значение, что и у отмеченного зап.-сиб. XVII—XVIII вв. *волок*, было у однокоренного слова *переволока*: «С нижную сторону къ деревне Араскулское озеро по переволоке татарской на речку Яспую» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 7), «Межа тем сенным покосам от малой переволоки в кривой луке вверхъ» (Тобол., 1683 г., Там же, л. 117), ср. отмеченный в мангазейской письменности XVII в. глагол *переволочить* 'перетащить через волок' (Цомакион, с. 313). Географический термин *переволока* отмечен в деловой письменности Северо-Восточной Руси XVI—XVII вв. (см. АРГ, с. 190; Полякова, с. 32).

Особую группу географических терминов составляют названия дорог. Кроме самого слова *дорога*, западносибирская письменность изучаемого времени фиксирует наименования *звоз*, *зимняк*, *сакма*.

Звоз: «Стояла опъ Самаринъ на Казанцовом звозе» (Тобол., 1743 г., ГАТОТ, ф. 661, № 69, л. 516), «Пришел к ней Ул(ь)-яне в харчевку, которая имеетца на нижнем посаде близъ бол(ь)шого звозу» (Тобол., 1746 г., Там же, № 83, л. 99), «Приехавши он для проведывания о техъ лошедяхъ в город Тюмень и будучи у звоза прозванием Старенья...» (Тюмен., 1750 г., ГАТОТ, ф. 47, № 4317, л. 27). В русских говорах Сибири слово *звоз* известно только как обозначение дороги в гору от реки или переезда, подъема, въезда, а из числа западносибирских говоров данную лексическую единицу находим в тюменских, курганских, томских, новосибирских говорах. В сибирские говоры слово пришло из севернорусских, где, кроме отмеченного значения (сев.-двин., яросл.), слово *звоз* имеет еще одно — 'покатый бревенчатый настил для въезда в верхнюю часть крытого двора (в поветь, сарай)' (арханг., олон., нят., сев.-двин., волог.— СРНГ, вып. 11, с. 220), ср. также перм. XVII в. *взвоз*, *звоз* 'дорога в гору от реки, пруда' (Полякова, с. 18), устюж. XVI в. *звозъ* (АХУ, кн. 2, с. 803), топоним псков. *Звозъ* (СлРЯ, вып. 5, с. 356).

Слово *звоз* с формальной стороны представляет собой лексикализованный фонетический вариант слова *взвоз* (*взвозъ*), ср. ст.-рус. *взвозъ* 'действие по глаголу взвозити', 'въезд, подъем (от реки, моста, перевоза)'; бревенчатый настил у места въезда' (СлРЯ, вып. 2, с. 144). Аналогичный пример лексикализации находим в случае с лексическими единицами *вставка — ставка*, отмеченными в нашей письменности для обозначения вставленного в оправу (полу)драгоценного камня.

В словаре современного литературного языка слово *звоз* не приведено, но дается *взвоз* ('ввоз наверх', 'дорога в гору;

въезд, подъем'— ССРЛЯ, т. 2, с. 290) без ограничительных помет. Однако и в этой форме слово если и не характеризует диалектную словарную систему, то, во всяком случае, принадлежит народно-разговорной форме языка. Этот уход слова *взвоз* из лексической системы литературного языка ощутили, например, авторы СРНГ (вып. 4, с. 250), приводящие *взвоз* 'дорога в гору (от реки или перевоза, подъем, взъезд)' в своем словаре.

Зимняк: «Вверхъ по Подувалке и Випокурке речкам до зимняка» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 85 об.), ср.: в этом же деле находим с тем же значением словосочетание *зимняя дорога*: «По сосновой веретее до зимние дороги» (Тобол., 1683 г., Там же, л. 105 об.).

В современных говорах Сибири (в том числе и в ее западной части) для названия дороги, по которой ездят только зимой, употребляется слово *зимник*, например в тобольских, омских, томских, новосибирских говорах и др. Довольно широко это слово отмечено и в записях сибирской диалектной речи XIX в., а вот примеров на употребление слова *зимняк* Картотека СРГС не содержит, но СРНГ (вып. 11, с. 277) фиксирует кемер., сиб. *зимняк* в рассматриваемом значении.

Слова *зимняк*, *зимник* как обозначения зимней дороги в русских говорах известны преимущественно на севере (см. СРНГ, вып. 11, с. 274, 277). Показательно, что именно в северорусской письменности XVI—XVII вв. встречаются оба эти слова со значением 'дорога, по которой ездят только зимой' (СлРЯ, вып. 5, с. 389—390).

Рассматриваемое значение — не единственное, известное современным говорам, в которых оба слова благодаря прозрачности своей внутренней формы называют самые различные реалии, так или иначе связанные с понятием «зима», но в современных западносибирских (и шире — сибирских) говорах слова *зимник* и *зимняк* являются преимущественно названиями дороги. В качестве исключения можно привести *зимник* г.-алт. 'помещение, в котором зимой подкармливают маралов', якут., амур., 'зимнее жилище местных народов Сибири' (это значение, как правило, встречается в записях XIX— начала XX вв., аналогично и сиб. *зимняк* с этим же значением), новосиб. 'животное, родившееся осенью или зимой'.

Сакма: «И по той ихъ сакме пришли къ Маяну озеру августа въ 5 день. А та ихъ башкирская сакма пошла вверхъ по Синару реке подъ Каменъ» (Тобол., 1704 г., Пам. сиб. ист., кн. 1, № 89), «Ехали де назадъ съ Тобола реки отъ Спаские заимки, по правую сторону дороги отъ Уя речки,

видели де сакму съ Бол(ь)шей горские ялани, а знать де по той сакме приходило воинскихъ людей человекъ со сто и бол(ь)ши, а отъ бол(ь)шей де горские елани лежитъ та сакма по слободцкой стороне къ Чюмляцкой слободе» (Исет., 1701 г., Там же, № 35), «Ниже Курьи верстъ 30 ездили до деревни Волеговы, и сакму татарскую видели, вышла де сакма сверхъ Сылвы въ Мартьянову деревню» (1709 г., Там же, № 83), «Едучи по Тоболу вверхъ, наехалъ на усть Обыги реки многие колмацкие сакмы, и теми колмацкими сакмами ехали три недели» (Тюмен., 1623 г., Гр. Сиб. Мил., т. 2, с. 300—301) и многие другие. В современных русских говорах Западной Сибири данное слово встречается редко: кроме зап.- и юж.-сиб. *сакма* 'чуть заметная тропа, след животных по росе, траве', отраженного в Картотеке СРГС с пометой «редк.» в записи 1930 г., мы располагаем лишь новосибирским примером: *сакма* 'след, путь' (Новосиб. сл., с. 482). Между тем на восточносибирской территории слово *сакма* известно шире, из современных примеров укажем краснояр. *сакма* 'звериная тропа', бур. *сакма* 'след, проложенный в степи, в траве' и др. В ССРЛЯ слово *сакма* 'след, проложенный в степи, траве; тропинка' указано как областное (т. 13, с. 57).

В русских европейских говорах данное слово встречается также редко, во всяком случае, незначителен круг источников, фиксирующих это слово, ср.: *сакма* вост. 'колея, след колеса или полоза', 'дорожка, тор, тропа, тропинка лесная...' (Даль, т. 4, с. 129). Ранее, видимо, география слова была шире; так, это слово мы находим в межевой грамоте Скопинского уезда: «...липняг пошол через Вослебскую дорогу, что ездят из Прошска к Вослебе, к татарской сакме, да сакмою на курган, которой курган стоит полеву сакмы» (1522 г. по списку XVII в. — АСЭИ, т. 3, с. 385).

В приведенных выше цитатах из западносибирских источников XVII — первой половины XVIII в. словом *сакма* преимущественно называют дорогу, по которой прошли (проходили) татарские, башкирские кочевники, воины и т. п., и лишь в последнем примере употреблена форма множественного числа *сакмы*, обозначающая следы. Данное обозначение, по всей видимости, является вторичным, но, строго говоря, оба словоупотребления тесно связаны. Слово это семантически соотносится с представлением о сакме как о дороге, пути, так и о следе (следах).

В связи с тем, что слово употреблялось прежде всего в том случае, когда речь шла о передвижении местных народов Урала, Сибири, истоки слова следует искать в языках

аборигенов края. По всей видимости, данный географический термин является тюркизмом, так, в словаре В. В. Радлова (т. 4, с. 527, 755) находим каз. *сокпак* 'дорожка, тропинка', чагат. *сокмак*, *сокма* [F] 'тропинка', татар. *сукмак* 'тропинка, вытоптанная ногами, дорожка'.

Конкурирующей лексической единицей по отношению к только что рассмотренному слову выступало *шлях*: «И как де пришли на речку на Илесу, не доходя Барабы за 4 дница, закинуло тот шлях снегом, и куды де те люди пошли, тово неведомо» (Тобол., 1640 г., МИРМО, с. 194—195). «Повоевав де те волости, пошли тем же шляхом назад вверх по Ишиму на кош Карагай» (Тарск., 1631 г., Гр. Сиб. Мил., т. 2, с. 385), ср. том. XVII в. *шлях* 'дорога' (Палагина, с. 51). Данное слово в русские говоры попало из южнорусского наречия и является одним из немногих лексических свидетельств того, что на начальном этапе формирования русских говоров в Западной Сибири участие принимали и южнорусские говоры. Так, например, в словаре В. И. Даля (т. 4, с. 640) отмечено устаревшее для XIX в. юж., зап. *шлях* 'тракт, дорога, путь, тор, накат', 'след, сакма, особ. людей, скота при иске и погоне'. Это слово со значением 'столб(овая) дорога' отмечено было Миртовым в его словаре 1929 г., но современный словарь донских говоров фиксирует этот термин лишь в составе фразеологизма *Млечный Шлях* 'Млечный Путь' и терминологического словосочетания *обрезнбй шлях* 'большая проезжая дорога, обрезанная плугом' (см. Миртов, с. 369; Донск. сл., т. 2, с. 138, 194). В украинском языке это слово было отмечено для обозначения большой проезжей дороги, пути (Гринченко, т. 4, с. 504). Учитывая территорию распространения слова, можно сказать, что в южные и западные говоры слово шлях пришло через украинское посредство из польского или чешского языка, ср.: польск. szlak 'путь, дорога', 'кайма, бордюр', чешск. šlak 'след (например, в снеге)', 'кромка юбки' из нем. Schlag (Brückner, с. 550; Machek[2], с. 616).

В современных говорах Западной Сибири термин *шлях* не отмечен. Его утрате мог способствовать тот факт, что основу диалектного словаря этих говоров в начальный период их формирования составила севернорусская «материнская» лексика.

Для обозначения поворота, изгиба, вообще географического объекта в изучаемых памятниках отмечены слова *лука*, *повертка*. Здесь же может быть рассмотрено и слово *заклюка*.

Лука: «Межа тем сенным покосам от малой переволоки в кривой луке вверхъ» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214,

оп. 5, № 261, л. 117), ср. в южнорусских источниках то же употребление (см. Юж. отк., с. 46, 69 и др.). Как видим, в нашем примере сохраняется этимологическое значение 'изгиб, излучина'. Праслав. *lo^{n}ka представлено в большинстве славянских языков и говоров [27]. Из числа современных западносибирских говоров данное слово отмечено в новосибирских (*лука́*), где имеет значение 'поемный луг, огибаемый рекою' (см. СРНГ, вып. 17, с. 187).

Повертка: «С колка до дороги татарской повертки, а с повертки на ивовый кустъ» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 125). В качестве названия поворота дороги данное слово приведено в словаре В. И. Даля (т. 3, с. 142), а в современных среднеобских говорах оно обозначает поворот в сторону от большой дороги и употребляется там наряду с вариантами *повёртон, свёртка, свёртон* (Том. сл., т. 3, с. 26).

Заклюка: «Семь саженъ почетных до сво Фед(ь)кины оплот, избные и клетные стены, до огородные заклюки, а от огородные заклюки ... до ево Пашковы Полигалова межи поперешнику по семи саженъ» (Тюмен., 1699 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 1, № 3а, л. 397—397 об.). Словосочетание *огородная заклюка* обозначает, скорее всего, огород изогнутой формы, о чем свидетельствует слово *заклюка* в северно-русских говорах — 'участок пашни изогнутой, неправильной формы' (новг., твер., калин. — СРНГ, вып. 10, с. 134). Вместе с тем слово *заклюка* в тюменском примере XVII в. может означать и просто 'поворот, изгиб', хотя это значение и не приводится ни современными региональными словарями, ни древнерусским словарем, где *заклюка* 'участок земли неправильной формы' подтверждается двумя примерами из источников XVII в. (СлРЯ, вып. 5, с. 215). В СРНГ, кроме отмеченного выше, к рассматриваемому слову приведены также значения арханг. 'клюка', 'крюк, крючок', 'прошический намек на что-либо' (СРНГ, вып. 10, с. 134; Даль, т. 1, с. 587). Значение 'изгиб, извилина, поворот дороги' мы находим, например, у чеш. диал. zákluka, словац. zákľuka, zákľuča, (диал.) zákľuč (Малько, с. 88).

Известная трудность в установлении точного значения у тюмен. XVII в. *заклюка* заключается в том, что в современных диалектных сибирских материалах это слово отсутствует.

В качестве наименований лесных массивов мы встречаем прежде всего термины *лес* и *бор*. Последнее слово называло хвойный (сосновый) лес; подобный же лес, видимо, назван и словосочетанием *боровой лес*: «От Бабасанского озера до

борового лесу» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 149), ср. *бор*: «От осинника на Черное глубокое озеро и до бору, а подле бору до той жъ первые межи» (Тюмен., конец XVII в., ГАТОТ, ф. 47, № 66, л. 1) и др. Само слово *лес* использовалось для наименования лесного массива вообще и для названия более определенных лесных массивов, конкретизируя в последнем случае свое значение в составе устойчивых словосочетаний терминологического типа. Примером может служить отмеченное выше словосочетание *боровой лес*, а также *черный лес*, *дикий лес*.

Употребление словосочетания *черный лес* (и слова *черно-лесье*) для обозначения хвойного леса является сибирской особенностью [38], в общенародном языке этим словосочетанием называется лиственный лес. Наши примеры не позволяют уточнить, какой (хвойный или лиственный) лес обозначается этим словосочетанием: «С лугу прямо на моховое болото, а от того болота на черный лесъ» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 36) и др. О том, что в русских говорах Сибири в первой половине XVIII в. словосочетанием *черный лес* называли хвойный лес, свидетельствуют записи Д. Г. Мессершмидта: «...dicker und finsterer Wald oder чёрный лес, welches die Tataren eigentlich Urman nennen...» (Messerschmidt, т. 2, с. 124.)

Дикий лес 'неосвоенный, никому не принадлежащий лес': «Межа ... з другую сторону по диким лесомъ по суземью» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 3).

Термины *березник*, *ельник*, *липняг*, *осинник*, *сосняг*, *тал* и др. называли лесные массивы, состоящие из деревьев одной породы: «С той речки прямо на частой березникъ» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 33), «Выше ел(ь)нику» (Тюмен., 1699 г., ГАТОТ, ф. 47, № 54, л. 1), «Через то болото прямо на бол(ь)шой липняг» (Тобол. 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 145), «До озера Калачика до осинника, а от осинника на Черное глубокое озеро» (Тюмен., конец XVII в., ГАТОТ, ф. 47, № 66, л. 1), «От озера к соснягу, а с сосняку на вершину речки» (Тюмен., 1699 г., Там же, № 54, л. 1), «По той речке наконец мелково талу» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 8 об.) и др.

В современных говорах Западной Сибири отмечена широкая вариантность лексических единиц для наименования лесных массивов, состоящих из деревьев одной породы. Для передачи понятия 'березовый лес' используются слова, которые являются вариантами по отношению к литературным *бере́зник* и *березня́к*, и собственно диалектные наименова-

ния. Сравнительный анализ различных диалектных словарей свидетельствует об отличиях в словарном составе между различными говорами. Примером могут служить данные «Словаря русских старожильческих говоров...» и «Словаря русских говоров Новосибирской области» (Том. сл., Новосиб. сл.). Говоры Новосибирской области в качестве названия березового леса располагают наименованиями *берёзник*, *березня́к* (оба варианта отмечены и для обозначения березового леса как строительного материала и березовых дров), *бель*, *бе́льник*, *белый лес* (последние три наименования однозначны — 'березовый лес'). Подобная вариантность отсутствует в среднеобских старожильческих говорах, располагающих практически теми же лексемами, но с более развитой семантической противопоставленностью: *берёзник* = *березня́к* 'срубленные или спиленные березы' *бельни́к* = *белый лес* 'лиственный лес', *бель* 'березник, выросший на выжженном месте'. Такая дифференциация значений этих слов в среднеобских говорах может, очевидно, объясняться типом говоров: среднеобские являются старожильческими, характеризующимися наборы определенных структурных черт, в отличие от говоров Новосибирской области, являющихся в основном смешанными.

То же можно отметить и для наименований зарослей ивы. В новосибирских говорах таковыми выступают *тали́нник*, *талбвник*, *тала́*, *тали́на*, причем последнее слово называет также и отдельный куст тальника. В среднеобских говорах в качестве наименований зарослей ивы используются *тальня́к*, *тали́нник*, а слова *тала́* и *тали́на* имеют значение 'ива'. Вместе с тем эти же говоры фиксируют широкую вариантность наименований для елового леса *бельня́к*, *елбвник*, *ело́чник*, *ели́ч*), в то время как в «Словаре русских говоров Новосибирской области» отмечено лишь *ели́ч*.

При всем многообразии вариантов для обозначения лесного массива, состоящего из деревьев одного вида (добавим к приведенным выше примерам том. *сосня́к* и новосиб. *сосня́вник* 'сосняк'), следует отметить, что, как правило, это — фонематические или словообразовательные варианты. Двойственность их проявляется в следующем: варианты они выступают по отношению к друг другу и по отношению к литературным наименованиям. В связи с этим, видимо, процесс расширения значения у том. *бельник*, *белый лес* ('березовый лес' → 'лиственный лес') и семантического уточнения у том. *бель* неслучаен и может быть объяснен отсут-

ствием в литературном языке обозначений березового леса словами с корнем *бел-*.

Специального рассмотрения требуют термины *дуброва* (*дубрава*), *колок*, *урман*.

Наименование *дуброва* (вариант *дубрава*) в исследованных источниках не было однозначным. Прежде всего оно называло лиственный лес: «Через огород поскотинной, а у огорода береза, ... осина, а на ней грань, а от той осины дубровою реткой на березу» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 261, л. 155) и др. Оно употреблялось и для обозначения места в лесу, годного для расчистки под пашню: «К тому де месту лесу много и близко, и дубровы де пашенные и луги есть» (Тобол., 1600 г., Гр. Сиб. Мил., т. 2, с. 160), «И князь Федор, и Богданко Волошенин и Михалко Вискунов досмотрели дубравы, где лучше государю прибыльнее в Верхних Таборех от межи, выше вогульских зимних юрт, дубровы (!) и до озерка смерили сряду верью, где можно государева пашня вновь распахать» (Пелым., 1618 г., Гр. Сиб. Мил., т. 2, с. 245). Наконец, у рассматриваемых вариантов следует отметить значение 'лесной покос': «На сенных уго(д)ьях около Анисимовой д(е)р(е)вни в дуброве косили ево, Мокеева, работники сено» (Тобол., 1739 г., ГАТОТ, ф. 661, № 51, л. 413), «Велели отвести сенной покос ...в дубраве по Селиванове дороге» (Тюмен., 1665 г., ГАТОТ, ф. 47, № 2230, л. 1) и др.

Лексическая единица *дубрава* в Картотеке СРГС представлена только тобольскими примерами — 'березовый лес с крупными толстыми деревьями', 'роща с преобладанием лиственных пород'. Более употребительна в сибирских говорах лексема *дуброва* — кемер. 'дубрава, лес', краснояр. 'хороший строевой лес', иркут. 'лес', тюмен. 'лес, березник, осинник', колым. 'лиственная поросль, мелкий пихник', тобол. 'отделенный покос', новосиб. 'небольшой смешанный лес', 'березовая роща', 'кустарник'. На меньшую употребительность лексической единицы *дубрава* указывает и западносибирский материал XVII — начала XVIII в.

Словарь И. И. Срезневского (т. 1, с. 739—740) для древнерусского языка отмечает лексемы *дубрава* и *дуброва*. Кроме значения 'деревья, лес, роща', известного обеим лексическим единицам, этот словарь регистрирует и *дуброва* 'поле'. Более информативен новый словарь древнерусского языка: *дубрава* 'лес', 'дубрава, роща; лес из деревьев одной породы, особенно лиственный', 'поле', *дуброва* 'лес', 'дубрава, роща; лес из деревьев одной породы, особенно лиственный', 'лиственный лес, выросший на вспаханной и заброшенной

росчисти; также, вероятно, всякое повторно расчищенное поле в лесу' (СлРЯ, вып. 4, с. 370—371). Как видим, даже древними памятниками не зафиксировано значение 'quercetum' (дубовый лес) для рассматриваемых лексических единиц, а следовательно, была утрачена и словопроизводственная связь со словом *дубъ* 'quercus'.

Возможно, что широкое распространение в древнерусских памятниках слово *дубрава* получило под влиянием книжного языка, куда в свою очередь попало из древнеболгарского. В связи с этим интересно привести данные современных славянских языков: болг. *дъбрáва*, макед. *дабрава*, серб.-хорв. *дȗбрава*, словен. dobrâva, чеш. doubrava, словац. dúbrava, в.-лужиц. dubrawa, н.-лужиц. dubrawa, польск. dąbrowa, укр. *дуброва* (*діброва*), белорус. *дуброва*, рус. *дубрава* и *дуброва* (см. ЭССЯ, вып. 5, с. 93). Этот славянский материал свидетельствует о распространении лексической единицы с *-о-* на северо-востоке славянской территории. О заимствованном характере рус. *дубрава*, возможно, свидетельствует тот факт, что эта лексема, известная на юго-западе славянского языкового континуума, не отмечена для южнорусских говоров. Так, например, С. И. Котков в исследовании по лексике южнорусских памятников в примерах приводит только лексическую единицу *дуброва*[1]. Отказные книги, относящиеся к Русскому югу XVI в., также дают примеры только на эту лексему (см. Юж. отк.; Шам. раз.).

Исходя из данных русских народных говоров XIX—XX вв., представленных СРНГ (вып. 8, с. 240—241), можно заключить, что лексическая единица *дубрава*, отмеченная для северорусских и части среднерусских говоров, имеет и для этого времени более ограниченный (по сравнению со словом *дуброва*, зафиксированным, кроме северорусских говоров, и в некоторых южнорусских) ареал распространения.

Появление лексической единицы *дубрава* в русских говорах Сибири объясняется привнесением ее переселенцами с Русского Севера или из средней части Русского государства XVI—XVII вв. Правда, эта лексема и тогда была менее употребительной, чем *дуброва*, по крайней мере, об этом свидетельствует деловая письменность второй половины XVII в. Тобольска и Тюмени (см. выше). Соответственно в исследованных текстах менее употребительно прилагательное *дубравный* по сравнению с *дубровный*, ср.: «На одной пашенной земле лесных угод(ь)евъ: дубравные и боры сосновые» (Чаус., 1747 г., ГАНО, ф. 104, № 1, л. 40 об.), «На оной пашен-

ной земле лесных угод(ь)въ: дубровные и колки осиновы» (Чаус., 1747 г., Там же), «На оной пашенной земле лесных угод(ь)ев: места дубровъные и боры сосновые» (Чаус., 1747 г., Там же, л. 42) и др.

При рассмотрении семантики рус. *дуброва* специального исследования требует развитие значений у данного слова. О. Н. Трубачев при анализе праслав. *do^{n}brava/*do^{n}brova пишет: «Исходное конкретное знач⟨ение⟩ 'дуб Quercus' плохо объясняет такие производные знач⟨ени⟩я, как рус. диал. *дубро́ва* 'трава'» (ЭССЯ, вып. 5, с. 93—94), ср. новосиб. *дубро́вица* 'трава, растущая на лесных полянах', тобол. *дубро́ва* 'отдаленный покос'[40]. Значения 'трава', 'покос' не являются сибирскими новообразованиями, но отмечены у слова *дуброва* в ряде севернорусских говоров (СРНГ, вып. 8, с. 241), ср. также укр. диал. (житомир.) *дубровный сінокос* 'сіпокіс серед дубини' (Лысенко, с. 20).

Объяснить появление значения 'покос' ('трава') у слова *дуброва* можно, очевидно, исходя из происхождения слова. У слова *дуброва* (и его варианта *дубрава*) в качестве релевантного семантического признака выступает 'наличие в массиве крупных (больших) деревьев'. Этот признак, надо полагать, был этимологически обусловленным у праслав. *do^{n}brova (от *do^{n}bъ < * dumbâs 'дупло', дуплистое дерево'[41]), которое «первоначально было названием дубового смешанного леса, quercetum mixtum, тип которого в первую очередь определялся огромными дуплистыми дубами»[42]. В качестве указания на релевантность отмеченного признака у данного слова мы можем сослаться на современный сибирский материал: юго-зап. том. *дуброва* 'старый березовый лес', зап.-сиб. *дубро́вник* 'деревья с древесиной хорошего качества', ср. новосиб. *дубровный*: «На одних местах росли тогда роскошные экземпляры "дубровной", мягколистой курчавой березы, а на других — образцы кустистого "колочного" березняка»[43].

Таким образом, указанный семантический признак связан с представлением о лесном массиве с хорошими деревьями. А само это представление 'bonus' могло найти отражение как в признаках 'строевой' (краснояр. *дуброва*) и 'старый (= добротный, крепкий)' (юго-зап. том. *дуброва*), так и в признаке 'молодой'. Именно этот последний семантический признак можно выделить в значении ст.-рус. *дуброва* 'лиственный лес, выросший на вспаханной и заброшенной росчисти; также, вероятно, всякое повторно расчищенное поле в лесу', новосиб. *дуброва* 'кустарник'. Показательны в этом отношении некоторые устойчивые словосочетания, отмеченные

памятниками письменности,— *лес дубровный* 'вторичный лиственный лес (на заброшенной пашне)' *дуброва пашенная* 'лиственный лес, вырастающий на вспаханной росчисти' (СлРЯ, вып. 4, с. 371). Следовательно, развитие значений у лексических единиц *дуброва* и *дубрава* можно представить в таком виде: 'лес, дуброва' → 'молодой лес на вспаханной росчисти' → 'росчисть'/'поле' → 'трава'/'покос'. Сибирский материал дает примеры почти на все звенья данного семантического развития у слов *дуброва*/*дубрава*. Значение 'поле' не отмечено для этих слов на территории Сибири, но мы находим якут. *дубровушка* 'суша, лес, сендуха, поле'.

Параллельно данному семантическому развитию шло развитие значений от 'лес, дуброва' до 'хороший строевой лес'.

Географический термин *колок* также принадлежит к числу тех, история которых прослеживается на территории Сибири с ранних этапов развития здесь русских говоров. Этот термин обычен в западносибирской деловой письменности XVII—первой половине XVIII в.: «Мокрыхъ и кочноватыхъ местъ и колков на дватцать десятинъ и бол(ь)ши вверхъ по Иртышу» (Тобол., 1960 г., Тобольский краеведческий музей. Выпись с переписных и писцовых книг, столбец), «По кочноватому болоту до черног(о) колка» (Тобол., 1683 г., ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, № 264, л. 117), «По глубокому логу на березовый колокъ и от того колка на таловые кусты» (Тюмен., 1670 г., ГАТОТ, ф. 47, № 2231, л. 2), «Того жъ поля "30" на почтовом стапце, что у аспиновых колках, ямщик Дмитрей Другоvъ об(ъ)ѣзжалъ...» (Чаус., 1747 г., ГАНО, ф. 104, № 2, л. 287) и многие другие". Последняя цитата, возможно, дает пример употребления лексикализованной формы множественного числа этого существительного, ср. также: «От кармацкой дороги по густымъ колкамъ» (Тюмен., 1677 г., ГАТОТ, ф. 47, № 2230, л. 2). Как видно из этих примеров, слово *колокъ* в Западной Сибири XVII—XVIII вв. называло небольшой лесной массив с деревьями одного вида. Отметим также, что рассматриваемое слово в приведенных примерах обозначает только лиственный лес, т. е. лиственный одновидовой массив. Исключение составляет единственный пример, где слово *колок* служит уточнением к слову *бор*, ср.: «Нашли де тое соль растоянием от оной деревни версты напримерз две или бол(ь)ше в бору в колке в телеге» (Чаус., 1737 г., ГАНО, ф. 105, № 8, л. 179). Объясняя употребление слова *колок* в этом примере, следует иметь в виду то, что, во-первых, в русских говорах слово *бор* могло называть и лиственный лес (например, новг. *бор* 'густой, высокий лиственный лес на возвышенном сухом месте'[45]), во-вто-

рых, слово *колок* в последнем примере может указывать на характер расположения (= островком) бора (см. ниже), и, наконец, допустимо двусмысленное понимание формы «в колке», от *колок* 'лес' и от *колка* (ж. р.) 'род повозки'.

В современных русских говорах Сибири слово *колок* имеет широкое (особенно в западносибирском регионе) распространение, называя в основном небольшой лесок (островок леса) среди равнины, поля: *ко́лок* тобол. 'редкая рощица, среди и около которой расположены пашни и луга', тюмен. 'небольшой лесок', ом.— то же, том. 'небольшая рощица (береза, осина, ивы)', кемер. 'перелесок', хакас. 'кусочек леса среди поля, равнины', г.-алт. 'лесок, роща', зап.- и юж.-сиб. 'небольшая березовая роща', юж.-сиб. 'роща в степи, поле'; *коло́к* забайк. 'небольшая рощица', 'поляна перед лесом'; *ко́лок* и *коло́к* новосиб. 'небольшой островок леса, роща в поле среди пашен и лугов', амур. 'густой лесок на лужках' и др.

Семантический признак 'расположение лесного массива островком' является специфическим для слова *колок* по сравнению с остальными названиями лесных массивов[46]. Все другие значения рассматриваемого слова в сибирских говорах так или иначе обнаруживают этот семантический признак, ср.: новосиб. *ко́лок* и *коло́к* 'участок крупного леса среди мелколесья', 'участок мелколесья на болоте', том. *ко́лок* 'заболоченный участок среди леса', иркут. 'островок леса, оставшийся на месте сгоревшего массива', забайк. 'сырое болотистое место в пади, поросшее кустарником' и др. В качестве вариантов к сиб. *колок* в современных говорах Сибири находим *колк*, *ко́лка*, *око́лок*.

Если обратиться к данным «Словаря русских народных говоров», то можно увидеть, что семантический признак 'расположенность лесного массива островком' более последовательно объединяет значения слова *колок* в сибирских говорах. Более того, в этих говорах данным словом называется только лесной массив (= болотистое место, поросшее лесом, кустарником), ср. в связи с этим касп. *колок* 'песчаная мель на море, заросшая тростником' (СРНГ, вып. 14, с. 163).

Слово *колокъ* встречается в памятниках старорусской письменности, например в межевой грамоте 1522 г. (город Скопин) по списку XVII в.: «...от кургана через сакму к Осиновому колку» (АСЭИ, т. 3, с. 385)[47]. В словацком языке отмечено koloština 'лиственный лесок, роща' (Малько, с. 27).

Рассматривая происхождение данного слова, М. Фасмер (вопреки Кнутссону) отклонил возможность заимствования

лексической единицы *колок* из скандинавских языков и ограничился указанием: «Скорее всего от *кол*» (Фасмер, т. 2, с. 294). Сравнение с *кол* 'заостренная палка', несомненно, заслуживает внимания. С точки зрения словообразовательных связей, *колок* — суффиксальное образование на -ъkъ от *kolъ[48]. Что касается семантического сближения *кол* и *колок*, то следует обратиться к русскому диалектному материалу, где находим ряз., великолук., камч. *колóк* 'заостренная палка, небольшой кол', свердл. *кóлок* — то же, кур., брян., смол. *колóк* 'деревянный гвоздь, служащий в качестве вешалки', свердл. *колóк* 'зуб (у бороны)', иркут. *колóк* 'укладка сена, имеющая форму конуса, копны' (СРНГ, вып. 14, с. 163), а также рус. лит. *колóк* 'деревянный или металлический стерженек конической формы для натяжки струн в музыкальных инструментах» (ССРЛЯ, т. 5, с. 1174), чеш. kolík, kolek (морав.) 'kolík, kuželka', словац. kolok, kolka 'kuželka' (Machek, с. 306).

Подобное семантическое соответствие 'заостренная палка' (← 'конусообразный предмет') ∞ 'лес' находим у праслав. *gvozdь/*gvozdъ, ср. замечание Н. В. Горяева: «В ст.-сл. и ст.-серб. *гвоздь* зн(ачит) еще лес» (Горяев, с. 66)[49]. Возможно, в семантической цепи 'заостренная палка' ... 'лес' утраченным звеном является 'гора', ср. приведенное выше иркут. *колок* 'копна', в то время как для *gvozdь 'гвоздь' ∞ *gvozdъ 'лес' мы имеем серб.-хорв. (диал.) *гвоздь* 'скала', 'высокий торчащий камень в горах'. Что же касается семантического перехода 'гора' ← 'лес', то его «можно считать одним из универсальных семантических сдвигов, характерных не только для славянских, но и для других индоевропейских, угрофинских, тюркских и монгольских языков»[50].

Особо стоит вопрос о довольно последовательном проявлении семантического признака 'расположение островком' у рус. диал. *колок*. С одной стороны, этот признак мог развиваться на основе представления об округлости основания горы (если принять значение 'гора' в качестве связующего звена семантической цепи 'заостренная палка' ... 'лес' у праслав. *kolъkъ). С другой стороны, возможно, на семантику праслав. *kolъkъ 'лес' оказало влияние значение слова *kolo 'колесо'. Во всяком случае, семантический признак 'расположение островком' вторичен по отношению к признаку 'лесной массив', так как, даже называя остров, мель, отмель, слово *колок* сохраняет связь с семантическим признаком 'лесной массив', редуцируя его до 'поросший растительностью (травой)', ср. астрах. *кóлок* 'камышовый островок' (Даль, т. 2, с. 140).

Урман: «А с сосняг на вершину речки..., выше ел(ь)нику, а по их на ... урман(ь?)» (Тюмен., 1699 г., ГАТОТ, ф. 47, № 54, л. 1). Выносное «н» в написании «урман» может свидетельствовать о произношении этого слова как с мягким, так и с твердым конечным согласным.

Словари и лексикографические материалы XIX в. локализуют слово *урман* (*урмань*) сибирской местностью, и прежде всего западносибирской: зап.-сиб. (Даль, т. 4, с. 508), том. (Опыт, с. 162), также *урма́нь* тобол. 'обширное сплошное лесное пространство' и 'молодой сплошной лес'; *урма́н* том. 'лес вообще'. Отмечено это слово и в современных западносибирских говорах: зап.- и юж.-сиб. 'тайга, бескрайние необжитые лесные пространства', тобол. 'сплошное лесное пространство', ом. 'тайга' и др. Более того, слово *урман* 'густой лес' зафиксировано и в восточносибирских говорах, в данном случае в Приангарье. Между тем еще в начале XX в. Г. А. Маляревский так определял значение и распространение тобол. *урман* — «сплошной обширный лес; то же, что в Вост. Сибири тайга (это слово в Тоб. губернии не известно). В южной части губернии вм. *урман* говорят *бор*, а в западной *волок*»[11]. В свое время противопоставление зап.-сиб. *урман* и вост.-сиб. *тайга* было отмечено В. И. Далем (т. 4, с. 508, здесь см. специальную оговорку о произношении конечного согласного как мягкого — *урмань*). Рассматриваемое слово по происхождению является тюркизмом. Обширный материал, приведенный в словаре Э. В. Севортяна, показывает, что в большинстве тюркских языков это слово имеет начальное о-, ср. тур., крым.-татар., кумык., ногайск. orman, узб. орман, алтай. *орман* и др., и только татар. и башк. *урман* 'лес' (Севортян, т. 4, с. 472). Следовательно рус. диал. (зап.-сиб.) *урман* могло быть заимствовано из татарского или башкирского языков. Особого замечания требует семантика зап.-сиб. *урман*: при заимствовании этого слова произошло сужение значения слова (ср. татар. и башк. *урман* 'лес', как и orman в других тюркских языках) — слово называет не лес вообще, но густой непроходимый лес, т. е. тайгу.

* * *

Анализ географических терминов западносибирской деловой письменности XVII — первой половины XVIII в. позволяет сделать некоторые выводы. Прежде всего следует отме-

тить, что большая часть из рассмотренных слов в русские говоры Западной Сибири того времени пришла из северно-русских говоров (*тундра*, *камень*, *ляга*, *курья*, *лайда*, *волок*, *авоз*, *заклюка* и др.). Часть этой лексики, видимо, в XVII—XVIII вв. была известна и в других европейских говорах (прежде всего, очевидно, в среднерусских), т. е. характеризовалась широким ареалом распространения. К сожалению, современный уровень наших знаний о диалектных различиях лексики русских европейских говоров того времени не позволяет в целом ряде случаев дать однозначную функциональную (топологическую) характеристику того или иного термина. С большей степенью достоверности о месте распространения того или иного термина мы судим лишь применительно к заимствованной лексике (ср.: в кругу лексики, территориально ограниченной северными говорами, мы находим большое число заимствований из финно-угорских, самодийских языков). Однако и этой лексики достаточно, чтобы сделать вывод об определяющей роли севернорусского словаря (по сравнению с лексикой других европейских говоров) в процессе формирования лексического состава западносибирских говоров. Лексика южнорусского происхождения (территории предшествующего функционирования) представлена значительно меньшим числом лексем (ср. *лань*, *шлях*, *ерек*). Показательна дальнейшая судьба этой лексики в западносибирских говорах: она, как правило, утрачивалась. Исключение составляет слово *лань*, но здесь следует отметить, по крайней мере, два момента: во-первых, уже в XVIII в. оно подверглось формальному и семантическому влиянию со стороны более употребительных лексических единиц *елань* и *яланъ*, во-вторых, в современных говорах так же, как и в XVIII в., оно ограничено одной территорией бытования. Отмечаемый исключительно южнорусскими источниками XVI—XVII вв. термин *волок*, очевидно, очень рано получил широкое распространение в русских европейских говорах (этому могла способствовать как повсеместная распространенность реалии, так и прозрачная внутренняя форма слова). Кроме того, русский (церковнославянский) характер этого слова, возможно, сказался на его дальнейшей судьбе в русских говорах, в том числе и сибирских (ср. *лан*, *шлях* — заимствования в южнорусских говорах, а слово *ерек* связано вариантными отношениями с *ярок*, производным от возможного тюркского заимствования *яр*). Особую группу среди географических терминов в западносибирских источниках XVII — первой половины XVIII в. составляли местные новообразования: слово *забока*, морфологический вариант

протока, заимствование *урман(ь)*, специфическое значение словосочетания *черный лес*.

Дальнейшая судьба отмеченных письменностью того времени географических терминов в русских говорах Западной Сибири была различной. Некоторые из этих слов не зафиксированы современными диалектными записями (*подувалок*, *ерек/ерик*, *приплесок*, *перейма*, *шлях*, *бакалда*). Ряд слов вошел в систему русского литературного языка, при этом в современных западносибирских говорах представлены диалектные варианты упомянутых терминов (ср. лит. *тундра* и зап.-сиб. *тундра*, *тундра* с другим значением, лит. *проток* и зап.-сиб. *протока*, лит. *залив* и зап.-сиб. *лива* и др.). Говоря о семантическом развитии западносибирской географической терминологии, следует отметить ту лексику, которая претерпела семантические изменения (*волок*, *изделье*, *дуброва*, *забока*, *плесо* и др.). Подобные изменения, видимо, можно объяснить разнообразием географической среды такого значительного региона, как Западная Сибирь. (Русские, осваивая этот край, называли географические объекты теми терминами, которые им были известны и которые, по их представлению, наиболее точно подходили к новому объекту. В результате различий в самих объектах создавались различия в семантике слов.) Вместе с тем некоторые из семантических изменений географической терминологии следует объяснить языковыми причинами, ср. возможный перенос по смежности при образовании слова *волок* 'поселение; таможенная застава'.

ТІЛ БІЛІМІ ИНСТИТУТЫ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение словарного состава деловой письменности Западной Сибири свидетельствует о том, что бо́льшая часть лексики в говорах данного региона — это общенародные слова, меньшая, но весьма показательная группа — локально ограниченные слова и варианты общенародных слов. Непосредственный анализ диалектной лексики позволил выявить преобладание лексики севернорусского происхождения (севернорусской территории предшествующего функционирования). Это характерно для тобольских, тюменских, верхотурских и чаусских памятников делового письма. Общность лексики данных регионов состоит не только в преимущественном распространении севернорусских слов (из числа локально ограниченных), но и в значительном соответствии словарного состава говоров в XVII—первой половине XVIII в.

Влиянием южных говоров можно объяснить появление в западносибирских говорах того времени лексических единиц *сукня*, *лань*, *ерек*, *шлях*, не имевших, видимо, в них широкого распространения в начальный период их формирования. Показательно, что упомянутые слова в дальнейшем были утрачены или не получили широкого употребления.

Особую группу составляют слова с широким ареалом распространения в европейских говорах русского языка. Здесь под широким ареалом мы понимаем одновременное распространение слова в различных группировках говоров (наречиях). Как правило, это слова, известные севернорусским (и среднерусским) и южнорусским говорам. К данной группе слов относятся *исподница* (псков., твер., холмогор.), *покромь* (холмогор., юж.), *асечка* (перм., калуж.), *балахон* и *болохон* (холмогор., псков. и др.), *запон* и *запан* (сев., юж.) и др.

Собственно сибирская диалектная лексика представлена небольшой группой слов: *забока*, *бутылы*, *даха*, *малахай*,

ялань, *урман(ь)*. Последние четыре являются результатом языкового контактирования русского населения Сибири с аборигенами края, а исходной базой для образования слов *забока*, *бутылы* послужили русские корни. Имели место в западносибирских говорах изучаемого времени и семантические инновации, ср. *облас*.

Особо должны быть выделены такие слова, которые в изучаемое время выходили за рамки говоров, но не имели широкого употребления в литературно-общенародном языке. Основываясь на ряде исследований и словарей, к ним мы относим *медведно* 'медвежья шкура', *волок* 'дорога между двумя водоемами', *ожерелок* 'род воротника', *куптыш* и *куптуш* 'одежда вроде кафтана на меху' и др.

Наконец, ограниченность употребления ряда слов прежде всего связана не с определенной территорией, а с определенным ремеслом, что обнаруживается при анализе охотничьей и рыболовецкой лексики.

Наблюдения показывают, что формирующаяся система западносибирских говоров как говоров вторичного образования характеризуется целым рядом черт. Одна из них — присутствие в ней лексики с широким ареалом распространения в русских европейских говорах. Наличие полидиалектной основы западносибирских говоров, по-видимому, способствовало появлению (и устойчивому положению в формирующейся лексической системе) такой диалектной лексики. Вместе с тем эта черта — особенность не только говоров вторичного образования, но и вообще говоров XVII в.— первой половины XVIII в.— времени формирования национального языка.

Точно так же не столько с вторичным характером образования изучаемых говоров, сколько с периодом формирования этих говоров могло быть связано наличие лексики, употреблявшейся в периферийных сферах использования русского языка,— просторечной и профессиональной.

Отмеченные выше особенности словарного состава тобольского, а также тюменского, верхотурского и чаусского говоров обусловлены (правда, не всегда только) эпохой формирования данных говоров, когда, с одной стороны, усиливается междиалектное общение, и, с другой — территориальные диалекты заменяются территориально-социальными.

Следующая особенность лексической системы западносибирских говоров как говоров вторичного образования — сравнительно небольшое число лексических инноваций. Рассмотренный западносибирский материал показал, что лексические новообразования могли возникнуть, во-первых, на основе общерусской лексики, во-вторых, благодаря языковым

контактам русского населения с аборигенами Сибири, а также вообще под влиянием других языков (ср. *бутылы*, *ялань*). Данная особенность словарного фонда в определенной степени также может быть сближена с отмеченными выше, так как известно, что с образованием национального языка процесс диалектообразования почти прекращается. Вместе с тем несомненно, сам характер лексических инноваций связан прежде всего с конкретными особенностями функционирования говора, в частности: 1) с вторичным характером образования говора, ср. лексические инновации словообразовательного типа, исходной базой для которых послужили слова из «материнских» говоров (сиб. *бутылы* при сев. *бутной*, *бутить*, откуда и сиб. *бутить*, *бучить*; сиб. *черевезь* при сев. *черевея*), а также лексические инновации, возникшие в результате изменения семантики диалектного слова из «материнских» говоров (вроде сиб. *обас* 'челн, долбленая лодка' при сев. *обас* 'речное грузовое судно'); 2) с иноязычным окружением изучаемого говора, ср. такие лексические образования, как *даха*, *ялань*, *улахай* и др.

Непосредственно вторичный характер рассматриваемых говоров обусловил взаимодействие лексических единиц в рамках формирующейся лексико-семантической системы говоров. С одной стороны, это было взаимодействие лексических единиц с различными значениями, с другой — с одинаковым значением. Результатом взаимодействия первого типа явились специфические лексико-семантические группы, отличные от аналогичных групп общенародного языка и (или) говоров. В качестве примера можно привести обозначения головных уборов замужней женщины: *кокошник*, *повойник*, *подобрусник* и *подубрусник*, *чепышка* и *чапышка*, *чепец* и *цепец*, *подцепешник*, *связка*; обозначения обуви: *баймаки*, *черки* (*чарки* и *чирки*), *коты*, *пимы*, *сапоги*, *бутылы* и др. Здесь следует обратить внимание на то, что диалектные слова, как правило, выступали в качестве уточняющих (видовых) наименований по отношению к общеупотребительной лексике, ср. семантические противопоставления слов *асечка*, *малахай* и *шапка*; *исподы*, *исподки* и *рукавицы*; *дубас* и *сарафан*; *ляга*, *займище*, *согра* и *болото* и др. Иными словами, в качестве родовых наименований (или наименований с обобщающим значением) выступали преимущественно общеупотребительные лексические единицы. Специфично противопоставление слов *бутылы* и *сапоги*. Последнее слово, по всей видимости, противопоставлялось первому как одно видовое наименование другому видовому наименованию подобной обуви. В результате взаимодействия лексических

единиц с одинаковым значением в западносибирских говорах появились конкурирующие лексические единицы.

Проведенный анализ предметной диалектной лексики в западносибирской деловой письменности позволил судить о диалектной основе говоров этого региона XVII — первой половины XVIII в. Здесь в первую очередь следует назвать севернорусские «материнские» говоры. В формировании данных говоров принимали участие также говоры южных регионов и средней полосы европейской части России. На формирование изучаемых западносибирских говоров оказывали влияние и языки аборигенов Сибири и других народов, с которыми контактировало русское сибирское население. Лексическая система говоров пополнялась и за счет образований на базе уже существующих в говорах слов. В целом анализ избранных лексических групп свидетельствует о типичном соотношении источников формирования тобольского, тюменского, верхотурского, чаусского говоров (в данном случае — источников формирования лексической системы этих говоров).

По всей видимости, русские говоры Западной Сибири в XVII — начала XVIII в. имели больше общих черт в своем словаре, чем современные говоры. Поэтому очень важным представляется анализ изменений словаря говоров, в связи с чем отметим неравномерность в развитии словаря отдельных западносибирских говоров. Неравномерность эту можно объяснить социальным фактором, и прежде всего тем, что междиалектные и межъязыковые контакты различных западносибирских говоров, начало формирования которых относится к XVII — первой половине XVIII в., были различными. Так, например, среднеобские, старожильческие говоры более последовательно сохраняют севернорусскую «материнскую» лексику, в то время как говоры Новосибирской области, являющиеся в основном смешанными, с одной стороны, фиксируют слова южнорусского происхождения, с другой — сохраняют былую вариантность лексических единиц. Разумеется, пока трудно судить о том, насколько изменилась лексическая система тех или иных сибирских говоров. Для решения этого вопроса необходимо выявить наиболее типичные лексические инновации, характеризующие эти говоры. Однако судьба лексики XVII — первой половины XVIII в. со всей очевидностью показала, что большинство несовпадений в словарном составе различных говоров можно отнести за счет неравномерного развития данных говоров.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

[1] **Мишенко И. А.** Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975, с. 32—33.

[2] **Помакион Н. А.** Русские старожильческие говоры Сибири.— В кн.: Материалы и исследования по русской лексикологии и сибирской диалектологии. Красноярск, 1971, с. 67; **Лукинова И. А.** Некоторые вопросы диалектной лексикологии. Новосибирск, 1979, с. 11.

[3] **Палагина В. В.** Реконструкция диалектного состава русского населения Томска первой половины XVII в.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Доклады III межвузовской конференции 3—7 мая 1971 г. Новосибирск, 1972, с. 153—155.

[4] **Селищев А. М.** Избранные труды. М., 1968, с. 226.

[5] **Аванесов Р. И.** Проблема образования языка великорусской народности.— ВЯ, 1955, № 5, с. 40.

[6] **Баранникова Л. И.** Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации.— ВЯ, 1975, № 2, с. 31.

[7] **Филин Ф. П.** К вопросу о так называемой диалектной основе русского национального языка.— В кн.: Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., 1962, с. 26.

[8] **Котков С. И.** О развитии лингвистического источниковедения.— ВЯ, 1968, № 2, с. 141.

[9] См., например: **Помакион Н. А.** Туруханские говоры в их истории и современном состоянии. Красноярск, 1966; **Она же.** Словарь языка мангазейских памятников XVII — первой половины XVIII в. Красноярск, 1974; и др.

[10] Перечень публикаций П. В. Палагиной см.: **Палагина В. В.** Реконструкция исходного состояния вторичного говора (на материале томского говора). Автореф. докт. дис. Новосибирск, 1973; см. также: **Она же.** Материалы для исторического словаря томского говора (первая половина XVII в.).— В кн.: Вопросы русского языка и его говоров, вып. 3. Томск, 1975; **Она же.** Замечания о речи первого томского населения.— В кн.: Вопросы русского языка и его говоров, вып. 4. Томск, 1976.

[11] См.: **Попова Н. Е.** О некоторых терминах рыбного промысла (на материале деловых документов Красноярского острога XVII — начала XVIII в.).— В кн.: Материалы и исследования по русской лексикологии. Красноярск, 1966; **Она же.** О некоторых терминах пушного промысла (на материале деловых документов Красноярского острога XVII — начала XVIII в.).— Там же; **Она же.** О некоторых группах лексики рыбного промысла в деловых документах XVII — начала XVIII в. (на материале сибирских деловых документов).— В кн.: Ма-

териалы и исследования по современному русскому языку и его истории. Красноярск, 1967.

[12] См., например: **Захарова Л. А.** Отражение фонетических особенностей письменными памятниками XVII в. Кетского острога.— В кн.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968; **Она же.** Отражение некоторых морфологических особенностей говора письменными памятниками XVII века Кетского острога.— В кн.: Вопросы языкознания в сибирской диалектологии, вып. 2. Томск, 1971; **Она же.** Глагольные формы в памятниках письменности Кетского острога XVII века.— В кн.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии, вып. 3. Томск, 1973.

[13] **Мазо С. Э.** Диалектные особенности морфологии языка деловых документов г. Томска XVII в.— В кн.: Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968.

[14] **Потехина И. Ю.** Название мехов в памятниках томского делового письма XVII в.— В кн.: Русские говоры в Сибири. Томск, 1979; **Она же.** Лексико-семантические варианты имен существительных в томских деловых документах XVII века.— В кн.: Лексика и фразеология русских говоров Сибири. Новосибирск, 1982.

[15] **Чигрик Г. М.** Материалы для исторического словаря кузнецких говоров XVII в.— В кн.: Русское слово в языке и речи. Кемерово, 1977.

ГЛАВА I

[1] См., например: **Громыко М. М.** Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; **Русакова Л. М.** Традиции и инновации в строительстве жилого комплекса у русских крестьян Сибири.— Изв. СО АН СССР, 1982, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 1(здесь же см. литературу по данному вопросу).

[2] См.: **Мораховская О. П.** Установление семантических отношений при картографировании.— В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1969. М., 1970, с. 150—169.

[3] **Дерягин В. Я.** Из истории лексических взаимосвязей в говорах Архангельской области.— В кн.: Этимология. 1966. М., 1968, с. 182—187.

[4] **Громыко М. М.** Трудовые традиции..., с. 237—238.

[5] **Русакова Л. М.** Традиции и инновации..., с. 129.

[6] См. также приведенное выше уменьшит. *избенка* к слову *изба* в наиболее употребительном в нашей выборке значении.

[7] **Богоявленский С. К.** Научное наследие. О Москве XVII века. М., 1980, с. 201.

[8] **Русакова Л. М.** Традиции и инновации..., с. 128.

[9] **Громыко М. М.** Трудовые традиции..., с. 238.

[10] **Махек В.** Славянская клеть и ее название.— ВЯ, 1957, № 4, с. 97.

[11] О том, что традиция наименования словом *клеть* жилого (холодного) помещения является достаточно древней, свидетельствует древнерусский материал (см., например: **Львов А. С.** Лексика «Повести временных лет». М., 1975, с. 114—115).

[12] См. также свидетельства старорусской письменности: РИБ, т. 37, с. 49; АСЭИ, т. 3, № 22, 25, 27, 209; **Котков С. И.** Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, с. 140—143.

[13] Значение 'казенная винная лавка в дореволюционной деревне' у слова *казенка* отмечено в рязанском говоре (Деул. сл., с. 215).

[14] **Молодых К. А.** Бытовая лексика говора русского старожильческого населения Тункинского района БАССР.— Тр. Иркут. гос. ун-та, 1967, т. 53. Сер. языкознания, вып. 3, с. 167.

[15] См.: **Дмитриев Н. К.** О тюркских элементах русского словаря.— В кн.: Лексикографический сборник, вып. 3. М., 1958, с. 36 (Н. К. Дмитриев сравнивает рус. *чулан* с татар. *чолан*, башк. *солан*, туркм. *чолан*).

[16] Это значение для слова *рундук* отмечено в пермских говорах (см. Даль, т. 4, с. 113).

[17] Это значение словарем В. И. Даля (см. там же) указывается для ярославских и владимирских говоров. О том, что рундуком в XVII в. назывались различные реалии (площадка у крыльца, возвышенная площадка на перегибе лестницы, архиерейское место, возвышение для постели, широкий непереносный низкий шкаф), см.: **Богоявленский С. К.** Научное наследие..., с. 215.

[18] **Лукьянова И. А.** Бытовая лексика говоров Сузунского района Новосибирской области.— В кн.: Исследования по языку и фольклору, вып. 1. Новосибирск, 1968, с. 148.

[19] Там же; см. также: **Бухарева И. Т.** Семантические отношения в лексике русских сибирских говоров.— В кн.: Языки и литература народов Сибири. Новосибирск, 1970, с. 186—187.

[20] **Громыко М. М.** Трудовые традиции..., с. 247.

[21] См. также: **Потебня А. А.** К истории звуков русского языка. Воронеж, 1876, с. 95.

[22] **Попов А. И.** О возможностях совершенствования приемов этимологического исследования.— В кн.: Этимология. 1967. М., 1969, с. 122; ср. лат. *columbarium* 'голубятня', (погреб.) 'подземная усыпальница, колумбарий' и др. (**Дворецкий А. Х.** Латинско-русский словарь. М., 1976, с. 296; см. также: **Lexicon** der Antike. Leipzig, 1971, с. 119).

[23] Ср. только лексическая единица *голбец* отмечена нами в западносибирских источниках первой половины XVIII в.

[24] **Vaillant A.** Grammaire comparée des langues slaves, t. 4. P., 1974, p. 640.

[25] Ibid., p. 235, 640.

[26] Ср. в словаре И. И. Срезневского (т. 2, с. 1795) приводится *натро* (*пе'тро*) 'углубление' из переводного списка XV в., где данное слово передает греч. σκτυφις. Это древнерусское слово, очевидно, означало не просто углубление, а скорее всего ямку. Так, в поздних списках этого памятника, согласно данным словаря И. И. Срезневского, именно словом *ямка* передается соответствующее греческое слово.

[27] **Громыко М. М.** Трудовые традиции..., с. 248.

[28] Обозначение этими словами кухни следует объяснить как функциональный перенос ('угол дома, избы —>) 'часть дома, где готовят пищу' —> 'кухня'.

[29] **Дмитриев Н. К.** О тюркских элементах русского языка.— В кн.: Лексикографический сборник, вып. 3. М., 1958, с. 30; **Козырев И. С.** К вопросу об изучении тюркизмов в русском языке.— В кн.: Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974, с. 14—15.

[30] Форма *анбар*, представляющая собой лексикализацию фонетического изменения в народной речи заимствованного слова, широко распространена и в современных говорах Западной Сибири. Об этом свидетельствует Картотека СРГС, располагающая также целым рядом производных, ср. тобол., том., новосиб. *анбарушка* 'небольшой амбар' наряду с новосиб., алт. *амбарушка* для наименования небольшо-

го сарая и навеса. Интересен пример том. *анбар* 'ловушка для медведя' (Том. сл., Доп., ч. 1, с. 16), который является семантической инновацией.

[31] Ввиду того, что орфография наших источников не позволяет четко разграничить формы *магазеин* и *магазейн*, мы указываем только последнюю.

[32] См.: **Котков С. И.** Очерки по лексике..., с. 42—44; Словарь-дневник, с. 132; ПНЯ, с. 140.

[33] См.: **Цомакион Н. А.** Русские старожильческие говоры Сибири.— В кн.: Материалы и исследования по русской лексикологии и сибирской диалектологии. Красноярск, 1971, с. 77.

[34] **Кармакова О. Е.** О звуке [х] в русских говорах.— В кн.: Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977, с. 139; см. здесь же карту «Мена [х] на [к] в словах *хлеб, хоронить, хутор, ходить*».

[35] См.: **Федоров А. И.** Общеславянская и древнерусская лексика в беломорских говорах.— В кн.: Очерки истории языка. Л., 1960, с. 19; **Клепикова Г. И.** Славянская пастушеская терминология (ее генезис и распространение в языках карпатского ареала). М., 1974, с. 163.

[36] **Петропавловская Л. В.** Названия построек для скота и домашней птицы в говорах Новосибирской области.— В кн.: Лексика и фразеология русских говоров Сибири. Новосибирск, 1982, с. 81.

[37] **Образование** северорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970, с. 281.

[38] **Чайкина Ю. И.** Вопросы истории лексики Белозерья.— В кн.: Очерки по лексике северорусских говоров. Вологда, 1975, с. 120.

[39] **Бондарчук Н. С.** К вопросу о лексическом составе территориального диалекта.— Учен. зап. Калинин. гос. пед. ин-та, 1963, т. 30, с. 99.

[40] **Чайкина Ю. И.** Вопросы истории лексики..., с. 131.

[41] Ср. *Выходят, садятся и кошуркают кусти, там чего только нет: и хворост, и печенье, но такой уголь делают, что прямо смотреть хочется* (Краснояр. сл., с. 97). В говорах Сибири отмечен также глагол *кошуроваться* тобол., иркут. 'иметь что-либо в своем распоряжении, пользоваться (деньгами, землею, скотом и т. д.)', сиб. 'содержаться' (СРНГ, вып. 15, с. 157).

ГЛАВА II

[1] См.: **Трубачев О. Н.** Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, с. 402.

slave, p. II. P., 1905, p. 202—203.

[2] Meillet A. Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux

[3] См.: **Панин Л. Г.** К историческому изучению лексики русских говоров Сибири.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования, вып. 9. Новосибирск, 1980, с. 128.

[4] **Коптова В. Ф.** Об одной лексико-семантической группе ОЛА (слова со значениями 'имущество', 'скот', 'хлеб').— В кн.: Материалы и исследования по Общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968, с. 44.

[5] В ССРЛЯ и СРЯ слова *живот* 'часть тела', *живот* 'жизнь' и *живот* 'домашнее животное; имущество, богатство' определены как омонимы, в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова дано одно слово *живот* с тремя значениями.

[6] **Жуковская Л. П.** Постоянная и варьирующая лексика в списках памятника (вопросы изучения и лексикографирования).— В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов (Загреб — Любляна, сентябрь 1978 г.). Доклады советской делегации. М., 1978, с. 192.

[7] **Смолина К. П.** Слово *пожитки* и его семантическая эволюция в русском языке.— В кн.: Экскурсы в историю русской лексики. М., 1978, с. 142.

[8] **Котков С. И.** Из истории некоторых диалектных слов.— Материалы и исследования по русской диалектологии. Нов. сер. М., 1962, т. 3, с. 158.

[9] **Котков С. И.** Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVII веков. М., 1970, с. 287.

[10] См.: **Палагина В. В.** Конкурирующие лексические единицы в формирующемся русском говоре первой половины XVII века.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования, вып. 1. Новосибирск, 1972, с. 118—119.

[11] **Коннова В. Ф.** Об одной лексико-семантической группе..., с. 39.

[12] Ср.: **Борисова Е. Н.** Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск, 1976, с. 81; **Котков С. И.** Очерки по лексике..., с. 168.

[13] **Котков С. И.** Очерки по лексике..., с. 158—160.

[14] **Борисова Е. Н.** Лексика..., с. 81.

[15] **Миненко Н. А.** Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975, с. 106.

[16] См.: **Котков С. И.** Очерки по лексике..., с. 158—160; СлРЯ, вып. 6, с. 5.

[17] **Ольгович С. И.** Из наблюдений над усвоением заимствованных слов в акающих говорах Сибири.— В кн.: Сборник статей по вопросам языкознания и методике преподавания иностранных языков.— Томск, 1964, с. 35.

[18] В южнорусской письменности XVII—XVIII вв. С. И. Котков находит косвенные доказательства обозначения словом *сарафан* мужской одежды (см.: **Котков С. И.** Очерки по лексике..., с. 150—151), ср.: в словаре В. И. Даля (т. 4, с. 138) с пометой «устар.» к рассматриваемому слову приводится значение 'мужской долгий кафтан особого покрою'.

[19] Функциональная общность реалий позволила бы квалифицировать данные лексические различия как смешение, так как здесь мы столкнулись бы с соотношением материально различных слов, относительно которых нельзя утверждать, что они обладают тождеством значения, ср. «В большей своей части эти слова относятся к предметам и понятиям материальной культуры, одинаковым по значению, но реально отличающимся...» (Вопросы теории лингвистической географии/Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962, с. 155).

[20] **Громыко М. М.** Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975, с. 260.

[21] **Попов А. И.** Из истории славяно-финноугорских лексических отношений.— В кн.: Acta linguistica, 1955, т. 5, fas. 1—2, с. 9.

[22] См.: **Борисова Е. Н.** Лексика..., с. 73.

[23] См.: Там же, с. 78; **Котков С. И.** Очерки..., с. 164.

[24] **Борисова Е. Н.** Лексика..., с. 78.

[25] См.: **Ларин Б. А.** История русского языка и общее языкознание. М., 1977, с. 36.

[26] См.: **Варбот Ж. Ж.** Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика. М., 1969, с. 24; **Vaillant A.** Grammaire comparée des langues slaves, t. 4. P., 1974, p. 43—44.

[27] См.: **Громыко М. М.** Трудовые традиции..., с. 261.

[28] Ср. широкоизвестное в западносибирских современных говорах наименование *верхник* '(верхний) косяк у двери, окна'. Общим у лексических единиц *верхник* 'фартук, передник' и *верхник* '(верхний) косяк у двери, окна' является только внутренняя форма.

[29] **Громыко М. М.** Трудовые традиции..., с. 264.

[30] **Попова И. Е.** О некоторых терминах пушного промысла (на материале деловых документов Красноярского острога XVII — начала XVIII в.).— В кн.: Материалы и исследования по русской лексикологии. Красноярск, 1966, с. 41.

[31] См.: **Котков С. И.** Очерки по лексике..., с. 173.

[32] **Эстерлей Е. Н.** Об этнографизмах и их месте в диалектном словаре.— В кн.: Диалектная лексика. 1974. М., 1976, с. 18.

[33] **Маслова Г. С.** Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX в.— В кн.: Восточнославянский этнографический сборник, т. 31. М., 1956, с. 86.

[34] Слово *ибрис* отмечено также описейскими памятниками делового письма XVII в. (см.: **Громыко М. М.** Трудовые традиции..., с. 261).

[35] **Борисова Е. Н.** Лексика..., с. 87.

[36] **Елизаровецкий И. А.** Лексика беломорских актов XVI—XVII вв. Архангельск, 1958, с. 212.

[37] **Дерягин В. Я.** Названия рукавиц в русском языке.— В кн.: Диалектная лексика. 1973. Л., 1974, с. 34; см. также холмогор. XVII в. *исподки* (АХУ, кн. 2, с. 658).

[38] О распространении данного слова в других говорах из числа севернорусских см.: **Дерягин В. Я.** Названия рукавиц..., с. 34; Беляева, с. 216.

[39] **Дерягин В. Я.** Названия рукавиц..., с. 35 («Он же взял ... рукавицы и с исподами», 1686—1687 гг.).

[40] См.: **Борисова Е. Н.** Лексика..., с. 88.

[41] См. также: **Черных П. Я.** Очерки русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, с. 150.

[42] **Дерягин В. Я.** Названия рукавиц..., с. 48.

[43] См.: **Борисова Е. Н.** Лексика..., с. 86; **Котков С. И.** Очерки по лексике..., с. 183.

[44] **Котков С. И.** Очерки по лексике..., с. 183.

[45] **Дерягин В. Я.** Названия рукавиц..., с. 31; Там же см. о том, что наименование *перстянки*, *перстяги* образовано на сверпутого атрибутивного сочетания *перстяты рукавицы*.

[46] См., например, в говоре русского старожильческого населения Нижнеилимского района Иркутской области: *исподки* — 'варежки, надеваемые под кожаную рукавицу мехом вверх', *вареги* — 'охотничьи рукавицы с прорезом, предназначенным для высвобождения руки при стрельбе' (см.: **Моисеева Н. А.** Названия одежды, обуви, тканей и украшений в говоре русского старожильческого населения Нижнеилимского района.— В кн.: Ангаро-ленские говоры. Иркутск, 1972, с. 36—37).

[47] **Дерягин В. Я.** Названия рукавиц..., с. 31—32.

[48] **Котков С. И.** Очерки..., с. 172.

[49] **Федоров А. И.** Общеславянская и древнерусская лексика в беломорских говорах.— Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1960, № 267. Сер. филол., вып. 40, с. 214.

[50] **Котков С. И.** Очерки по лексике..., с. 161.

[51] **Борисова Е. И.** Лексика..., с. 84.

[52] Ср. употребление в этом же значении слова *перло*: «Перло жемчугу китайского» (Тобол., 1734 г., ГАТОТ, ф. 661, № 29, л. 222), «Перло з жемчугомъ половинчатым и с черным бисером» (Тобол., 1735 г., Там же, № 35, л. 325 об.) и др.

[53] **Борисова Е. Н.** Лексика..., с. 84.

[54] См.: **Виноградов В. В.** Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. 2-е изд. М., 1973; ЭСРЯ, т. 1, вып. 4, с. 20.

[55] Относительно употребления данного слова как наименования козырька фуражки в Сибири см.: **Громыко М. М.** Трудовые традиции..., с. 265; СРНГ, вып. 14, с. 248.

[56] **Борисова Е. Н.** Лексика..., с. 85.

[57] **Котков С. И.** Очерки по лексике..., с. 177.

[58] **Громыко М. М.** Трудовые традиции..., с. 258—259.

[59] Там же, с. 259.

[60] Ср. также тот факт, что Ф. П. Поликарпов в «Лексиконе трехязычном» первое слово объясняет через второе: «кушакъ зри поясъ», л. 159 (см.: **Якубович Т. Д.** «Лексикон трехязычный» 1704 г. Ф. П. Поликарпова — важное пособие для изучения классических языков в XVIII в. Л., 1958, с. 20).

[61] Мысль эту, опираясь на данные старорусской письменности, высказал С. И. Котков в «Очерках по лексике» (с. 176—177); см. также: Фасмер, т. 2, с. 439.

[62] **Котков С. И.** Очерки по лексике..., с. 178—180.

[63] **Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.** Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972, с. 216.

[64] Ср. определение тобол. *гойтан*, данное Х. Ломаревым в 1892 г.,— 'шнурок на шее с крестом и ушекепкою' (цит. по Картотеке СРНГ).

[65] См.: **Фамер М.** Греко-славянские этюды. III. Спб., 1909, с. 45—46; здесь же см. о том, что рус. *гайтанъ* (историч. *гойтанъ*) заимствовано из тур. gajtan < греч. γαϊτάνιον либо непосредственно из греч. γαϊτάνι < γαϊτανιον < γαϊτανον. О тюркских словах см. Шипова, с. 114.

[66] Народы Сибири. М.— Л., 1956.

[67] **Борисова Е. Н.** Лексика..., с. 89.

[68] **Громыко М. М.** Трудовые традиции..., с. 258.

[69] **Добродомов И. Г.** Пути проникновения булгарских элементов в славянские языки.— В кн.: Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974, с. 33.

[70] **Вахрос И. С.** Наименование обуви в русском языке. I. Древнейшие наименования допетровской эпохи. Хельсинки, 1959, с. 115.

[71] **Федоров А. И.** Сибирские диалектные фразеологизмы в их отношение к общерусской фразеологии.— Изв. СО АН СССР, 1970, № 11. Сер. обществ. наук, вып. 2, с. 52.

[72] **Вахрос И. С.** Наименование обуви..., с. 119. Данная этимология не является единственной. Рассматривая слово *коты* 'женские башмаки', А. И. Соболевский писал о возможности его славянского происхождения: «Русские и до сих пор имеют „катаные" или „валяные" сапоги, шапки, войлоки ... само собой, некоторые предметы, первоначально „катаные" из шерсти, с течением времени стали изготовляться другими способами и из других материалов, но, сохранив свою форму и назначение, сохранили и название. К ним мы относим и *коты*...» (**Соболевский А. И.** Из истории русского словарного материала.— РФВ, 1913, № 3, с. 81—82).

[73] **Вахрос И. С.** Наименование обуви..., с. 89.

[74] Там же, с. 91—92.

[75] **Варбот Ж. Ж.** О словообразовательном анализе в этимологических исследованиях.— В кн.: Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963, с. 202.

[76] См.: **Громыко М. М.** Трудовые традиции..., с. 259; Даль, т. 1, с. 146.

[77] **Вахрос И. С.** Наименование обуви..., с. 89.

[78] **Бухарева Н. Т.** Формирование вторичного диалектного слова в русских говорах Сибири.— В кн.: Вопросы языка и литературы народа Сибири. Новосибирск, 1974, с. 98—99.

ГЛАВА III

[1] При цитировании этого описания выделены слова, представленные в нашей выборке только данным примером. В дальнейшем при рассмотрении таких слов цитату не приводим, а отсылаем к этому тексту.

[2] См.: **Русские** старожилы в Сибири. Историко-антропологический очерк. М., 1973, с. 220.

[3] **Елизаровский И. А.** Лексика беломорских актов XVI—XVII вв. Архангельск, 1958, с. 77.

[4] **Ларин Б. А.** Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVII в.). М., 1975, с. 234.

[5] См. соответствующие словарные материалы И. М. Васнецова, А. Грандилевского, П. И. Куликовского, А. Подвысоцкого, ср. также ССРЛЯ (т. 9, с. 9; *паволок* обл. 'лодка, обычно с парусом, для перевозки груза по мелководью').

[6] **Бадигин К. С.** По студеным морям. М., 1956, с. 346—347.

[7] **Белов М. И.** Арктические плавания и устройство русских морских судов в XVII веке.— В кн.: Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. М.—Л., 1951.

[8] **Kalima J.** Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, S. 219.

[9] **Сенкевич В. А., Михалкина М. П.** Рыболовные орудия Обь-Енисейского водного бассейна и их терминология.— Учен. зап. Магнитогор. гос. пед. ин-та, 1958, вып. 7, с. 137.

[10] **Вакуров В. Н.** Из истории терминологии рыбного промысла в русском языке (на материале деловых памятников XIV—XVI вв.).— В кн.: Вопросы истории русского языка. М., 1959, с. 6.

[11] Как известное на Байкале данное слово в форме *кётэи* приведено и в САРяб (ч. 3, с. 353).

[12] А. М. Рот считает, что в данном случае речь идет о древнем корне, этимон которого неизвестен и который благодаря аттракции распространился из иранских (ср. пр.-иран. kotus, авест. kata 'комора, подвал') в финно-угорские языки, а из этих последних в славянские и германские (см.: **Рот А. М.** Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Budapest, 1973, с. 220—221).

[13] Ср. также заимствование в русских говорах Тюменской области *аймас* 'рыболовный запор из прутьев и кольев', приведшее из говоров хантыйского языка: ĭimas, imas, ǎimas 'крыло или загородка рыболовного запора или верши' (**Чайко Т. Н.** О некоторых обско-угорских терминах охоты и рыболовства в русских старожильческих говорах по нижнему течению Иртыша.— В кн.: Русские говоры Сибири. Томск, 1979, с. 72).

[14] **Kalima J.** Die ostseefinnischen Lehnwörter..., с. 165; ср. приводимые здесь заимствования *пахтать* (наряду с *пехтать*) 'сбивать масло' из олон. Püöhtä-; др.-рус. *корста* 'гроб', из (?) фин. kirstu, эст. kirst, kerst.

[15] **Попова И. Е.** О лексике, обозначающей орудия рыбной ловли (на материале сибирских деловых документов XVII — начала XVIII в.).— В кн.: Материалы и исследования по сибирской диалектологии. Вып. 1974 г. Красноярск, 1975, с. 5.

[16] **Федоров А. И.** Общеславянская и древнерусская лексика в беломорских говорах.— В кн.: Очерки по истории языка. Л., 1960, с. 190; см. также: Дополнение, с. 113; Подвысоцкий, с. 90; Куликовский, с. 55.

[17] **Федоров А. И.** Общеславянская и древнерусская лексика..., с. 190.

[18] **Мжельская О. С.** Местная лексика в псковской деловой письменности XIV—XV вв.— Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1956, № 193. Сер. филол. наук, вып. 24, с. 168; см. здесь же замечание о слове *мережа*: «В этом же значении (рыболовная снасть, представляющая собой конусообразную сеть с обручами — *Л. И.*) оно употребляется в некоторых средневековых памятниках письменности, преимущественно северного происхождения».

[19] **Вакуров В. Н.** Из истории терминологии...

[20] **Попова Е. И.** О лексике..., с. 17.

[21] **Котков С. И.** Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, с. 25; Гр-кя, с. 219.

[22] **Kalima J.** Die ostseefinnischen Lehnwörter..., с. 115.

[23] Там же, с. 134.

[24] Ср. владим., тамб. *шах* — «мережка, большой вентерь с крыльями, в несколько колен, сетка за сеткой; а крыло поставлено так, что рыба, идучи вверх и вниз, поворачивает в шах» (Даль, т. 4, с. 624).

[25] В. И. Даль здесь неточен, так как эта рыба свойственна водоемам Севера от р. Онеги до Колымы включительно (СЭС, т. 3, с. 729), в связи с чем естественно распространение и самого слова *нельма* в печорских, архангельских и других северноруссих говорах.

[26] **Фасмер М.** Греко-славянские этюды, т. 3. Спб., 1909, с. 129—130.

[27] **Герд А. С.** Из истории трех слов русской речи (муксун, мунду, кондевна).— В кн.: Этимологические исследования по русскому языку, вып. 6. М., 1968, с. 42.

[28] См.: **Усачева В. В.** Материалы для словаря славянских названий рыб. I—V.— В кн.: Этимология. 1971. М., 1973; Этимология. 1973. М., 1975; Этимология. 1974. М., 1976; Этимология. 1976. М., 1978; Этимология. 1977. М., 1979.

[29] **Блинова О. И.** О наличии синонимии в терминологической лексике говоров средней части Обского бассейна.— В кн.: Материалы V зональной сибирской конференции кафедр русского языка. Новокузнецк, 1962, с. 158.

[30] **Попова И. Е.** О некоторых терминах пушного промысла (на материале деловых документов Красноярского острога VII — начала VIII в.).— В кн.: Материалы и исследования по русской лексикологии. Красноярск, 1966, с. 35; ср.: «... бобр да ярец рыжи, 4 соболи да недособоль» (Тобол., 1651 г., МИРМО, № 124, с. 373).

[31] См.: **Прохорова О. Г.** Лексика сибирских летописей XVII в. Л., 1969, с. 153—154; Словарь-дневник, с. 273; СлРЯ, вып. 4, с. 89.

[32] См.: **Этерлей Е. И.** О семантике слов с корнем *яр-* (в связи с наименованием славянского божества Ярилы).— В кн.: Диалектная лексика. 1975. Л., 1978, с. 106; ср. также укр. *ярота* 'овцы до одного

года', польск. диал. jarczuk, jarlak; чеш. диал. jarka; словац. jarka, jarča макед. *јарец*, *јарица*; прус. eristan 'аршек, ягненок (Топоров, т. 2, с. 72, 74).

[33] **Потехина И. Ю.** Названия мехов в памятниках томского делового письма XVII в.— В кн.: Русские говоры в Сибири. Томск, 1979, с. 85.

[34] Пока неясно, можно ли говорить о *ельбаз* как о заимствовании, так как это слово фиксируется пока лишь в переводе челобитной, оригинальный текст которой мог содержать тюркское слово вроде тарнч. jolbas.

[35] **Попова И. Е.** О некоторых терминах..., с. 30.

[36] В форме множественного числа это слово отмечено в следующем контексте: «И по досмотру, у той женки Дарьицы подъ левой пахъ пожемъ ткнуто и черева вышли» (Верхотур., 1703 г., Пам. сиб. ист., кн. 1, № 57, с. 229), ср. рус. диал. (олон.) *черева* 'кишки' (Куликовский, с. 132) при др.-рус. *чрево* 'живот, брюхо', 'чрево, утроба', мех с брюха животного' (ЭССЯ), вып. 4, с. 82).

[37] Вполне обычным было употребление лексемы *чрево* 'брюшная часть шкурки меха' в якутских источниках начала XVIII в. (см. Пам. сиб. ист., кн. 2, с. 90, 121 и др.).

[38] См.: **Якубайлик Г. А.** К истории слова *пластина*.— В кн.: Проблемы фонетики и истории сибирских говоров. Красноярск, 1977, с. 94.

[39] **Волков С. С.** Из истории русской лексики. 1. «*Мебельное*».— В кн.: Вопросы теории и истории языка. Сборник статей, посвященных памяти Б. А. Ларина. Л., 1969.

[40] Там же, с. 163.

[41] Это слово постоянно встречается в дневнике Д. Г. Мессершмидта, например: „Suchati oder Elenn. Reise" (Messerschmidt, кн. 2, с. 49).

[42] **Попов А. И.** Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957, с. 35, примеч. 1.

[43] **Дерягин В. Я., Комягина Л. П.** Из истории диалектных границ в Северной России.— ВЯ, 1968, № 6, с. 11: прилагательное *ровдужьей* (*равдужьи*) отмечено холмогорской письменностью XVII в. (см. АХУ, кн. 2, с. 637, 665), см. также Словарь-дневник, с. 124.

[44] **Порохова О. Г.** Лексика..., с. 148.

[45] Ср.: «Унесли ... шубу баранью белую, обложена пухой, ожерелокъ бобровой» (Тобол., 1743 г., ГАТОТ, ф. 661, № 69, л. 107). Значение 'выделанная вроде замши кожа из овчины' у слова *ирха* приведено В. И. Далем (т. 2, с. 47), ср. также значение возможного слова-источника заимствования: др.-в.-нем. iran, irch 'козел' 'кожа с него' (Преображенский, с. 311).

[46] **Матвеев К. А.** Финно-угорские заимствования в русских говорах Урала. Свердловск, 1969, с. 27—28.

[47] **Потехина И. Ю.** Название мехов..., с. 88.

[48] «Пять сороков шесть соболей» (Илим., 1681 г., ЦГАДА, ф. 494, оп. 2, № 6, л. 26 об.).

[49] **Стефанович Я. В.** Река Чуя. Якутск, 1930, с. 162.

[50] См.: **Копанев А. И.** Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978, с. 162 (*слопцы*, *словцы*); АХУ, кн. 2, с. 701 (холмогор. XVII в. *слопцы*).

[51] См. также: **Фасмер М.** Греко-славянские этюды. III. Спб., 1909, с. 74 (рус. *калынь* < осман. kalɛr 'Form, Modell. < греч. καλόπους 'Schuhmodell').

ГЛАВА IV

[1] Самое раннее употребление производного *тундраная* отмечено в сибирской грамоте 1631 г. (см.: **Шмелев Д. Н.** Заимствования из прибалтийско-финских языков в старорусских памятниках письменности.— В кн.: Вопросы славянского языкознания, вып. 5. М., 1961, с. 197).

[2] **Кутина Л. Л.** Формирование языка русской науки. (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века). М.— Л., 1964, с. 182.

[3] Иное объяснение рус. *тундра* принадлежит М. Рясянену: из зап.-тунг. dundra 'земля', эвен. dunre 'тайга' и некоторых других (об этой этимологии см.: Фасмер, т. 4, с. 120; **Менгес К. Г.** Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979, с. 22).

[4] **Ольгович С. И.** Иноязычные слова в русских старожильческих говорах средней части бассейна р. Оби. Автореф. канд. дис. Томск, 1964, с. 7.

[5] См. также: **Потехина Н. Ю.** Лексические семантические варианты имен существительных в томских деловых документах XVII в.— В кн.: Лексика и фразеология русских говоров Сибири. Новосибирск, 1982, с. 93.

[6] См.: **Ивани Л. Г.** К историко-этимологическому изучению лексики русских говоров Сибири.— Изв. СО АН СССР, 1980, № 11. Сер. обществ. наук, вып. 3, с. 143.

[7] Ср. «Близ Кадаинского рудника встречается значительное количество так называемых местными жителями бугров (курганов)» (**Паллуцкий А.** Краткое описание так называемых чудских древностей с указанием нахождения их и в других местах Нерчинского горного округа.— Записки СО ИРГО, кн. 9-10, 1867, с. 457).

[8] **Толстой Н. И.** Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969, с. 99.

[9] Там же.

[10] См.: **Менгес К. Г.** Восточные элементы..., с. 188 (со ссылкой на М. Фасмера).

[11] См.: **Белодед И. К.** Словарь и время.— В кн.: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. К 80-летию С. Г. Бархударова. М., 1974, с. 14.

[12] **Ларин Б. А.** История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы). М., 1967, с. 95.

[13] **Филин Ф. П.** Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972, с. 535; см. также: **Менгес К. Г.** Восточные элементы..., с. 188—194.

[14] **Ларин Б. А.** История русского языка..., с. 98, здесь же см. вполне убедительные возражения против того, чтобы считать *яр* тюркизмом.

[15] **Толстой Н. И.** Славянская географическая терминология, с. 114.

[16] **Куркина Л. В.** Названия болот в славянских языках.— В кн.: Этимология. 1967. М., 1969, с. 136—137.

[17] Б. А. Серебренников предполагает, что севернорусские говоры заимствовали слово *согра* из финно-угорских языков, и в качестве сопоставления приводит манс. tārdy 'сосна', хант. tegęr 'небольшая молодая ель, высокая стройная ель' с *t*, развившимся из первоначального *s* (см.: **Серебренников Б. А.** Этимологические заметки.— В кн.: Этимология. 1968. М., 1971, с. 211).

[18] Другим значением слова *займище* было 'участок земли, занятый кем-либо для хозяйственного использования': «Во 129-м году сам занял от займища конного казака Замятенки Исакова» (Тюмен., 1623 г., Гр. Сиб. Мил., т. 2, с. 305).

[19] **Князькова Г. П.** К взаимоотношению словарного состава литературного языка и диалектов (*пойма* и *займище*).— В кн.: Диалектная лексика. 1974. Л., 1976, с. 35—36.

[20] Там же, с. 37.

[21] Ср. *веретея* 'участок земли' из Новгородской купчей XIV—XV вв. (Срезневский, т. 1, с. 244), *веретея* и его производное *веретейка*, отмеченные в двинских, архангельских, кунгурских и других памятниках (СлРЯ, вып. 2, с. 85—87), холмогор. XVII в. *веретея* (АХУ, кн. 2, с. 245), перм. XVII в. *веретея*, *веретия* 'возвышенность на берегу реки, озера, между двумя притоками с одной стороны' (Полякова, с. 17).

[22] **Цомакион Н. А.** Из истории мангазейско-туруханской лексики. Лексическая группа «Рельеф».— В кн.: Материалы и исследования по сибирской диалектологии. Красноярск, 1971, с. 131.

[23] Там же, с. 134.

[24] **Толстой Н. И.** Славянская географическая терминология, с. 133—134.

[25] **Филин Ф. П.** Происхождение..., с. 534.

[26] **Варбот Ж. Ж.** Славянские этимологии.— В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1976. М., 1978, с. 266—274.

[27] См.: Там же.

[28] См.: **Богатова Т. А., Дерягин В. Я., Романова Г. Я.** Славянская историческая лексикография и проблемы региональной характеристики слова.— ВЯ, 1982, № 3, с. 36.

[29] См.: **Филин Ф. П.** Происхождение..., с. 537; **Серебренников Б. А.** Этимологические заметки..., с. 209.

[30] История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX века. М., 1981, с. 242—243.

[31] **Елизаровский И. А.** Лексика беломорских актов XVI—XVII вв. Архангельск, 1958, с. 81.

[32] Ср.: Я. Калима по поводу *лайда* как обозначения водного пространства указывал, что это слово, возможно, попало в русские говоры из карело-финского или вепсского языков (см.: **Kalima J.** Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919, S. 148).

[33] В СлРЯ (вып. 1, с. 67) приведена только форма *баквалда* 'яма со стоячей водой'.

[34] Значение слова *перекопь*, зафиксированного только в данном контексте, установить трудно, а это соответственно затрудняет точную квалификацию семантики слова *изголовь* (*изголовье*) во втором случае. В словаре Даля (т. 3, с. 55) отмечается, что слово *перекопь* могло обозначать как поперечную канаву, ров, так и запруду, плотину. В пермских памятниках XVII в. слово *перекопь* употреблено для обозначения канавы, канала, соединяющего озеро с рекой (см. Полякова, с. 32). Если допустить то же значение и в географически близких тобольских говорах первой половины XVIII в., то термин *изголовь* (*изголовье*) мог обозначать как развилку рек (реки и ее рукава), так и мыс на этой развилке.

[35] Ср.: енис. *пе́реймы* (мн. ч.) 'родовые схватки' (в записи XIX в.).

[36] **Цомакион Н. А.** Из истории мангазейско-туруханской лексики..., с. 132. Очевидно, из севернорусских говоров было заимствовано польск. диал. wołoka (ж. р.)' das zwischen zwei Flüssen gelegene Land, über welches man die Schiffe ziehen muß' (Nitsche, с. 94).

[37] См.: **Толстой Н. И.** Славянская географическая терминология..., с. 114—116.

[38] Согласно В. И. Далю (т. 4, с. 596), *черноле́сье* 'хвойный лес...' распространено в русских говорах Забайкалья. В Картотеке СРНГ *черноле́сье* ('ельник') отмечено лишь для ангаро-ленских говоров, ср.

забайк. *чернь* 'дремучая гористая тайга' (Элиасов, с. 453).

[39] См.: **Котков С. И.** Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, с. 18, 65, 73.

[40] Ср. еще из тобольских примеров XVII в.: «Сенных у нег(о) покосов в дуброве на пят(ь)десят копен» (Тобол., 1683 г., ф. 214, оп. 5, № 261, 235 об.— 237), «Сенныхъ у нег(о) покосов в дуброве на сто пят(ь)десят копенъ:» (Тобол., 1683 г., Там же, л. 521). На то, что *дуброва* на тобольской территории в XVII в. употреблялось как обозначение безлесной местности указывает и такой пример: «(С) западу едучи на востокъ... от северу по обе стороны Туры реки пашенная и непашенная земля и сенные покосы, и леса, и пустые дубровные места» (Тобол., 1683 г., Там же, л. 230). В связи с этим вряд ли права Е. Н. Полякова, категорично объясняющая перм. XVII в. *дуброва* как 'лиственный или смешанный лес', так как цитата из пермского памятника имеет вид: «А он Козьма с покосу з дубровы из чертежу своего згонил» (см. Полякова, с. 21).

[41] См.: **Фальк К.-О.** Славянское название дуба.— В кн.: Scando-Slavica, т. 4. Copenhagen, 1958, с. 265.

[42] Там же, с. 276.

[43] **Филимонов Е. С.** Этнографический быт государственных крестьян и инородцев Северо-Западной Барабы, или Сибирского участка Каинского округа Томской губернии. Спб., 1892, с. 8.

[44] Данный географический термин в Сибири XVII в. имел, видимо, очень широкое распространение. Так, например, его фиксируют илимские, енисейские источники того времени (см. ПРАДА, ф. 491, оп. 2, № 11, л. 12 об.; Мат. ист. Якут., кн. 3, с. 1075).

[45] См.: **Соловьев В. Ф.** Особенности говора Новгородского уезда Новгородской губернии.— Сб. ОРЯС, 1905, т. 77, № 7.

[46] В качестве семантической параллели здесь можно привести полес. *круг* 'отдельный небольшой лес; небольшой лес среди поля' (см.: **Толстой Н. И.** Славянская географическая терминология..., с. 350).

[47] Исследователи отмечают, что слово *колок* 'небольшая роща, перелесок' зарегистрировано в XVI—XVII вв. только в памятниках с южнорусских территорий, а несовпадение географических характеристик слова в то время и в более поздний (современный) период «во многих случаях может быть объяснено изменением границ распространения слова, вхождением слова в наддиалектные разновидности языка» (**Богатова Г. А., Дерягин В. Н., Романова Г. Я.** Славянская историческая лексикография..., с. 36).

[48] Праслав. **kolъ*: ст.-сл. *колъ* κόλος (Meillet A. Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, p. II. P., 1905, p. 218), болг. *кол* 'кол', 'шест' (ВРС, с. 327), ukrslav. kol, kŏl, чеш. kůl, словац. kôl и др. (Miklosich, EW, с. 125; Machek², с. 306).

[49] О связи **gvozdъ* 'лес' и **gvozdь* 'гвоздь' пишет Н. И. Толстой. Он собрал также интересный материал о распространении **gvozdъ* в славянских языках, например: словен. gózd 'лес', серб.-хорв. (диал.) gozd 'густой лес, буковый лес', чеш. hvozd 'большой густой лес', н.-лужиц. gózd, gózda 'сухой нагорный лес' (см.: **Толстой Н. И.** Славянская географическая терминология..., с. 62—64; Schütz, с. 13, 58—59).

[50] **Толстой Н. И.** Славянская географическая терминология..., с. 73.

[51] См.: **Маляревский Г. Я.** Особенности говора крестьян-старожилов Тобольской губернии.— Ежегодник Тобольского губ. музея. Отд. 2, 1917, вып. 28.

[52] Что касается болг. и сербохорв. *орман* (Miklosich, EW, с. 226), то источник заимствования следует искать в турец. orman, см., например, болг. *орман* 'лес' из тур. orman (Речник ЧД, с. 530).

СОКРАЩЕНИЯ

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Абаев — **Абаев В. И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. 3. Л., 1979.

АРГ — **Акты** Русского государства 1505—1526 гг. М., 1975.

АСЭИ — **Акты** социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в., т. 3. М., 1964.

АХУ — **Акты** Холмогорской и Устюжской епархий, вып. 2. Спб., 1894.

Белецкий-Носенко — **Білецький-Носенко П.** Словник української мови. Київ, 1966.

Беляева — Словарь говоров Соликамского района Пермской области/ /Сост. О. П. Беляева. Пермь, 1973.

Блинова, Палагина — **Блинова О. И., Палагина В. В.** Лексика и фразеология говоров Среднего Прииртышья.— В кн.: Вопросы русского языка и его говоров, вып. 4. Томск, 1977.

Богданов — **Богданов В. И.** Талицкий словарь. (Диалектная лексика русского старожильческого населения Талицкого сельского совета Усть-Канского района Горно-Алтайской автономной области). Барнаул, 1981.

БРС — Болгарско-русский словарь/Сост. С. Б. Бернштейн. М., 1953.

В-К I — **Вести-Куранты** 1600—1639 гг./Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1972.

В-К II — **Вести-Куранты** 1642—1645 гг./Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1976.

ВСОРГО — Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества.

ВЯ — Вопросы языкознания (М.).

ГАНО — Государственный архив Новосибирской области.

ГАТОТ — Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске

Горяев — **Горяев Н. В.** Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.

Грандилевский — **Грандилевский А.** Родина Михаила Васильевича Ломоносова.— Сб. ОРИС, Спб., 1907, т. 83, № 5.

Григорян — **Григорян Э. А.** Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. Ереван, 1975.

Гринченко — **Словарь** украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская Старина»/Редактировал, с добавлением собственных материалов, Б. Д. Гринченко, т. 1—4. Киев, 1907—1909.

Гр-ки — **Грамотки** XVII — начала XVIII века/Изд. подгот. Н. И. Тарабасова и Н. П. Панкратова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

Гр. Спб. Мил.— **Миллер Г. Ф.** История Сибири, т. 1—2. М.— Л., 1937—1941.

ДАИ — **Дополнения** к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. 1—12. Спб., 1846—1875.

Даль — **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1—4. М., 1955.

Дворецкий — **Дворецкий И. Х.** Латинско-русский словарь. М., 1976.

Деул. сл.— **Словарь** современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области)/Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.

Донск. сл.— **Словарь** русских донских говоров, т. 1—3. Ростов н/Д., 1975—1976.

Дополнение — **Дополнение** к Опыту областного великорусского словаря. Спб., 1858.

ДТС — **Древнетюркский** словарь/Ред. В. М. Наделяев и др. Л., 1969.

Итал.-рус. сл.— **Итальянско-русский** словарь/Сост. Н. А. Скворцова, Б. Н. Майзель. М., 1963.

Камч. сл.— **Словарь** русского камчатского наречия. Хабаровск, 1977.

Картотека ДРС — Картотека Древнерусского словаря (М., Институт русского языка АН СССР).

Картотека СРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (Л., Ленинградское отделение Института русского языка АН СССР).

Картотека СРГС — Картотека Словаря русских говоров Сибири (Новосибирск, Институт истории, филологии и философии СО АН СССР).

Кочин — **Материалы** для терминологического словаря древней России/Сост. Г. Е. Кочин. М.— Л., 1937.

Краснояр. сл.— **Словарь** русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.

Куликовский — **Куликовский Г.** Словарь областного оленецкого наречия. Спб., 1898.

КЭС — **Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.** Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.

Лысенко — **Лысенко А. С.** Словарь диалектной лексики Северной Житомирщины.— В кн.: Славянская лексикография и лексикология. М., 1968.

Малько — **Малько Р. П.** Географическая терминология чешского и словацкого языков (на общеславянском фоне). Минск, 1974.

Материалы — **Тобольск.** Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885.

Мат. ист. Якут — **Материалы** по истории Якутии XVII века, кн. 1—3. М., 1970.

МДБП — **Московская** деловая и бытовая письменность XVII века/Изд. подгот. С. П. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1973.

МИРМО — **Материалы** по истории русско-монгольских отношений. Русско-монгольские отношения 1636—1654. Сб. док. М., 1974.

Миртов — **Миртов А. В.** Донской словарь. Ростов н/Д., 1929.

Монгол.-рус. сл.— **Монгольско-русский** словарь. М., 1957.

Мураевы — **Мураевы Э. и В.** Словарь местных географических терминов. М., 1959.

Назиратель — **Назиратель**/Изд. подгот. В. С. Голышенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1963.

Немецк.-рус. сл.— Немецко-русский словарь/Под ред. А. А. Лепинга и И. П. Страховой. М., 1971.

Новосиб. сл.— **Словарь** русских говоров Новосибирской области/Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1979.
Ожегов — **Ожегов С. И.** Словарь русского языка. 10-е изд./Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1973.
Опыт — **Опыт** областного великорусского словаря. Спб., 1852.
Палагина — **Палагина В. В.** Материалы для исторического словаря томского говора (первая половина XVII в.).— В кн.: Вопросы русского языка и его говоров, вып. 3. Томск, 1975.
Пам. ряз.— **Памятники** русской письменности XV—XVI вв. Рязанский край/Изд. подгот. С. И. Котков, И. С. Филиппова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1978.
Пам. сиб. ист.— **Памятники** сибирской истории XVIII в., кн. 1—2. Спб., 1882—1885.
ПМ — **Памятники** московской деловой письменности XVIII века/Изд. подгот. А. И. Сумкина. Под ред. С. И. Коткова. М., 1981.
ПНЯ — **Памятники** народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда А. И. Безобразова)/Изд. подгот. С. И. Котков, И. И. Тарабасова. М., 1965.
Подвысоцкий — **Словарь** областного архангельского наречия и его бытовом и этнографическом применении/Собрал и сост. А. Подвысоцкий. Спб., 1885.
Полякова — **Полякова Е. Н.** Материалы к словарю географических терминов пермских памятников XVII века. Пермь, 1972.
ПОС — **Псковский** областной словарь с историческими данными, вып. 1—2. Л., 1967—1973.
Преображенский — **Преображенский А. Г.** Этимологический словарь русского языка. М., 1958.
ПСРЛ — **Полное** собрание русских летописей, т. 33. Л., 1977.
Радлов — **Радлов В. В.** Опыт словаря тюркских наречий, т. 1—4. Спб., 1893—1911.
Речник ЧД — **Милев Ал., Николов Б., Братков Й.** Речник на чуждите думи в българския език. 4-е изд. София, 1978.
РИБ — **Русская** историческая библиотека, т. 2. Спб., 1875.
Рукописный лексикон XVIII в.— **Рукописный лексикон** первой половины XVIII века/Отв. ред. Б. А. Ларин. Л., 1964.
САРазб — **Словарь** Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, ч. 1—4. Спб., 1806—1822.
РФВ — Русский филологический вестник (Варшава).
Сб. ОРЯС — Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук (Спб., Пг.).
Севортян — **Севортян Э. В.** Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974 (т. I); Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М., 1980 (т. III).
Словарь-дневник — **Ларин Б. А.** Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Изд-во ЛГУ, 1959.
СлРЯ — **Словарь** русского языка XI — XVII вв., вып. 1—8. М., 1975—1981.
Срезневский — **Срезневский И. И.** Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1—3. Спб., 1893—1903.
СРНГ — **Словарь** русских народных говоров/Гл. ред. Ф. П. Филин, вып. 1—17. М.— Л., 1965 — Л., 1981.
СРЯ — **Словарь** русского языка/Гл. ред. А. П. Евгеньева, т. 1—4. М., 1957—1961.
ССРЛЯ — **Словарь** современного русского литературного языка, т. 1—17. М.— Л., 1948—1965.

ССЭ — **Советская** сибирская энциклопедия, т. 1—3. Б. м. Сиб. краевое изд-во, 1929—1932; т. 4, б. г.
СУМ — Словник української мови/Гол. ред. І. К. Білодід, т. 1—6. Київ, 1970—1975.
Тимченко — **Тимченко С. К.** Історичний словник українського язика, т. 1. Київ, 1930.
Том. сл. — **Словарь** русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби/Под ред. В. В. Палагиной, т. 1—3. Томск, 1964—1967.
Том. сл. Доп. — **Словарь** русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение)/Под ред. О. И. Блиновой, В. В. Палагиной, ч. 1—2. Томск, 1975.
Топоров — **Топоров В. Н.** Прусский язык. Словарь. A — D (т. 1), E — H (т. 2), I — K (т. 3). М., 1975—1980.
Тупиков — **Словарь** древнерусских личных имен. Труд Н. М. Тупикова. Спб., 1903.
Ушаков — **Толковый** словарь русского языка/Под ред. Д. Н. Ушакова. т. 1—4. М., 1935—1940.
Фасмер — **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка/Пер. и доп. О. Н. Трубачева, т. 1—4. М., 1964—1973.
Франц.-рус. сл. — **Французско-русский** словарь/Сост. Н. А. Гашкина. М., 1971.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
Цомакион — **Цомакион** Н. А. Словарь языка мангазейских памятников XVII — первой половины XVIII в. Красноярск, 1971.
Цыганенко — **Цыганенко Г. П. Этимологический словарь** русского языка. Киев, 1970.
Чигрик — **Чигрик Г. М.** Материалы для исторического словаря кузнецких говоров XVII в. — В кн.: Русское слово в языке и речи, вып. 2. Кемерово, 1977.
Шапова — **Словарь** тюркизмов в русском языке/Автор-сост. Шапова Е. Н. Алма-Ата, 1976.
Элпасов — **Элпасов Л. Е.** Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
ЭСБел — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы, т. 1. Мінск, 1978.
ЭСРЯ — **Этимологический** словарь русского языка/Под ред. Н. М. Шанского, т. 1—2, вып. 1—7. М., 1963—1980.
ЭССЯ — **Этимологический** словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд/Под ред. О. Н. Трубачева, вып. 1—8. М., 1974—1981.
Юж. отк. — **Памятники** южновеликорусского наречия. Отдельные книги/Изд. подгот. С. И. Котков, И. С. Коткова. М., 1977.
Яшкин — **Яшкін Н.** Беларускія геаграфічныя назвы. Мінск, 1974.
Berneker — **Berneker E.** Slavisches etymologisches Wörterbuch, A — mogъ. Heidelberg, 1908—1913.
Brückner — **Brückner A. Słownik etymologiczny** języka polskiego. Warszawa, 1970.
Gebauer — **Gebauer J.** Slovník staročeský, d. 1—2. Praha, 1903—1916.
Machek [1] — **Machek V.** Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
Machek [2] — **Machek V.** Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
Messerschmidt — **Messerschmidt D. G.** Forschungsreise durh Sibirien. 1720—1727. T. 1—4. Berlin, 1962—1968.
Miklosich, EW — **Miklosich F.** Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Miklosich, PL — **Miklosich F.** Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.
Nitsche — **Nitsche P.** Geographische Terminologie des Polnischen. Köln, 1964.
Räsänen — **Räsänen M.** Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
Schütz — **Schütz I.** Die geographischen Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957.

НАЗВАНИЯ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

авест.— авестийский
азерб.— азербайджанский
алт.— алтайский
амур.— амурский
араб.— арабский
арханг.— архангельский
астрах.— астраханский
байк.— байкальский
бараб.— барабинский
бараб.-татар.— барабинско-татарский
башк.— башкирский
белгор.— белгородский
беломор.— беломорский
белорус.— белорусский
берд.— бердский
берез.— березовский
болг.— болгарский
брян.— брянский
бур.— бурятский
великолук.— великолукский
венг.— венгерский
вепс.— вепсский
верхотур.— верхотурский
владим.— владимирский
в.-лужиц.— верхнелужицкий
волж.— волжский
волог.— вологодский
воронеж.— воронежский
вост.— восточный
вост.-казах.— восточноказахстанский
вост.-сиб.— восточносибирский
вост.-слав.— восточнославянский
вост.-тюрк.— восточнотюркский
вят.— вятский
г.-алт.— горноалтайский
голланд.— голландский
гот.— готский
греч.— греческий
двин.— двинский
дон.— донской
др.-в.-нем.— древневерхненемецкий
др.-иран.— древнеиранский
др.-польск.— древнепольский
др.-рус.— древнерусский
др.-сакс.— древнесаксонский
др.-сев.-герм.— древнесевергерманский
др.-сканд.— древнескандинавский
др.-тюрк.— древнетюркский
др.-швед.— древнешведский
енис.— енисейский
житомир.— житомирский
забайк.— забайкальский
зап.— западный
зап.-бряк.— западнобрянский
зап.-саян.— западносаянский
зап.-сиб.— западносибирский
зап.-тунг.— западнотунгусский
зап.-тюрк.— западнотюркский
и.-е.— индоевропейский
климк.— климкский
иркут.— иркутский
осет.— осетский
итал.— итальянский
казанск.— казанский
казан.-татар.— казанско-татарский
кайск.— кайский
канин.— канинский
калинин.— калининский
калуж.— калужский
камч.— камчатский
карач.— карачаевский
карел.— карельский
касп.— каспийский
кашуб.— кашубский
кемер.— кемеровский
кирг.— киргизский
киров.— кировский
кольск.— кольский
костр.— костромской
краснояр.— красноярский
крым.-татар.— крымско-татарский
кумык.— кумыкский

курган.— курганский
кур.— курский
кюэрик.— кюэрикский
лат.— латинский
латыш.— латышский
лебед.— лебединский
лив.— ливский
лит.— литовский
люд.— людиковский
македон.— македонский
мангаз.— мангазейский
манс.— мансийский
маньчжур.— маньчжурский
мар.— марийский
мок.-морд.— мокша-мордовский
монг.— монгольский
морав.— моравский
моск.— московский
нарым.— нарымский
нганасан.— нганасанский
нем.— немецкий
ненец.— ненецкий
н.-дон.— нижнедонской
нижегор.— нижегородский
н.-лужиц.— нижнелужицкий
н.-нем.— нижненемецкий
новг.— новгородский
новосил.— новосильский
новосиб.— новосибирский
ногайск.— ногайский
порт.— португальский
обдор.— обдорский
обь-енис.— обь-енисейский
ойрот.— ойротский
олон.— олонецкий
ом.— омский
онеж.— онежский
оренб.— оренбургский
орлов.— орловский
османск.— османский
пелым.— пелымский
пенз.— пензенский
перм.— пермский
перс.— персидский
печор.— печорский
пинеж.— пинежский
полес.— полесский
польск.— польский
праслав.— праславянский
приирт.— прииртышский
прикам.— прикамский
прус.— прусский
псков.— псковский
рост.— ростовский
рус.— русский
рязан.— рязанский
саам.— саамский
салар.— саларский
сарат.— саратовский
свердл.— свердловский
сев.— северный
сев.-двин.— северодвинский
сев.-рус.— севернорусский
серб.-хорв.— сербохорватский
сиб.— сибирский
скиф.— скифский
слав.— славянский
словац.— словацкий
словен.— словенский
смол.— смоленский
сойот.— сойотский
ср.-в.-нем.— средневерхненемецкий
ср.-лат.— среднелатинский
среднеоб.— среднеобский
ср.-тюрк.— среднетюркский
ст.-рус.— старорусский
ст.-слав.— старославянский
ст.-серб.— старосербский
ст.-укр.— староукраинский
ст.-чеш.— старочешский
сургут.— сургутский
талиц.— талицкий
тамб.— тамбовский
тараноч.— таранчинский
тар.— тарский
татар.— татарский
тверск.— тверской
телеут.— телеутский
тобол.— тобольский
тобол.-татар.— тобольско-татарский
том.— томский
тув.— тувинский
тул.— тульский
тур.— турецкий
туркм.— туркменский
тюмен.— тюменский
тюрк.— тюркский
удм.— удмуртский
узб.— узбекский
уйгур.— уйгурский
укр.— украинский
урал.— уральский
устюж.— устюжский
финн.-угор.— финно-угорский
фин.— финский
франц.— французский
хакас.— хакасский
хант.— хантыйский
холмогор.— холмогорский
церк.-слав.— церковнославянский

чагат.— чагатайский
чаус.— чаусский
челяб.— челябинский
чеш.— чешский
швед.— шведский
шор.— шорский
эвен.— эвенский
эст.— эстонский

юго.-зап.— юго-западный
юж.— южный
юж.-помор.— южнопоморский
юж.-рус.— южнорусский
юж.-сиб.— южносибирский
юж.-урал.— южноуральский
якут.— якутский
яросл.— ярославский

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПОМЕТЫ

диал.— диалектное
ист.— историзм
кн.— книжное
лит.— литературное
м. р.— мужской род
мн. ч.— множественное число
обл.— областное
позд.— позднее
прилаг.— прилагательное
разг.— разговорное

редк.— редкое
род. п.— родительный падеж
совр.— современное
спец.— специальное
ср. р.— средний род
устар.— старое
уменьшит.— уменьшительное
уничижит.— уничижительное
устар.— устаревшее

ТІЛ БІЛІМІ ИНСТИТУТЫ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава I. Наименования построек и их частей 10
Глава II. Родовые названия домашнего имущества и наименования одежды и обуви 43
Глава III. Лексика промыслов 96
Глава IV. Географические термины 139
Заключение 180
Примечания 184
Сокращения 197
Источники и словари . . . . . —
Названия языков и диалектов 201
Лексикографические пометы 203

ТІЛ БІЛІМІ ИНСТИТУТЫ

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ
атындағы
ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

Леонид Григорьевич Панин

ЛЕКСИКА ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII – первая половина XVIII в.

Утверждено к печати Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР

Редактор издательства М. А. Лапшина
Художник Н. К. Белик
Технический редактор Л. П. Мишеева
Корректоры С. М. Погудина, Н. В. Лисина

ИБ № 23790

Сдано в набор 06.03.84. МП-04045. Подписано в печать 23.01.85. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 10,9. Усл. кр.-отт. 11,1. Уч.-изд. л. 12,9. Тираж 1150 экз. Заказ № 91. Цена 2 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука». Сибирское отделение. 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука». 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

Книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091 **Алма-Ата,** ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);

370005 **Баку,** ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);

232600 **Вильнюс,** ул. Университето, 4;

690088 **Владивосток,** Океанский проспект, 140;

320093 **Днепропетровск,** проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);

734001 **Душанбе,** проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);

375002 **Ереван,** ул. Туманяна, 31;

664033 **Иркутск,** ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);

420043 **Казань,** ул. Достоевского, 53;

252030 **Киев,** ул. Ленина, 42;

252142 **Киев,** проспект Вернадского, 79;

252030 **Киев,** ул. Пирогова, 2;

252030 **Киев,** ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);

277012 **Кишинев,** проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);

343900 **Краматорск,** Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);

660049 **Красноярск,** проспект Мира, 84;

443002 **Куйбышев,** проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);

191104 **Ленинград,** Литейный проспект, 57;

199164 **Ленинград,** Таможенный пер., 2;

196034 **Ленинград,** В/О, 9 линия, 16;

220012 **Минск,** Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);

103009 **Москва,** ул. Горького, 19а;

117312 **Москва,** ул. Вавилова, 55/7;

630076 **Новосибирск,** Красный проспект, 51;

630090 **Новосибирск,** Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»);

142284 **Протвино,** Московской обл., «Академкнига»;

142292 **Пущино,** Московской обл., МР, «В», 1;

620151 **Свердловск,** ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);

700029 **Ташкент,** ул. Ленина, 73;

700100 **Ташкент,** ул. Шота Руставели, 43;

700187 **Ташкент,** ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);

634050 **Томск,** наб. реки Ушайки, 18;

450059 **Уфа,** ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);

450025 **Уфа,** ул. Коммунистическая, 49;

720001 **Фрунзе,** бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);

310078 **Харьков,** ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»);

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
готовит к выпуску следующие книги:

Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма.

Культурно-бытовые процессы у русских Сибири (XVIII — начало XX в.).

Урало-алтаистика. (Археология. Этнография. Язык).

Локальные особенности русского фольклора Сибири.

Книги высылаются наложенным платежом. Заказы направляйте по адресу: 630090, Новосибирск, 90, Морской проспект, 22, магазин «Наука».

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ
АТЫНДАҒЫ
ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ
АТЫНДАҒЫ
ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ